

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 2/2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Андрюшин С.А., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головин М.Ю.

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента
банковского дела и финансовых рынков Финансового университета
при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Архипов А.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Дорошенко М.Е.

доктор экономических наук, профессор, зам. зав. кафедрой
прикладной институциональной экономики экономического
факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Караева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором, зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, руководитель научного направления Института экономики РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института экономики РАН

Некиселов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор, руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 2/2022

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
(по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки),
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),
08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Седлов А.П.	
Влияние пандемии COVID-19 на формирование рынков труда России и стран ЕС.....	9
Коломиец А.Г.	
Расходы федерального бюджета Российской Федерации на здравоохранение в контексте пандемических угроз.....	27
Батов Г.Х.	
Основные факторы поступательного опережающего развития.....	39
Козлова С.В., Братченко С.А.	
Реформирование механизмов управления государственным имуществом в условиях новых вызовов: исторический опыт косыгинской реформы.....	53

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Хейфец Б.А.	
Глобальная деофшоризация 4.0.....	76

ФИНАНСЫ

Гаврилов В., Иванов М.А., Клачкова О.А., Королев В.Ю., Рощина Я.А.	
Влияние тематических новостных потоков на компоненты волатильности фондового рынка России.....	93

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

Медведев И.В.	
Влияние деформации наднациональных институтов на интеграцию национальных экономик.....	112
Романчук Е.С.	
Содействие государств – членов ОЭСР и многосторонних институтов экономическому развитию Республики Узбекистан....	131
Вологова Ю.В.	
Инновационное развитие российской экономики: состояние и анализ мер государственной поддержки.....	153

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зеленоборская Л.В.

Институт экономики Российской академии наук в 2021 году. 169

Бобков В.Н., Вершинина М.А.

Труд и качество жизни населения России в контексте научной
позиции Е.И. Капустина (к 100-летию со дня рождения ученого). . . . 175

Куликов А.Г.

Безусловный «базовый» доход в России: шанс или ловушка? 192

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Sedlov A.P.**
Impact of the COVID-19 Pandemic on the Formation of Labor Markets
in Russia and the EU Countries. 9
- Kolomiets A.G.**
Expenditures of the Federal Budget of the Russian Federation
on Healthcare in the Context of Pandemic Threats. 27
- Batov G.Kh.**
Key Factors of the Progressive Advanced Development 39
- Kozlova S.V., Bratchenko S.A.**
Reforming State Property Administration Mechanisms in the Context
of New Challenges: Historical Experience of Kosygin Reform 53

WORLD ECONOMY

- Kheyfets B.A.**
Global Deoffshorization 4.0 76

FINANCE

- Gavrilov V., Ivanov M.A., Klachkova O.A., Korolev V.Yu.,
Roshchina Ya.A.**
Impact of News Flows on Components of Russian Stock Market
Volatility. 93

PUBLICATIONS OF YOUNG AUTHORS

- Medvedev I.V.**
Impact of the Deformation of Supranational Institutions
on the Integration of National Economies 112
- Romanchuk E.S.**
Support of the OECD Member States and Multilateral Institutions
to the Economic Development of the Republic of Uzbekistan. 131
- Vologova Yu.V.**
Innovative Development of the Russian Economy: Status and Analysis
of State Support Measures 153

SCIENTIFIC LIFE

Zelenoborskaya L.V.

The Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences in 2021 . . . 169

Bobkov V.N., Vershinina M.A.

Labor and Quality of Life of the Population of Russia in the Context
of the Scientific Attitude of E.I. Kapustin (to the 100-th Anniversary
of the Birth of the Scientist) 175

Kulikov A.G.

Unconditional "Basic" Income in Russia: a Chance or a Trap? 192

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

А.П. СЕДЛОВ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центра политики занятости и социально-трудовых отношений
ФГБУН Институт экономики РАН

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКОВ ТРУДА РОССИИ И СТРАН ЕС

В работе рассмотрены и систематизированы механизмы влияния пандемии COVID-19 на рынок труда в странах-реципиентах и странах-донорах, определены факторы сжатия рынков труда России и европейских стран и дана сравнительная оценка возможностей их реструктуризации. Краткий исторический анализ эволюции теории миграции позволил актуализировать современные проблемы последствий массовой трудовой миграции в странах-бенефициарах.

Ключевые слова: реиммиграция, фаза ожидания и восстановления, новая волна иммиграции, границы рынка труда иностранной рабочей силы.

JEL: J00, J61, F22.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_9_26.

Введение

Анализ ситуаций на рынках труда разных стран за последние два года позволил оценить потери, нанесенные пандемией COVID-19, экономике и социуму стран-участниц миграционного обмена, в том числе и реиммиграцией.

Важно заметить, что понятие «реиммиграция» автор определяет как процесс, противоположный иммиграции и представляющий собой чаще всего отток населения из стран пребывания в страны происхождения, или процесс возвращения эмигрантов на родину. Наиболее значимая часть вернувшихся – это трудовые иммигранты, которые вынуждены были прервать трудовую деятельность в связи с объявлен-

ным карантинном и закрытием предприятий. Поэтому реиммиграция в условиях пандемии рассматривается в статье как временное явление, которое оказывает многофакторное влияние на экономику стран пребывания и происхождения.

В связи с закрытием границ и объявлением карантина трудовые мигранты выбирали один из вариантов – остаться в условиях социальной изоляции в стране пребывания или вернуться на родину, тоже на карантин. Нерезиденты из числа квалифицированных работников, многие из которых имеют жилье и средства для оплаты транспортных услуг, оказались более вариативны в выборе решений и мобильны в перемещениях. Часть иммигрантов массовых профессий, оставшись без работы и средств к существованию, смогли покинуть страну пребывания; многие перешли на нелегальное положение, ожидая возможности отъезда или работая в зонах риска. Векторы движения населения в контексте ковидной реиммиграции определены страной пребывания, статусом и квалификацией иностранного работника, наличием средств к существованию, жилья, медицинской страховки, перспектив занятости и т. д.

Отток иностранцев в страны происхождения, угроза заражения коронавирусом, риски в экономической и социальной сфере принимающих стран радикально изменили потребительское поведение населения, которое в значительной степени стало ориентироваться на on-line модель. В отраслевой и профессиональной структуре занятости трудовых иммигрантов произошли существенные сдвиги, возникла нехватка кадров в розничном ритейле, логистике, доставке. В России, в связи с реализацией принятых правительством РФ новых национальных проектов, увеличился спрос на дешевую рабочую силу в строительстве жилья и на дорожных работах.

В стратегиях государственной миграционной политики большинства развитых стран приняты специальные положения, касающиеся ограничений на привлечение иностранной рабочей силы в связи с возникновением целого ряда негативных последствий в экономике и социальной сфере. Реиммиграция предоставила уникальный шанс ограничить новую волну трудовой иммиграции и создать условия для замены иностранцев национальными кадрами.

Данное исследование имеет целью провести анализ трансформаций спроса и предложения на рынке труда иностранной рабочей силы, оценить возможности его реструктуризации в постковидный период, систематизировать социально-экономические последствия форс-мажорного движения населения (от реиммиграции и фазы ожидания до настоящего периода восстановления рынка труда) и выявить институциональные особенности рынка труда иностранной рабочей силы в национальных экономиках России и стран ЕС.

Социально-экономические измерения реиммиграции в странах ЕС и СНГ

В марте 2020 г., когда началась активная стадия борьбы с вирусом COVID-19, широкое распространение получило массовое возвращение иностранных работников в страны происхождения. Дополнительным импульсом для этого было желание покинуть страну с большим количеством заболевших граждан и, соответственно, с высокой вероятностью заражения, в страны, которые были более благополучные в этой ситуации.

На фоне многообразия проявлений последствий реиммиграции, несомненно, наблюдалось одно общее – это возникновение *дисбаланса в сложившемся равновесии рынков труда стран-контрагентов*, который усиливается с возвращением к экономическим пропорциям, предшествующим иммиграции. Вернувшись на родину, несостоявшиеся мигранты могут усугубить положение на национальном рынке труда, а при определенных условиях, – напротив, могут придать новый импульс развитию экономики. Несомненно, что часть реиммигрантов, по мере снятия ограничений, возобновит трудовую деятельность в стране пребывания, подтвердив статус трудового иммигранта. Наиболее вероятно, что проявятся все указанные варианты экономической активности.

Императивы реиммиграции, или обратного движения населения, определены накопленным принимающими странами миграционным потенциалом, который формируется в соответствии со сводами известных законов движения населения [15; 11; 16; 12; 18], используемых в экономическом анализе в зависимости от целей и задач конкретного исследования. Основатель теории миграции Э.Г. Равенштайн в своем труде «The Laws of Migration: Second Paper» (1889) обосновал, что каждый миграционный поток порождает противопоток [15], который по силе и направленности определен масштабами первоначальной иммиграции на более благополучные территории. Разумеется, форс-мажорные обстоятельства пандемии вносят в процесс современной ковидной реиммиграции особенности, в первую очередь обусловленные быстротой принятия решений по закрытию границ из-за угрозы массового заражения новым вирусом.

В странах-реципиентах потенциал реиммиграции в период пандемии COVID-19 сформирован движением населения по экономическим причинам из бедных территорий в богатые и, соответственно, обратным маршрутом. В начальный период распространения коронавируса в странах ЕС – это реиммиграция из стран-реципиентов богатого Запада в новые бедные страны-доноры Востока (Болгария, Румыния,

страны Балтии)¹. В формате СНГ это обратные миграции из России в бедные страны ЦА (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия²) и в другие страны Содружества (Украина, Белоруссия, Казахстан).

Структура каждого международного объединения определена наличием центра миграционного притяжения и периферии: в ЕС это Германия, Франция, страны Северной Европы, с одной стороны, и страны Восточной Европы, с другой; в СНГ соответственно Россия, имеющая богатые традиции регионального лидера [1, с. 491], с одной стороны, и страны ЦА – с другой.

Основные мотивы миграции со временем претерпели существенные изменения в зависимости от изменений законодательства принимающих стран или «вмешивающихся обстоятельств» [17], поэтому маршруты движения населения в большей мере стали определяться субъективными нормами, регламентирующими визовые ограничения и право на труд в стране пребывания. Так, в странах ЕС в 2004 г. новые члены Союза имели временные ограничения на работу в странах EU 15, отмененные впоследствии. В странах СНГ, согласно Бишкекскому соглашению 1992 г., ограничения соискателям лучшей жизни на выбор страны Содружества не были предусмотрены. Вместе с тем в целом либеральные законодательства стран ЕС и СНГ впоследствии способствовали формированию избыточного иммиграционного потенциала в богатых странах союзов – он и определил конъюнктуру рынков труда к началу пандемии COVID-19.

Трансформации европейского экономического пространства, рассматриваемые в контексте глобальных миграций, выражаются в сужении постсоветского СНГ и расширении современного ЕС. Очевидно, что в тренде движения Восток-Запад находится Украина. Ранее его подтвердили страны Восточной Европы и Балтии, за счет которых в 2004 г. произошло расширение ЕС. Так, в 2020 г. первых видов на жительство в странах ЕС больше всего было выдано гражданам Украины – 601 200³.

Пандемия внесла коррективы в тенденцию стабильного роста иммиграции в страны ЕС лиц, не являющихся гражданами Союза, что вместе с оттоком граждан ЕС из стран EU15 в страны ЕС10 привело к дефициту иностранной рабочей силы на локальных рынках труда. Так, по данным Евростата, количество выданных первых видов на жительство в 2019 г. составило 2,2 млн, а в 2020 г. – на 706 000 меньше. Более четверти всех первых видов на жительство гражданам стран, не являющихся членами ЕС, выдала Польша (598 000, или 26% от общего

¹ Реиммиграции из ЕС имеет более широкую географию, чаще это страны-доноры из Северной Африки и Среднего Востока.

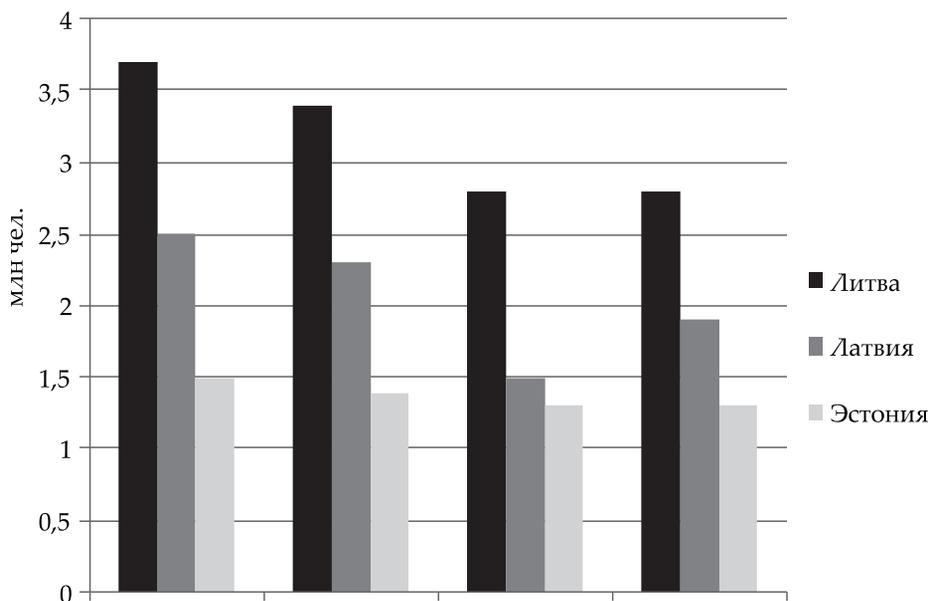
² Страны большой тройки.

³ <https://ec.europa.eu/eurostat/cache/digpub/demography/bloc-1a.html?lang=en>.

числа разрешений, выданных в ЕС), далее следуют Германия и Испания (соответственно по 14%)⁴. При этом следует учитывать, что в этих данных не находит отражения отток мигрантов в бедные страны – члены ЕС.

По данным портала Работа.гу, в 2020 г. в результате реиммиграции в Литву из стран ЕС вернулись 22 тыс. человек – представителей различных профессий, в то же время из Литвы на Украину выехали 28 тыс. мигрантов, выполняющих преимущественно малооплачиваемые непрестижные работы. Возник дефицит рабочих мест в городском хозяйстве, на транспорте, в сезонных работах. Вместе с тем рабочие места по прежним профессиям граждан, вернувшихся из стран ЕС, в большинстве были утрачены целыми секторами экономики [8, с. 67].

В странах Балтии, вместе с их вступлением в ЕС, наметилась устойчивая тенденция отрицательного миграционного баланса, а структура экономики изменилась в направлении более простых видов деятельности. До 2018 г. за счет движения в сторону более богатых европейских стран постоянное население республик Балтии имело тенденцию к снижению (см. рис. 1).

Источник: рассчитано автором по: <https://news.ru/v-mire/pribaltika-litva-emigraciya-demografiya>; <https://news-front.info/2020/05/01/16-let-v-czifrah-neuteshitelnaya-statistika-pribaltiki-s-momenta-vstupleniya-v-sostav-evrosoyuza/>

Рис. 1. Численность населения стран Балтии по годам (млн человек)

⁴ <https://ec.europa.eu/eurostat/cache/digpub/demography/bloc-1a.html?lang=en>.

К 2018 г. население стран Балтии сократилось с 7,1 млн человек в 2004 г. до 5,6 млн человек. Однако в 2020 г. реиммиграция нивелировала продолжающийся отток и стабилизировала численность населения.

Устойчивая тенденция эмиграции населения наиболее трудоспособного возраста ведет к его старению и проблемам в экономике, которые отчасти решаются субсидиями ЕС странам -- новым членам Союза, а отчасти за счет дешевой рабочей силы из более бедной Украины.

Страны СНГ не смогли преодолеть препятствия на пути реиммиграции иностранцев, не состоявшейся в начальный период распространения эпидемии. Так, значительное число желающих покинуть Россию граждан стран так называемой большой тройки⁵ не смогли уехать из-за прерванного в конце мая 2020 г. воздушного сообщения этих стран с Россией.

По данным Министерства занятости и трудовых ресурсов Узбекистана, в страну на 29 мая 2020 г. вернулось около 498 тыс. граждан, которые «создают дополнительную нагрузку на рынок труда». В результате карантина и остановки около 400 предприятий безработными оказались свыше 150 тыс. человек местных кадров. Всего в других странах трудятся примерно 2,5 млн граждан Узбекистана (из них 2 млн в России), что составляет около 20% трудоспособного населения страны⁶.

В этой связи несостоявшуюся реиммиграцию в страны большой тройки можно рассматривать как определенное экономическое и социальное благо, которое выражается в отсутствии дополнительного давления на рынок труда и частичном возобновлении денежных переводов, которые составляют до трети ВВП Таджикистана и Кыргызстана⁷. По признанию экспертов из числа граждан Киргизии, владеющих ситуацией, 800 тыс. соотечественников, находящихся в России и гипотетически могущих вернуться на родину, могли бы провоцировать в стране «еженедельные революции»⁸.

Таким образом, ковидная реиммиграция временно нарушила тенденцию глобального тренда движения населения в богатые страны из бедных стран, в которых возврат соотечественников усилил социальную напряженность и безработицу.

⁵ Узбекистан, Таджикистан и Киргизия.

⁶ Москва. 29 мая. INTERFAX.RU. <https://www.interfax.ru/world/710939>.

⁷ <https://www.ritmeurasia.org/news--2020-05-30--tadzhikistan-i-kyrgyzstan-bystro-bednejut-bez-denezhnyh-perevodov-migrantov-49260>.

⁸ Там же.

Сжатие рынка труда стран-бенефициаров

Анализируя дисбаланс на рынке труда, вызванный ковидной реиммиграцией, следует более четко обозначить этапы или стадии трансформаций рынка труда иностранной рабочей силы. В начальный период имеет место собственно отток рабочей силы; последствия рынок труда начинает ощущать в фазе ожидания, которая по мере постепенного снятия ограничений переходит в стадию восстановления и формально заканчивается вместе с достижением экономикой доковидных значений⁹. На второй, наиболее продолжительной стадии формируются контуры новой структуры спроса, осуществляется коррекция мер миграционной политики, направленной на активизацию новой волны трудовой иммиграции и поиск внутренних резервов для замены иностранной рабочей силы.

В настоящее время большинство стран и мировая экономика в целом еще не достигли доковидных экономических показателей 2019 г., и, миновав короткую фазу ожидания, активно вступили в стадию восстановления. Рынки труда развитых стран ощутили сжатие предложения, идентифицировали потери, вызванные оттоком трудовых иммигрантов неквалифицированных профессий преимущественно из бедных стран.

В европейских странах первую строку в рейтинге дефицита занимают сезонные сельскохозяйственные рабочие. Следующую позицию занимают профессии, обеспечивающие логистику и продажи в розничном ритейле (водители, продавцы, грузчики). Далее в рейтинге располагаются курьеры, разнорабочие, уборщики помещений, помощники в домашнем хозяйстве, другие, не востребованные местными кадрами низкооплачиваемые рабочие.

В странах ЕС транспортное сообщение с внешним миром было прервано в середине марта 2020 г. Уже в апреле 2020 г. развитые страны Союза забили тревогу, доказывая необходимость мигрантов в сфере труда, даже с учетом вернувшихся в страну граждан. Так, Германия, Италия, Испания, Франция еще до открытия границ гражданам ЕС в срочном порядке и с учетом санитарных норм защиты от распространения COVID-19 обеспечили рабочие визы сезонным рабочим и их прибытие в помощь местным фермерам. Однако отмечались и случаи их замены на местные кадры – они имели место во Франции, где не

⁹ Разумеется, границы между стадиями трансформации рынка труда иностранной рабочей силы условны, так как миграционные процессы имеют дискретный характер, лаг времени, специфические особенности по категориям мигрантов и секторам экономики.

успели оформить въезд мигрантов, и в России, где по той же причине были задействованы безработные и студенты¹⁰.

В середине июня 2020 г., через три месяца после закрытия границ между странами ЕС, сообщение начало восстанавливаться. Так, 13 июня Польша для граждан ЕС открыла сухопутные границы с Германией и Литвой, а с 15 июня открыты все внутренние границы в рамках Шенгенского соглашения, объединяющего 26 стран Европы. Следующим шагом явилось открытие воздушного сообщения внутри Союза и с внешними странами¹¹. Таким образом, в странах ЕС достаточно быстро были созданы условия для новой волны трудовой иммиграции, как и прежде генерируемой относительной бедностью в странах Балтии и Восточной Европы.

В России период транспортной изоляции страны от внешнего мира оказался значительно большим, чем в странах ЕС. Так, воздушные границы России были закрыты немногим позже, чем в ЕС, а вот открытие заняло более продолжительное время, что в значительной мере было определено позициями стран – партнеров мирового сообщества. Глава Росавиации предложил начать с мониторинга результатов внутреннего авиасообщения, затем приступить к открытию воздушного сообщения со странами СНГ¹².

Принципиальным отличием реиммиграции в странах ЕС и России явилось то, что в Союзе в страны происхождения было перемещено большинство мигрантов, особенно из числа временных неквалифицированных работников из бедных стран Европы. *В Содружестве, напротив, мигранты из бедных стран ЦА не смогли, а большей частью не захотели покинуть Россию.*

В странах ЕС фаза ожидания после реиммиграции в страны происхождения была отмечена соответствующими маркерами. В первую весну коронокризиса (2020 г.) проблема нехватки рабочих в агросекторе выразилась дефицитом 40 тыс. человек в Германии, 200 тыс. во Франции, 70 тыс. – в Испании и Великобритании¹³.

¹⁰ Сфера труда в условиях пандемии / Под ред. И.В. Соболевой. М.: Институт экономики РАН, 2021. С. 44.

¹¹ Воздушное сообщение с внешним миром было открыто 1 июля 2020 г., при этом России не оказалось в списке стран, которым разрешены полеты в страны ЕС. Brusselse. 30 June 2020. Interinstitutional File: 2020/0134(NLE). Brusselse. 30 June 2020. Interinstitutional File: 2020/0134(NLE).

¹² МОСКВА, 2 июля. РИА Новости. Федеральное агентство воздушного транспорта (Росавиация) продлило запрет на въезд иностранцев в Россию до 31 июля включительно.

¹³ https://www.currenttime.tv/a/europe-seasonal-workers/30592242.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D.

Наибольший дефицит кадров ощутил рынок труда Великобритании, где стадия восстановления была осложнена последствиями Брексита, значительно ограничившего торговые и миграционные связи со странами ЕС. Новые трудовые и визовые ограничения не позволяют нанять до 100 тыс. «дальнобойщиков» для доставки товаров из Европы¹⁴. Правительство королевства настаивает на использовании местных кадров, в то время как в бизнес-сообществе заявляют о неготовности к новой модели найма, ссылаясь на рост издержек профессиональной подготовки и нежелание британцев занимать низкооплачиваемые и малопрестижные рабочие места. Всего в Великобритании на сентябрь 2021 г. насчитывалось 1,7 млн вакантных рабочих мест, которые ранее занимали иностранцы из бедных стран Европы¹⁵. При этом с начала пандемии страну покинули 1,3 млн иностранцев¹⁶.

В России фаза ожидания прошла значительно более гладко за счет несостоявшихся реиммигрантов, которые не смогли или не захотели покинуть Россию. Причем в когорте оставшихся особо следует выделить категорию нелегальных мигрантов из стран СНГ, примерно половина которых обрела соответствующий статус именно потому, что не смогли покинуть Россию в сроки, обозначенные окончанием действия патентов. Указами Президента эта невидимая часть предложения на рынке труда РФ регулярно получает индульгенцию пребывания в России в виде переноса сроков депортации и прочих рестрикционных угроз в отношении нелегалов.

На рис. 2 показано количество легально работающих в России мигрантов из стран СНГ, их наименьшее число отмечалось в 2020 г. Пространство между двумя линиями графически отражает дефицит трудовых кадров, возникший вследствие оттока мигрантов.

По данным Росстата, в 2019 г. всего имеющих патенты граждан СНГ насчитывалось всего 1 млн 693,3 тыс., в 2020 г. их численность сократилась более чем на 600 тыс. человек и составила 1 млн 71,1 тыс. Следует иметь в виду, что статистика патентов не учитывает движение граждан стран ЕАЭС, находящихся и осуществляющих трудовую деятельность на территории России без ограничений.

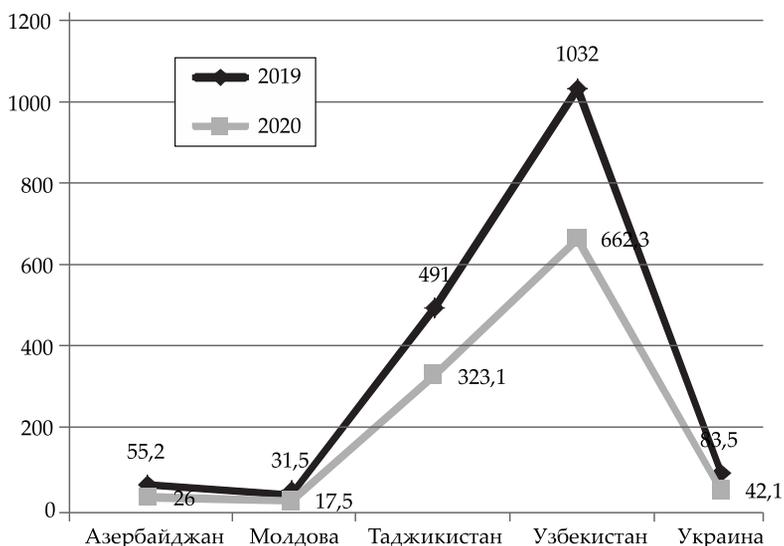
Есть основания полагать, что бизнес-сообщество в диалоге с государством нередко завышает показатели по нехватке иностранных работников, многие из которых работают в серой зоне без надлежащего оформления трудовых договоров. По некоторым оценкам, с учетом этой категории нелегалов, реальный дефицит рабочей силы

¹⁴ <https://inosmi.ru/politic/20210916/250511253.html>.

¹⁵ Там же.

¹⁶ <https://www.bbc.com/russian/features-55802892>.

из стран СНГ в экономике страны в 2021 г. составляет порядка 15–20% их легальной численности (около 5,5 млн человек), т. е. около 1 млн человек [7, с. 103].

Источник: рассчитано автором по: данные ФГС Россия, страны ЕАЭС и СНГ – 2020 г. https://gks.ru/bgd/regl/b20_05/Main.htm.

Рис. 2. Численность граждан стран СНГ, имевших патент на осуществление трудовой деятельности в России, тыс. человек, на конец периода

В настоящее время развитые страны миновали короткую фазу ожидания, характеризуемую максимальным сжатием рынков труда, и активно вступили в стадию восстановления с новыми контурами спроса и предложения на иностранную рабочую силу.

Теоретические подходы к оценке границ рынка труда иностранной рабочей силы

Либеральные миграционные законодательства развитых стран, принятые в конце XX в. и начале XXI в., имели следствием формирование рынков труда дешевой иностранной рабочей силы. Последующая смена либеральных методов регулирования выразилась в миграционных стратегиях, основанных на сдерживании избыточной массовой миграции из бедных стран. Однако в теории вопроса о негативном влиянии трудовой иммиграции на экономику до сих пор нет единства. Представляется, что трудовая иммиграция в России и в развитых странах Европы имеют специфику воздействия на экономику принимающих субъектов, которое, в значительной степени, определено различиями границ использования иностранной рабочей силы на национальных рынках труда. Реиммигра-

ция и сжатие предложения могут стать точкой отсчета для формирования новых границ использования иностранной рабочей силы.

Во второй половине XX в. экономическая теория миграции, разработанная Э.Г. Равенштайном на основе анализа движения населения «по определяющим экономическим причинам» [15], была дополнена теорией Э.С. Ли о «факторах притягивающих и выталкивающих» [11], а также существенно расширена учением С. Стоуффера о «вмешивающихся обстоятельствах» [17], которое определило в качестве мотивов миграции субъективные нормы законодательства принимающих стран (преференции и ограничения на перемещения). Усиление зависимости экономик развитых стран от трудовой иммиграции вызвали потребность в аналитическом инструментарии экономических процессов. Так возникла неоклассическая теория миграции Нобелевского лауреата У.А. Льюиса, основанная на микроэкономических принципах спроса и предложения, в значительной степени определяемого масштабами дешевой избыточной рабочей силы [12, с. 402].

Представители неоклассического подхода определили ядро теории, или главный мотив миграции, – различия в заработной плате, обусловленные географическими факторами (П. Самуэльсон, М. Фридман). Многими современными теориями этот тезис подвергнут ревизии и дополнен. Так, Д. Массей доказал, что разница в доходах не есть главный фактор, обуславливающий миграцию [13], а «экономические факторы, хоть зачастую и бывают ведущими, но не являются единственными» [2, с. 39]. Очевидно, что мотивы связаны с изменением условий и развитием новых форм международного миграционного обмена. Существенным дополнением неоклассическому подходу стала концепция новой экономики миграции, рассматривающая миграцию на микроуровне, где авторы изучают уже не процессы, на которые влияет миграция, а самого мигранта [13].

Глобализация и усиление неравенства направили существенную часть исследований на анализ движения населения из стран периферии в центральные страны («теория мировых систем Валлерстайна» [18, с. 410] с акцентом на экономическое положение в развивающихся странах-донорах.

Рост избыточной дешевой рабочей силы, миграционный европейский кризис 2015–2016 гг. подтолкнули смену либеральных методов регулирования миграции на меры тотального ограничительного характера. В этот период теория миграции столкнулась с глобальным противоречием между провозглашенными ООН принципами беспрепятственного перемещения соискателей лучшей жизни¹⁷ и сувере-

¹⁷ 10 декабря 2018 г. Межправительственная конференция ООН утвердила Глобальный пакт безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

нитетами принимающих стран [16]. Суть этого противоречия в значительной степени определяет необходимость разработки теории оценок использования иностранной рабочей силы в страна-реципиентах, которые могут находиться в диапазоне от несомненного эффекта до негативных проявлений и последствий.

Современные зарубежные теории миграции основаны на постулатах неоклассического подхода, определяющего движение трудовой миграции с вектором от стран и регионов с избыточным человеческим потенциалом в страны с высоким спросом и ограниченным предложением [2, с. 39]. «Значительные проблемы возникают при соединении микро- и макроуровней», отмечает Е.Б. Яковлева в статье «Западные теории внешней трудовой миграции (критический анализ на основе европейских и российских реалий» [9, с. 69]. Несоответствия становятся очевидными, когда использование дешевого труда мигрантов дает прибыль на корпоративном уровне, в то же время в макроэкономических оценках отмечаются технологический застой, консервация низкого уровня условий и оплаты труда. Избыточное предложение дешевых трудовых ресурсов¹⁸ приводит к снижению трудовых стандартов, стимулов технического развития, покупательной способности населения. В дальнейшем имеет место замедление роста производительности труда и инновационной активности, экономика страны попадает в «миграционную ловушку» [9, с. 69].

Снижению экономического спроса в принимающих странах способствуют денежные переводы мигрантов на родину. По данным консалтинговой компании Fin Expertiza, за период с 2009 по 2018 г. из России в страны СНГ и бывшие страны СССР была вывезена гигантская сумма денег – 141,4 млрд долл. США, или 5,4 трлн руб.¹⁹ Анализ современного состояния иммиграционного человеческого капитала в России, который более чем на 90% состоит из неквалифицированной рабочей силы из стран СНГ [8, с. 67], дает основание утверждать, что избыточная трудовая иммиграция отнимает рабочие места у местных жителей²⁰, препятствует созданию достойных рабочих мест и ослабляет экономику страны.

Такая точка зрения получила новый импульс вместе с возникновением коронакризиса (и трудовой реиммиграцией), который предоста-

¹⁸ При этом содержание понятия «избыточный» следует рассматривать в контексте оценки потребностей субъекта в иностранной рабочей силе.

¹⁹ Там же. 30.05.2020 / Евгений Погребняк | 00.04 Версия для печати. Евразийская интеграция.

²⁰ По данным ВЦИОМ, 44% москвичей считают, что приезжие отнимают у них рабочие места. <https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/2617614>.

вил возможность ограничения новой волны трудовой иммиграции и формирования новой структуры рынка труда с опорой на местные кадры.

Проблема влияния на экономику неквалифицированной трудовой иммиграции не имеет однозначной постановки и оценки. Однако оппоненты использования иностранной рабочей силы не всегда учитывают, что мигранты вывозят меньше, чем создают, при этом сами обеспечивают спрос. Да и занимают они чаще всего свою нишу, которая в условиях отсталой технической базы российской экономики довольно велика. В свою очередь аргументы в пользу «своей ниши» небезосновательно могут быть оспорены с позиций *имеющей место конкуренции мигрантов с местными кадрами неквалифицированного труда или обоснованности границ рынков труда нерезидентов и граждан.*

Миграционная политика развитых стран в значительной степени основана на привлечении иностранной рабочей силы, которая масштабами и структурой не должна ущемлять интересы занятости граждан приглашающей страны. Принимающие страны используют широкий арсенал норм защиты своих работников от нежелательной конкуренции – от списков востребованных профессий до «обязательных объявлений о вакансиях (labour market tests) и согласия профсоюзов на привлечение иностранцев [5, с. 47].

Более внимательный взгляд на природу рынка труда иностранной рабочей силы позволяет выявить существенные различия в степени его автономии (обособленности) в развитых европейских странах и в России. *Условия, особенности формирования и границы этого специфического рынка труда определяют остроту проблемы дефицита труда иностранцев и методы ее решения.*

Особенности российского рынка труда становятся более понятными в контексте *теории двойного рынка труда М. Пиоре, согласно которой в развитых странах мигранты из бедных стран занимают особый рынок труда по профессиям низкой квалификации и не пользующихся спросом у местного населения [14].* При этом заработные платы²¹ на национальном рынке труда страны-реципиента кратно превышают низкий уровень оплаты труда в автономном секторе занятости мигрантов²². В период пандемии абсолютная автономия этого рынка труда особенно ярко проявилась в богатых странах Западной Европы [3, с. 105], где отмечены массовые отказы представителей титульной нации зани-

²¹ Пособие по безработице и иные социальные выплаты также значительно превышают зарплаты мигрантов из бедных стран.

²² Важно подчеркнуть, что на мировом и региональных рынках квалифицированного труда соотношения по многим позициям прямо противоположные – иностранцам чаще предоставляются более выгодные условия (с учетом компетенций, а также расходов и бонусов за смену места жительства).

мать рабочие места уехавших на родину мигрантов. Причиной таких трудовых установок явились пособия по безработице, размеры которых превышают заработную плату по предлагаемым вакансиям.

В последнее время многие экономисты начинают отмечать сближение заработных плат местных работников и мигрантов в идентичных условиях [4]. В российской экономике пересечения заработных плат мигрантов из стран СНГ и граждан России, занятых на неквалифицированном рынке труда, становятся обычными, что дает веские основания для констатации размытых границ рынка труда иностранной рабочей силы из бедных стран, а соответственно и относительно больших возможностей замещения части его вакансий национальными кадрами.

Примером различий профессиональной структуры и совпадений с национальным рынком труда может служить профессия водителя большегрузных автомобилей. Так, в Великобритании и в развитых странах ЕС вакансии по этой профессии входят в ядро характерных для занятия мигрантами из новых бедных стран Союза. В России, напротив, «дальнобойщики» довольно долгое время являются высокооплачиваемой профессией, которая востребована национальными кадрами.

В отличие от стран Западной Европы, где половину рабочих мест на рынке труда иностранной рабочей силы занимают квалифицированные кадры из развитых стран, в России отмечен более широкий диапазон использования неквалифицированных кадров из бедных стран СНГ [6, с. 187]. Так, кадры, не имеющие тесной связи с рынком труда, в значительной степени определяют профессиональную структуру строительной отрасли, торгового ритейла, сферы обслуживания населения, ЖКХ, такси, рабочие места в которых находятся в зоне конкуренции с местными кадрами.

Трудовая иммиграция оказывает на экономику развитых стран позитивное влияние, способствует перемещению знаний и компетенций, развитию мировой торговли, передаче технологий и внедрению инноваций. Такая позиция превалирует в оценках западных экономистов и основана на экономических расчетах и сопоставлениях. Так, присуждение Нобелевской премии по экономике в 2021 г. в значительной степени обязано международному признанию эмпирических исследований, доказывающих, что массовая трудовая иммиграция не приводит к ухудшению положения местных работников. Лауреат премии Д. Кард сделал такие выводы относительно 125 тыс. кубинских мигрантов, работающих во Флориде в течение 1985–1989 гг. [10].

Автор настоящей работы не ставит цель доказать обратное. Вместе с тем очевидно, что конкуренция иммигрантов с местными кадрами может иметь место, а такая постановка вопроса позволяет глубже

понять границы особого рынка труда мигрантов и оценить возможности их пересмотра за счет использования национальных кадров. Так, директор Института экономики труда (Бонн) К. Цимерман, подводя некоторые итоги массовой миграции из новых стран ЕС 10 в старые ЕС 15 в период с 2004 по 2010 г., отметил, что наряду с положительными результатами имеют место «перераспределительные эффекты»²³. Докладчик отметил, что иммиграция квалифицированных работников может привести к улучшению положения неквалифицированных рабочих и к ухудшению положения квалифицированных кадров, и наоборот – в случае иммиграции неквалифицированных рабочих. Применительно к европейской практике указанные пересечения чаще проявляются в более бедных принимающих странах, с более широким диапазоном особого рынка труда, профессиями и рабочими местами, находящимися в зоне конкуренции с местными кадрами.

Важным аспектом изучения различий границ рынка труда дешевой иностранной рабочей силы являются масштабы и особенности формирования и распределения ренты от использования дешевого труда мигрантов, часто находящихся на нелегальном положении.

В условиях глобального неравенства [18] рента на использование дешевого труда имеет объективную основу и является главным мотивом формирования особого рынка труда иностранцев [14]. Иными словами, экономические законы лежат в основе алгоритма формирования рынка труда иностранной рабочей силы.

В странах-бенефициарах выталкиваемых бедностью мигрантов [11] встречается бизнес, который априори отдает предпочтение более низким издержкам на оплату труда [9, с. 68], что во многих случаях делает эту сферу труда закрытой для общества и национальных кадров.

Парадигма ренты использования дешевого труда в большей мере характерна для современной затратной экономики России, в которой дешевые ресурсы традиционно служат доминантой развития. В этом контексте дешевая иностранная рабочая сила, в известном смысле, созвучна метафоре «нефтяная игла», которая являет собой альтернативу организационным и технологическим инновациям, требующим времени и значительных средств, включая дополнительные расходы на условия и оплату труда по варианту использования национальных кадров.

Отличие от развитых стран Европы более низкие трудовые стандарты и более широкий отраслевой и профессиональный диапазон рабочих мест, занимаемых мигрантами из бедных стран, на российском рынке труда являются причиной многих конкурентных пересечений нерезидентов и национальных кадров.

²³ Выступление на апрельской международной конференции в ГУ-ВШЭ., 2010. <https://iq.hse.ru/news/177674203.html>.

Заключение

1. В принимающих странах реиммиграция и снижение предложения на рынке труда создают своеобразный плацдарм для отказа от избыточной неквалифицированной иностранной рабочей силы и оценки возможностей использования резервов национального рынка труда в контексте инновационного развития экономики.

2. В странах ЕС главным препятствием использования труда граждан неквалифицированных профессий на обособленном рынке труда являются кратные различия заработных плат и пособия по безработице в национальном секторе, превышающие размеры оплаты по освободившимся вакансиям реиммигрировавших нерезидентов. Поэтому в западных теориях критический анализ влияния трудовой миграции на экономику не столь актуален и, как правило, ограничен констатацией возможности ухудшения в стране-реципиенте положения работников социально-профессионального профиля, аналогичного привлекаемым работникам-мигрантам.

3. Экономика современной России в существенной мере основана на дешевых ресурсах и низких трудовых стандартах, генерируемых абсолютной бедностью в странах ЦА и заинтересованностью работодателей в дополнительной ренте. Границы российского рынка труда неквалифицированной иностранной рабочей силы значительно шире европейских стандартов и большей частью пересекаются с предложением национальных кадров, что дает возможности его реструктуризации в контексте роста заработной платы и улучшения условий труда. Поэтому для России методология оценок влияния на экономику привлечения дешевой иностранной рабочей силы приобретает особую актуальность.

4. Острый дефицит дешевой рабочей силы в ряде отраслей российской экономики вынуждает работодателей идти на существенное повышение заработной платы и улучшение условий труда с целью привлечения национальных кадров. Однако новая волна иммиграции на фоне централизованного оргнабора иностранцев из стран ЦА грозит постепенным восстановлением избыточного предложения на рынке неквалифицированного труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. (изд.) Новый энциклопедический словарь. Т. 18. 1914.
2. Василенко П.В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 36–42.
3. Волков А.М. Мигранты в странах Северной Европы: шведский подход // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 4. С. 104–119.
4. Денисенко М.Б., Чернина Е.М. Трудовая миграция и заработки мигрантов в России // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 40–57.

5. Комаровский В.В. Миграционное регулирование в период пандемии COVID-19// Ежегодник Восток-Запад-Россия. ИМЭМО РАН. М., 2020. С. 47–53.
6. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая иммиграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 1 (37). С. 186–193.
7. Седлов А.П. Деформации российского рынка труда в контексте использования дешевой иностранной рабочей силы: реиммиграция и трудовые стандарты // Общество и экономика. 2021. № 9. С. 91–106.
8. Седлов А.П. Императивы европейских миграционных процессов // Общество и экономика. 2019. № 9. С. 61–76. (In Russ.).
9. Яковлева Е.Б. Западные теории внешней трудовой миграции (критический анализ на основе европейских и российских реалий) // Проблемы современной экономики. 2017. № 1 (61). С. 67–70.
10. Card D., Krueger A.B. Myth and Measurement: The New Economics of the Minimum Wage. Princeton University Press, Princeton and Oxford, 1995.
11. Lee E.S. A Theory of Migration // Demography. 1966. No 3 (1).
12. Lewis W.A. The Theory of Economic Growth. N.Y. 1959.
13. Massey D.S. International migration and economic development in comparative perspective // Population and Development Review. 1989. 14. Pp. 383–414.
14. Piore M. Birds of passage. Migrant labor and industrial societies. New York: Cambridge University Press, 1979.
15. Ravenstein E. The Laws of Migration: Second Paper // Journal of the Royal Statistical Society. 1889. № 52. P. 241–305.
16. Sassen S. The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. New York: Cambridge University Press, 1988.
17. Stouffer S. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review. 1940. P. 845–867.
18. Wallerstein I. The Modern World System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century // New-York. Academic Press, 1974.

REFERENCES

1. Brockhaus F.A., Efron I.A. (ed.) New encyclopedic dictionary. Vol. 18. `1914. (In Russ.).
2. Vasilenko P.V. Foreign theories of population migration // Pskov Regionological Journal. 2013. No. 16. Pp. 36–42. (In Russ.).
3. Volkov A.M. Migrants in the Nordic countries: a Swedish approach// Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 4. Pp. 104–119. (In Russ.).
4. Denisenko M.B., Chernina E.M. Labor migration and migrant earnings in Russia // Economic issues. 2017. No. 3. Pp. 40–57. (In Russ.).
5. Komarovskiy V.V. Migration regulation during the pandemic Covid-19// Yearbook East-West-Russia. IMEMO RAS. M., 2020. Pp. 47–53. (In Russ.).
6. Mkrтчyan N.V., Florinskaya Yu.F. Labor immigration in Russia: international and domestic aspects // Journal of the New Economic Association. 2018. No. 1 (37). Pp. 186–193. (In Russ.).
7. Sedlov A.P. Deformations of the Russian labor market in the context of the use of cheap foreign labor: re-immigration and labor standards // Society and economy. 2021. No. 9. From 91–106. (In Russ.).
8. Sedlov A.P. Imperatives of European migration processes // Society and Economics. 2019. No. 9. Pp. 61–76. (In Russ.).

9. *Yakovleva E.B.* Western theories of external labor migration (critical analysis based on European and Russian realities) // *Problems of modern economics*. 2017. No. 1 (61). Pp. 67–70. (In Russ.).
10. *Card D., Krueger A.B.* *Myth and Measurement: The New Economics of the Minimum Wage*. Princeton University Press, Princeton and Oxford, 1995.
11. *Lee E.S.* *A Theory of Migration* // *Demography*. 1966. No 3 (1).
12. *Lewis W.A.* *The Theory of Economic Growth*. N.Y. 1959.
13. *Massey D.S.* International migration and economic development in comparative perspective // *Population and Development Review*. 1989. 14. Pp. 383–414.
14. *Piore M.* *Birds of passage. Migrant labor and industrial societies*. New York: Cambridge University Press, 1979.
15. *Ravenstein E.* *The Laws of Migration: Second Paper* // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. № 52. P. 241–305.
16. *Sassen S.* *The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow*. New York: Cambridge University Press, 1988.
17. *Stouffer S.* *Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance* // *American Sociological Review*. 1940. P. 845–867.
18. *Wallerstein I.* *The Modern World System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century* // New-York. Academic Press, 1974.

Дата поступления рукописи: 07.02.2022 г.

ABOUT THE AUTHOR

Sedlov Alexey Pavlovich – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Center for Employment Policy and Social and Labor Relations of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
sedlovap@bk.ru

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE FORMATION OF LABOR MARKETS IN RUSSIA AND THE EU COUNTRIES

The paper considers and systematizes mechanisms of pandemic shock influence on the labor markets in recipient and donor countries, identifies factors shrinking Russian and European labor markets and provides a comparative assessment of opportunities to restruct them. A brief historical analysis of the evolution of the migration theory enables to actualize current problems of the impacts of mass labor migration in the recipient countries.

Keywords: *reimmigration, the waiting and recovery phase, a new wave of immigration, the boundaries of the labor market of foreign labor.*

JEL: J00, J61, F22.

А.Г. КОЛОМИЕЦ

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

РАСХОДЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИЧЕСКИХ УГРОЗ¹

Важнейшими причинами стремительного распространения пандемии COVID-19 в первую очередь стала недооценка опасных последствий многих направлений экономической активности и игнорирование острых социальных проблем. Основным звеном в противодействии пандемии стали национальные системы здравоохранения. Низкая эффективность этого противодействия, особенно в самом начале пандемии, была обусловлена системными проблемами этой отрасли, которые во многом связаны с недостаточным развитием служб первой помощи в условиях доминирования концепции страховой медицины. В РФ, несмотря на ряд позитивных сдвигов в 2020–2021 гг. в объемах и структуре финансирования здравоохранения за счет федерального бюджета, система здравоохранения, особенно первой медицинской помощи, сохраняет положение одного из наиболее уязвимых звеньев социальной сферы. Необходимым условием изменения этого положения является переход к системе финансирования организаций здравоохранения, обеспечивающей сбалансированное развитие доврачебной, врачебной и специализированной медицинской помощи, равную оплату за равный труд в соответствии с профессионально-квалификационным уровнем специалистов в федеральных, региональных, муниципальных медицинских организациях, последовательное преодоление отставания уровня оплаты труда среднего и младшего медицинского персонала от уровня оплаты труда работников в других отраслях хозяйства.

Ключевые слова: пандемия, первая медицинская помощь, финансирование здравоохранения, федеральный бюджет РФ.

JEL: H41, H51, H61, I15.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_27_38.

¹ Статья подготовлена в соответствии с темой ГЗ: УДК 33:005; Рег. № НИОКТР 121030500096-5; Рег. № ИКРБС «Новые вызовы и угрозы социально-экономической безопасности: меры бюджетно-финансового регулирования».

Пандемия COVID-19 вошла в число наиболее значительных вызовов способности национальных правительств обеспечивать отражение глобальных угроз, в том числе угроз, порожденных изменениями состояния окружающей среды. На «первой линии» противодействия этим угрозам, в силу понятных причин, оказались национальные системы здравоохранения и целый ряд международных организаций. В ряде случаев противодействие оказалось не слишком успешным. Пандемический кризис вызвал перегрузку национальных систем здравоохранения, переформатировал многие глобальные повестки в этой сфере, вынудил отложить (прежде всего в связи с недостатком финансирования, а также материального и кадрового обеспечения) реализацию ряда масштабных проектов, направленных на улучшение здоровья населения на основе международной кооперации, и сократить их ресурсное обеспечение. В связи с медленным внедрением разработанных вакцин и появлением новых опасных штаммов вирусов перспективы выхода из пандемии COVID-19 остаются неопределенными. Многочисленные проблемы связаны с необходимостью продолжать противодействие этой пандемии и одновременно сохранять в достаточном объеме другие функции общественного здравоохранения.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что важнейшие условия стремительного распространения пандемии находятся далеко за рамками круга задач, которые призваны решать системы здравоохранения на национальном и международном уровнях. Эти условия в первую очередь определяются состоянием окружающей среды и формируются в результате недооценки опасных последствий ряда направлений экономической активности и игнорирования острых социальных проблем. В этой связи представляется обоснованной точка зрения, что подход, который рассматривает «стихийные» бедствия как процессы, носящие социальный характер, должен заменить собой дифференциацию технологических и природных угроз [3]. Эпицентрами пандемии стали агломерации, где соединились критические факторы ее распространения: высокая плотность населения; высокая доля уязвимых групп в его составе; плохая экология; большое количество нелегальных и полуполигальных мигрантов. Многие развитые страны, в том числе США, в 2020–2021 гг. оказались среди лидеров по количеству зараженных и по количеству жертв пандемии².

Еще до начала пандемии исследователи Барселонского института глобального здравоохранения попытались оценить воздействие загрязнения воздуха на здоровье населения 1000 городов Европы на основе показателя предотвратимого числа смертей. По данному критерию наи-

² Worldometer. Covid-19 Coronavirus Pandemic. Reported Cases and Deaths by Country or Territory. <https://www.worldometers.info/coronavirus/#countries>.

худшие показатели среди городов Европы имели Брешия и Бергамо – города высокоурбанизированного региона Ломбардия, находящегося в Северной Италии [6]. Едва ли можно считать случайным совпадением с этими оценками тот факт, что в период первой волны пандемии (с февраля по сентябрь 2020 г.) в Ломбардии имела место самая высокая избыточная смертность населения среди регионов Италии [4; 5]. При этом Италия имеет систему здравоохранения, которая оценивается как одна из лучших в Европе, – до пандемии эта страна имела один из самых низких показателей предотвратимой и излечимой смертности в ЕС³. Очевидно, что состояние системы здравоохранения сыграло свою роль в том, что к настоящему времени показатели смертности среди заболевших ковидом в Италии существенно снизились. 30 марта 2022 г. в Италии было зарегистрировано 99 457 новых случаев заражения, скончалось 177 жертв и 487 пациентов находятся в реанимации. С 1 апреля чрезвычайное положение в стране отменено (за исключением некоторых категорий населения, для которых вакцинация обязательна)⁴.

Одним из важнейших факторов, обусловивших относительную малоуспешность попыток ограничить распространение COVID-19 и не допустить перегрузки национальных систем здравоохранения, стало состояние первой медицинской помощи. Развитие этого звена системы здравоохранения, даже в благополучных странах, систематически ограничивалось недостатком бюджетного финансирования, поскольку считалось, что медицинское страхование способно покрыть соответствующие риски. Однако за пределами медицинского страхования оказалась значительная часть уязвимых групп – безработные, мигранты, пожилые люди и др. Не будет большим преувеличением замечание, что в немалой степени благодаря этому разрыву между системами бюджетного финансирования здравоохранения и медицинского страхования для COVID-19 открылась возможность его превращения в пандемическую угрозу.

Таким образом, пандемия поставила перед мировым сообществом и отдельными странами множество долгосрочных проблем, связанных с состоянием окружающей среды, образом жизни населения, стратегией развития здравоохранения. Вместе с тем пандемия актуализировала целый ряд накопившихся проблем в этой отрасли, требующих неотложного решения.

Подобные указанным выше и столь же масштабные исследования в нашей стране не проводились. Однако мало оснований сомневаться в том, что аналогичные проблемы существуют и в Российской Федера-

³ Italy: Country Health Profile, (2019). State of Health in the EU. <https://eurohealthobservatory.who.int/countries/italy>.

⁴ Coronavirus in Italia. <https://www.informazione.it>.

ции, прежде всего в городах, где экологическая обстановка оставляет желать лучшего. В этих условиях система здравоохранения России остается основным бастионом, осуществляющим противодействие пандемическим угрозам. Каковы бы ни были различные подходы к организации здравоохранения и комбинации этих подходов, какими бы ни были методы финансирования (по сети, штатам, контингентам или подушевому принципу), объемы финансирования остаются критическим фактором, определяющим способность здравоохранения защищать здоровье населения как от самой пандемии, так и от заболеваний, связанных с пандемией.

При сложившейся системе бюджетно-финансовых отношений в РФ, которая характеризуется известной ограниченностью возможностей субъектов Федерации и местных органов по привлечению необходимых объемов дополнительного финансирования (хотя регионы на здравоохранение тратят больше, чем федеральный бюджет), основная тяжесть дополнительного финансового обеспечения программ защиты окружающей среды и программ развития системы здравоохранения ложится на федеральный бюджет РФ. В 2019–2021 гг., как свидетельствуют данные об исполнении расходов федерального бюджета, имело место значительное увеличение ассигнований на реализацию указанных программ. Рост этих ассигнований опережал увеличение расходов на важнейшие приоритеты бюджетно-финансовой политики РФ – на национальную оборону и национальную экономику (см. табл. 1).

Таблица 1

Исполнение федерального бюджета по расходам на национальную оборону, экономику, охрану окружающей среды и здравоохранение в 2019–2021 гг.

№	Наименование	2019 г. млрд руб.	2020 г. млрд руб.	2021 г. предварит. данные млрд руб.	2020/ 2019 г. (ст. 4/ст. 3) (%)	2021/ 2020 г. (ст. 5/ст. 4) (%)
1	Национальная оборона	2997,4	3168,8	3573,6	105,7	112,8
2	Национальная экономика	2827,1	3483,9	4358,6	123,2	125,1
3	Охрана окружающей среды	197,6	260,6	405,1	131,9	155,5
4	Здравоохранение всего	713,0	1334,4	1473,9	187,2	110,5

Источник: рассчитано автором по: данные Единого Портала Бюджетной системы РФ «Электронный бюджет». <https://budget.gov.ru>.

Именно «обеспечение качественной медицинской помощи (защита здоровья граждан, повышение средней продолжительности жизни)» названо первым среди основных приоритетов национального развития в статье Министра финансов А.Г. Силуанова, опубликованной в журнале «Финансы» летом 2021 г. [1].

Постановлением Правительства РФ от 29.12.2021 № 2505 утверждена «Программа государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи гражданам на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов», которая является прямым продолжением аналогичной программы, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 28.12.2020 г. № 2299. Программами установлены подушевые нормативы объемов медицинской помощи, финансирования учреждений здравоохранения за счет средств ОМС и бюджетов субъектов Федерации, критерии доступности, качества и эффективности медицинской помощи⁵.

Тем не менее приходится констатировать, что существующая практика финансирования здравоохранения за счет федерального бюджета по ряду важнейших направлений приводит к недостаточно эффективному использованию средств, которое выражается прежде всего в высокой доле негативных оценок населением состояния данной сферы. Одной из причин таких оценок является недостаточная квалификация и невысокая мотивация медицинских работников. В немалой степени такое положение является результатом хронического отставания оплаты труда значительной части этих работников, особенно среднего и младшего медицинского персонала, от уровня оплаты труда в других отраслях хозяйства, что вообще является отличительной чертой социальной сферы. Сохраняются значительные различия между оплатой труда медицинских работников, выполняющих примерно одинаковые функции, в бюджетных федеральных, региональных и муниципальных медицинских организациях. Согласно Отчету Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ выполнения положений указов Президента Российской Федерации 2012 г. в части увеличения средней заработной платы отдельных категорий работников отраслей бюджетной сферы», в 2013–2019 гг. имели место значительные различия в уровне достижения показателей оплаты труда медицинских работников, установленных указами, в зависимости от принадлежности организа-

⁵ «Программа государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи гражданам на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов», Постановление Правительства РФ от 29.12.2021 № 2505. <https://government.ru>; «Программа государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи гражданам на 2021 год и плановый период 2022 и 2023 годов», Постановление Правительства РФ от 28.12.2020 г. № 2299. <https://government.ru>.

ций к федеральному, региональному или муниципальному уровню. Особенно это касается среднего и младшего медицинского персонала (см. табл. 2). Повышение оплаты труда работников здравоохранения сопровождалось сокращением численности работников, причем в первую очередь среднего и младшего медицинского персонала. Так, численность младшего медицинского персонала в 2019 г. составила 38,7% от его численности в 2013 г. [2].

Таблица 2

Предусмотренные указами Президента РФ 2012 г. целевые показатели роста оплаты труда работников медицинских организаций в 2019 г. и фактический рост оплаты труда работников федеральных, региональных и муниципальных медицинских организаций, %

Категория работников	Все организации		Федеральные организации	Региональные организации	Муниципальные организации
	план	факт			
Врачи и др. работники, имеющие высшее образование, предоставляющие мед. услуги	200	200	240	196,4	153,4
Средний медицинский персонал	100	99,1	122,0	97,2	77,3
Младший медицинский персонал	100	89,9	104,3	87,5	71,9

Источник: [2].

В 2020 г. «ковидные» надбавки, связанные со значительной дополнительной нагрузкой персонала, позволили уменьшить отставание оплаты труда значительной части медицинских работников, в том числе среднего и младшего медицинского персонала, от оплаты труда в других отраслях хозяйства. В 2021 г. размах пандемии не стал меньше, инфляция выросла, однако эти различия вновь увеличились вследствие опережающего роста средней оплаты труда в хозяйственных организациях страны. Так, оплата труда младшего медицинского персонала в отношении к средней оплате труда в хозяйстве даже уменьшилась по сравнению с 2019 г.: в январе-сентябре 2019 г. она составляла 77,4% от средней оплаты в хозяйстве за этот же период, а в январе-сентябре 2021 г. – только 70,2% от средней оплаты в хозяйстве. Похожее положение и с оплатой труда среднего медицинского персонала (см. табл. 3). Но именно на младший, средний и высококвалифицированный персонал, обеспечивающий предоставление медицинских

услуг первой медицинской помощи и амбулаторно-поликлиническое обслуживание, ложится основная нагрузка при противодействии пандемии COVID-19 и аналогичным угрозам.

Таблица 3

Рост средней заработной платы отдельных категорий работников социальной сферы и науки в организациях государственной и муниципальной форм собственности РФ

Наименование	Январь – сентябрь 2019 г. (тыс. руб.)	Январь – сентябрь 2020 г. (тыс. руб.)	Январь – сентябрь 2021 г. (тыс. руб.)	Январь – сентябрь 2020 г. / январь – сентябрь 2019 г. (%)	Январь – сентябрь 2021 г. / январь – сентябрь 2020 г. (%)
Врачи и работники медицинских организаций, обеспечивающие предоставление медицинских услуг	79,075	89,567	89,752	113,3	100,2
Средний медицинский персонал, обеспечивающий условия для предоставления медицинских услуг	39,030	46,067	45,058	118,0	97,8
Младший медицинский персонал, обеспечивающий условия для предоставления медицинских услуг	35,378	40,390	38,003	114,2	94,1
Справочно: Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в III кв. соответствующих лет	45,726	49,021	54,133	107,2	110,4

Расчитано автором по: данные Росстата. <https://rosstat.gov.ru>.

Занижение расходов по ключевым направлениям на скорую и амбулаторную помощь происходит уже на этапе текущего планирования. Даже в номинальном выражении в ходе корректировок федерального бюджета и его исполнения в 2021 г. эти расходы почти не росли. С учетом роста индекса потребительских цен 2021 г. – 8,39% (декабрь 2021 г. к декабрю 2020 г.)⁶, в реальном выражении исполненные расходы на скорую и амбулаторную помощь снизились по сравнению с расходами, предусмотренными росписью на начало 2021 г. (см. табл. 4).

⁶ Данные Росстата. <https://rosstat.gov.ru>.

**Финансирование расходов федерального бюджета на здравоохранение
в 2021–2022 гг.: планирование и исполнение***

№	Наименование	2021 г., роспись на 01.01.21 г. млрд руб.	2021 г., исполнение на 01.01.22 г. млрд руб.	2022 г., роспись на 01.01.22 г. млрд руб.	2021 г. исполнение /2021 г. роспись (ст. 4/ст. 3), %	2022 г. роспись /2021 г. исполнение (ст. 5/ст. 4), %
1	Здравоохранение всего	1163,9	1479,3	1245,5	127,1	84,2
2	Амбулаторная помощь	273,07	273,06	249,98	100,0	91,5
3	Скорая медицинская помощь	6,06	6,22	6,32*	102,6	98,4
4	Санитарно-эпидемиоло- гическое благополучие	36,14	41,51	41,61	114,9	100,2
5	Прикладные научные исследования в области здравоохранения	53,60	44,90	42,47	83,8	94,6

* Около 85% этих ассигнований ежегодно выделяется в рамках федерального проекта «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи» для закупки авиационных работ в целях оказания медпомощи.

Источник: рассчитано автором по: данные Единого Портала Бюджетной системы РФ «Электронный бюджет». <https://budget.gov.ru>.

Расходы на скорую и амбулаторную помощь, предусмотренные росписью федерального бюджета на 2022 г., по состоянию на 01.01.2022, ниже исполненных в 2021 г. расходов на эти цели. С учетом ожидаемой в 2022 г. инфляции (которая в условиях обострения геополитической ситуации, с высокой вероятностью, составит двузначную величину) эти расходы снизятся весьма существенно, если масштабные меры по дополнительному финансированию организаций указанных отраслей не будут предприняты уже в процессе исполнения федерального бюджета на 2022 г.

Особенность существующей практики распределения дополнительных ассигнований федерального бюджета на здравоохранение состоит в том, что основные объемы этих средств направляются на реализацию отдельных программ и покрытие дефицита бюджета федерального фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС), в то время как ключевые направления первой медицинской помощи и амбулаторно-поликлинического обслуживания, как пока-

зывают приведенные выше данные о планировании и исполнении федерального бюджета на 2021 г., остаются недофинансированными. В 2021 г. исполненные расходы федерального бюджета на здравоохранение превысили расходы, предусмотренные бюджетной росписью на начало года, на 27,1%. В то же время по разделу «Амбулаторная помощь» расходы остались на уровне, предусмотренном росписью на начало года. Расходы на прикладные научные исследования в области здравоохранения в 2021 г. не были исполнены в суммах, предусмотренных росписью на начало 2021 г., и планируется их дальнейшее сокращение в 2022 г.

Прямое следствие слабости системы первой помощи – отказ населения от обращения в медицинские учреждения на ранних этапах заболеваний, связанный с долгим ожиданием очереди в поликлинике и трудностями с записью на прием, низкое качество диагностики, в целом формальный подход к пациентам, снижение объема и ухудшение качества услуг. При возникновении дополнительной нагрузки эти проблемы обостряются, плановые медицинские осмотры, консультации, госпитализации откладываются. Все эти проблемы хорошо известны, а их результатом являются рост заболеваемости, увеличение продолжительности лечения и количества осложнений, что, в свою очередь, ведет к увеличению потребности в компенсации расходов на оплату больничных листов по нетрудоспособности. Таким образом, имеет место ситуация, до некоторой степени напоминающая «тришкин кафтан», когда вследствие недостаточного финансирования одних расходных статей (на содержание и развитие первой помощи) появляются дополнительные и весьма значительные расходы по другим статьям (оплата больничных, расходы на лечение при несвоевременном обращении к врачу, включая расходы при осложнениях заболеваний), а на развитие первой помощи средств опять не хватает. Кроме того, необходимо учитывать, что быстрые и несбалансированные изменения различных программ развития здравоохранения и методов оценки их результативности серьезно затрудняют и ограничивают горизонт поступательного наращивания мощностей инфраструктуры здравоохранения.

Установленные «Программой государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи гражданам» критерии оценки качества медицинского обслуживания разрабатываются и контролируются ответственными ведомствами. В этой связи необходимо подчеркнуть, что внутриведомственный контроль необходим, однако его результат не будучи дополнен внешней оценкой со стороны потребителей и полноценным внешним специализированным аудитом, полностью подчиняется ведомственной логике и ведомственным интересам, а не интересам пациента. Такое положение далеко не всегда приводит к экономии средств. Так, сокращение расходов на содержание

фельдшерско-акушерских пунктов в малых поселениях может обернуться дополнительными расходами на санитарную авиацию.

Отмеченные нерешенные вопросы финансового обеспечения развития здравоохранения прямо отражаются на социально-экономическом положении в целом, приводят к деградации поселенческой сети и усугублению демографических проблем. Так, согласно данным Росстата, ожидаемая продолжительность жизни и ожидаемая продолжительность здоровой жизни в РФ в 2020 г. снизились по сравнению с предшествующим годом – с 73,3 до 71,5 лет и с 60,3 до 58,9 лет соответственно⁷.

Таким образом, система здравоохранения, особенно первой медицинской помощи, сохраняет положение одного из наиболее уязвимых звеньев социальной сферы. Необходимым условием изменения этого положения является переход к системе финансирования организаций здравоохранения, обеспечивающей сбалансированное развитие доврачебной, врачебной и специализированной медицинской помощи, равную оплату за равный труд в соответствии с профессионально-квалификационным уровнем специалистов в федеральных, региональных, муниципальных медицинских организациях, последовательное преодоление отставания уровня оплаты труда среднего и младшего медицинского персонала от уровня оплаты труда работников в других отраслях хозяйства. Эти изменения являются важнейшими предпосылками обеспечения равного и беспрепятственного доступа к первой помощи и амбулаторно-поликлиническим услугам всех лиц, фактически проживающих на обслуживаемой соответствующими организациями территории. Масштабные меры по дополнительному финансированию организаций скорой помощи и организаций, оказывающих амбулаторно-поликлинические услуги, для достижения указанных целей должны быть предприняты уже в процессе исполнения федерального бюджета на 2022 г. Решать указанные вопросы необходимо, поскольку сохранение высокой опасности пандемических угроз является одной из отличительных особенностей современного мира.

⁷ Данные Росстата. <https://rosstat.gov.ru>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Силуанов А.Г. Повышение потенциала российской экономики в условиях глобальных посткризисных изменений // Финансы. 2021. 20.06.2021. https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37536-statya_ministra_finansov_a_g_siluanova.
2. Счетная Палата РФ. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ выполнения положений указов Президента Российской Федерации 2012 года в части увеличения средней заработной платы отдельных категорий работников отраслей бюджетной сферы». (Табл. 7.1.2.3.). М., 2020. <https://ach.gov.ru>.
3. Arcaya M., Raker E.J., Waters M.C. (2020). The Social Consequences of Disasters: Individual and Community Change. Annual Review of Sociology, 2020. Vol. 46: 671–691. (Volume publication date July 2020). <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-121919-054827>.
4. Cerqua A., Letta M. Local inequalities of the COVID-19 crisis. 18 December 2020. <https://voxeu.org/article/local-inequalities-covid-19-crisis>.
5. Michelozzi P., de' Donato F., Scortichini M. et al. (2020). Temporal dynamics in total excess mortality and COVID-19 deaths in Italian cities. BMC Public Health 20, 1238. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-09335-8>.
6. Khomenko S., Cirach M., Evelise Pereira-Barboza, Natalie Mueller, Jose Barrera-Gómez, David Rojas-Rueda, Kees de Hoogh, Gerard Hoek, Mark Nieuwenhuijsen. Premature mortality due to air pollution in European cities: a health impact assessment Lancet Planet Health 2021. 5: e121–34. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(20\)30272-2](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(20)30272-2). [https://www.thelancet.com/journals/lanplh/article/PIIS2542-5196\(20\)30272-2/fulltext#tables](https://www.thelancet.com/journals/lanplh/article/PIIS2542-5196(20)30272-2/fulltext#tables).

REFERENCES

1. Siluanov A.G. Improving the Potential of the Russian Economy in the Context of Global Post-Crisis Changes. Finance. 2021. 06/20/2021 https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37536-statya_ministra_finansov_a_g_siluanova. (In Russ.).
2. Accounts Chamber of the Russian Federation. Report on the results of the expert-analytical event “Analysis of the implementation of the provisions of the decrees of the President of the Russian Federation in 2012 in terms of increasing the average wages of certain categories of employees in public sector sectors.” (Table 7.1.2.3.). М., 2020. <https://ach.gov.ru>. (In Russ.).
3. Arcaya M., Raker E.J., Waters M.C. (2020). The Social Consequences of Disasters: Individual and Community Change / Annual Review of Sociology, Vol. 46: 671–691. (Volume publication date July 2020). <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-121919-054827>.
4. Cerqua A., Letta M. (18 December 2020.) Local inequalities of the COVID-19 crisis. Access: <https://voxeu.org/article/local-inequalities-covid-19-crisis>
5. Michelozzi, P., de' Donato, F., Scortichini, M. et al. (2020). Temporal dynamics in total excess mortality and COVID-19 deaths in Italian cities. BMC Public Health 20, 1238. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-09335-8>.
6. Khomenko Sasha, Marta Cirach, Evelise Pereira-Barboza, Natalie Mueller, Jose Barrera-Gómez, David Rojas-Rueda, Kees de Hoogh, Gerard Hoek, Mark Nieuwenhuijsen (2021). Premature mortality due to air pollution in European cities: a health impact assessment Lancet Planet Health 2021; 5: e121–34. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(20\)30272-2](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(20)30272-2). [https://www.thelancet.com/journals/lanplh/article/PIIS2542-5196\(20\)30272-2/fulltext#tables](https://www.thelancet.com/journals/lanplh/article/PIIS2542-5196(20)30272-2/fulltext#tables).

Дата поступления рукописи: 02.03.2022 г.

ABOUT THE AUTHOR

Kolomiets Andrey Grigoryevich – Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Economic Security Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
agk1807@mail.ru

EXPENDITURES OF THE FEDERAL BUDGET OF THE RUSSIAN FEDERATION
ON HEALTHCARE IN THE CONTEXT OF PANDEMIC THREATS

The most important reasons for the rapid spread of the COVID-19 pandemic were, in the first place, an underestimation of the dangerous impacts on many areas of economic activity and a neglect of acute social problems. However, national health systems have become the main link in countering the pandemic. The low effectiveness of this counteraction, especially at the very beginning of the pandemic, was undetermined by systemic problems of this field. It is largely related with the insufficient development of first aid services, resulted from the dominance of the concept of insurance medicine. Despite a number of positive changes in the volume and structure of health care financing from federal budget in the Russian Federation in 2020–2021, the health care system, especially first aid, remains one of the most vulnerable parts of the social sphere. A prerequisite to solve the problem is a shift to funding healthcare organizations that provides a balanced development of pre-medical, medical and specialized medical care, equal pay for equal work according to professional qualification of specialists in federal, regional and municipal medical organizations, consistent closing the gap in the level of wages of nursing staff and paramedical personnel vs the level of wages in other sectors of the economy.

Keywords: *pandemic, first aid, the healthcare financing, federal budget of the Russian Federation.*

JEL: H41, H51, H61, I15.

.

Г.Х. БАТОВ

доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт информатики
и проблем регионального управления
Кабардино-Балкарского научного центра РАН

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ПОСТУПАТЕЛЬНОГО ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

В свете последних событий проводившаяся в России до настоящего времени экспортоориентированная модель догоняющего развития исчерпала себя. В сложившихся геополитических условиях концепция поступательного опережающего развития выступает как императив. Предметом настоящего исследования является систематизация факторов поступательного опережающего развития. В работе показано, что к основным факторам поступательного опережающего развития относятся человеческий капитал, система институтов, импортозамещение, реиндустриализация, технологическое развитие, сетевые системы, культура и менталитет.

Ключевые слова: опережающее развитие, человеческий капитал, реиндустриализация, импортозамещение, институты, технологии, культура, менталитет.

JEL: B41, D02, O15, O33.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_39_52.

Введение

Крупномасштабные изменения в мировом сообществе, где отброшены все принципы, связанные с взаимовыгодным сотрудничеством и добрососедскими отношениям, где основным инструментом «взаимоотношений» становятся санкции, вызывают необходимость в выработке новой модели развития российской экономики. Экспертное научное сообщество и специалисты-управленцы в течение последних 15–20 лет вели многочисленные дискуссии по поводу адекватности той доктрины, которая была выбрана для перехода России на рыночную модель. Это сообщество было едино в одном: сложившаяся и действующая в настоящее время система экономических отношений не содержит достаточных стимулов для перехода от нынешней, экспортоори-

ентированной сырьевой модели экономики к другой – диверсифицированной, инновационной и цифровой, а поэтому ее необходимо кардинально менять.

Последние события, связанные с украинским кризисом и с санкциями, принятыми против России недружественными странами, показали, что ни Европа, ни США не только не будут содействовать развитию нашей страны, но будут делать все, чтобы затормозить ее экономическое развитие. Действительность свидетельствует, что экономические постулаты о частной собственности и ее неприкосновенности, о свободном рыночном обмене, а также межгосударственные и межкорпоративные соглашения можно нарушать. Как в дальнейшем будут развиваться события, сказать трудно, но складывающиеся условия вызывают потребность в разработке новой парадигмы на основе *поступательного (опережающего) развития в условиях автаркии или полуавтаркии*, особенно в научно-технической области. Стало понятно, что в этих условиях опора может быть только на себя, на свой внутренний потенциал, на то, что соответствует нашим условиям, культуре, менталитету.

Помимо внешних обстоятельств, которые вызывают необходимость перехода на путь опережающего развития, существуют и внутренние причины, прежде всего это сложившаяся технологическая структура экономики, низкие темпы экономического роста, низкий уровень жизни населения. Свою лепту вносит «незрелость» рыночной среды, которая позволяет хозяйствующим субъектам оставаться на рынке, сохраняя низкий уровень использования инновационных разработок и работая на устаревшем и изношенном оборудовании, а также обособленность и разобщенность в системе наука – производство – бизнес, отставание в использовании сетевых структур и цифровых технологий. Эти и другие обстоятельства в совокупности диктуют необходимость более детальной разработки концепции, позволяющей экономике стать диверсифицированной, инновационной и конкурентоспособной, – концепции опережающего развития.

Основные положения концепции опережающего развития достаточно подробно изложены в научной литературе. В настоящей работе мы намерены лишь вкратце ее коснуться, сконцентрировав наше внимание на основных факторах данной концепции – на факторах развития, которые, при прочих равных условиях, являются необходимым фундаментом опережающего развития.

Концепции опережающего и догоняющего развития

В работе используются два термина, имеющие близкое смысловое значение: опережающее развитие и поступательное развитие. Мы полагаем, что опережающее развитие является одной из страте-

гий поступательного развития и представляет собой целенаправленную, осуществляемую на основе системного подхода деятельность по достижению высокого уровня развития социума и экономики, обеспечению устойчивого социально-экономического развития страны на основе целой совокупности факторов, позволяющих эффективно использовать национальные ресурсы, которые могут обеспечить перманентный, характеризующийся высокими темпами экономический рост, результатом которого станет высокое качество жизни населения.

При этом следует учесть, что концепция опережающего развития содержательно отличается от концепции догоняющего развития. Стратегическая цель догоняющего развития – преодоление отсталости и низкого уровня экономического развития. Модель догоняющего развития используется теми субъектами, которые хотят нивелировать технико-экономическое и социально-культурное отставание. По разным причинам они оказались менее развитыми и хотят преодолеть отставание за счет импорта зарубежных технологий и институтов, показавших свою эффективность. «Преимущество отсталости» состоит в том, что, усваивая чужой опыт и знания, экономя время и ресурсы на их создание, менее развитые экономики могут развиваться быстрее по сравнению с передовыми. Но при этом не следует забывать, что передовые страны, как правило, не делятся своими высокими технологиями, а передают (продают) другим странам технологии, которые сами производят, обслуживают и контролируют. Страна может приблизиться в своем развитии к уровню передовой страны, но не может ее превзойти, потому что остается зависимой от поставок оборудования и технологий. Проблема догоняющего развития заключается в том, что его потенциал основывается на заимствовании и копировании.

В отечественной экономической литературе достаточно много исследований, касающихся проблем догоняющего развития. Так, О. Сухарев придает большее значение ресурсам и указывает, что необходимо уделить «внимание преодолению отставания за счет концентрации собственных ресурсов на индустриализации и модернизации экономики (в основном за счет протекционизма)».... «догоняющее развитие можно осуществлять, опираясь на собственные силы, если имеются необходимые ресурсы, либо за счет заимствования недостающих технологий и приобретения необходимых ресурсов» [1, с. 5].

Важным моментом в реализации стратегии догоняющего развития является исходное состояние экономики данной страны, в том числе сложившаяся структура ее экономики. Дело в том, что исходная структура и существующие институты, которые обеспечивают функционирование социально-экономической системы, могут стать тормозом или ограничителями в реализации предлагаемой стратегии.

При наличии общих черт между моделями догоняющего и опережающего развития экономики, они различаются как по своему содержанию, так и по системе возможных мероприятий, необходимых для реализации моделей. Модель догоняющего развития призвана сократить разрыв между страной или регионом, который выбран в качестве целевого ориентира в будущем. Основными инструментами догоняющего развития выступают заимствования технологий, имитация или копирование организационных и поведенческих схем.

Поэтому мы считаем, что модели догоняющего и опережающего развития являются разными: догоняющее развитие призвано преодолеть отставание, а опережающее развитие – приобрести лидерство, сохранить и приумножить его. И в том, и в другом случае используются определенные механизмы и институты, соответствующие каждой модели развития. Эти механизмы и институты могут частично совпадать, но приоритетными остаются факторы, обеспечивающие опережающее развитие. При этом догоняющее развитие должно являться частью или одним из аспектов опережающего развития. Догоняющее развитие, в той части, которая касается заимствований технологий, организации труда, методов управления и технологий производства, внедрения инноваций в производство, может или должно быть частью опережающего развития, но из этих форм надо взять то, что будет способствовать прогрессивному (опережающему) развитию. Субъекты должны развиваться не только быстрее, используя заимствованную новую технологию, но и находить способы ее усовершенствования.

Исходя из сложившихся условий (санкции, украинский кризис, торговые войны), заимствования технологий, совместные проекты, участие в международном разделении труда будут заморожены на неопределенный срок. С этими аспектами догоняющего развития придется распрощаться, но могут быть использованы другие инструменты, которые останутся доступными в данных условиях. Важно помнить, что целью опережающего развития является не столько количественное приращение, сколько поступательное развитие, которое означает постепенный переход экономики на другой, более высокий технологический уровень.

Опережающее развитие определяется различными факторами (см. рис. 1), которые в совокупности формируют систему, которая позволяет экономике функционировать в режиме поступательного развития.

Человеческий капитал как элемент опережающего развития. Важным условием реализации концепции опережающего развития является наличие адекватного решаемым задачам человеческого капитала. Он является тем критическим фактором, от которого зави-

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Основные факторы концепции опережающего развития

сит возможность ее реализации. Экономический рост и развитие страны, уровень благосостояния ее населения, конкурентоспособность, безопасность страны и ее регионов в большой степени зависят от качества человеческого капитала – даже в большей степени, чем от материальных ресурсов.

Характеристика составных факторов концепции опережающего развития¹

С. Курганский пишет, что «во второй половине XX в. в структуре народного хозяйства развитых стран практически полностью оформилась самостоятельная многоотраслевая сфера инвестиций в развитие человека. При этом в ходе экономического развития роль накопления человеческого капитала непрерывно возрастает. Результат инвестирования проявляется во все более крупных масштабах в форме нематериального накопления, заметно опережающего по темпам накопление вещественного богатства. Более того, такого рода инвестиции оказывают мультипликативное воздействие на накопление всего общественного богатства» [2, с. 17]. Э. Райнерт дополняет: «примеры успешного экономического развития показывают, что необходимо обеспечивать одновременно поток образованных людей и достаточное количество рабочих мест, на которых они могли бы применить свои знания. Такое двойное усилие по удовлетворению одновременно спроса и предло-

¹ Отдельные положения (человеческий капитал, институты) концепции широко представлены в научной литературе, они включены в статью для того, чтобы показать, какую роль они играют в концепции, и чтобы читатель имел представление о целостности предлагаемой концепции.

жения на образованных людей всегда было отличительным признаком успешного развития» [3, с. 263].

Нельзя не согласиться и с А.Г. Аганбегяном, который отмечает, что существующая система подготовки кадров и их использования имеет недостатки, которые заключается в том, что «укоренилась практика затрат средств преимущественно на приобретение знаний, оставляя на втором плане навыки и умения, которые требуют проведения стажировок в самых высококвалифицированных организациях, на самом совершенном оборудовании, во многих случаях в разных зарубежных странах. Именно поэтому в России так велик разрыв между относительно высоким уровнем знаний, с одной стороны, и низкой эффективностью их использования – с другой» [4, с. 19]. В концепции опережающего развития роль знаний и образования является ключевой. Не менее важным является также неформальный институт ученичества и обучения на работе, который служит эффективным средством повышения производительности труда и внедрения инноваций.

Вышесказанное, в свою очередь, обуславливает необходимость разработки и реализации комплекса мер, направленных на усиление всех этапов формирования и использования человеческого капитала для реализации опережающего развития.

Роль институтов в концепции опережающего развития. Важная роль в предлагаемой концепции опережающего развития отводится институтам. О значении, функциях, инструментах институтов известно достаточно много. Для концепции опережающего развития существенно важным моментом является то, что роль институтов в современной институциональной теории «задается необходимостью обеспечивать соблюдение правил, которые приводили бы к желаемому результату. Это обуславливает рассмотрение институционального механизма как части экономического» [5, с. 160].

Необходимость использования институтов для преобразования общественных отношений отмечает А. Шаститко. Он пишет: «любые программы и реформы, направленные на преднамеренное изменение общественных отношений, предполагают проектирование институтов в том смысле, что инициаторы такого рода изменений, как минимум, задумываются над тем, в чем проблема и как ее следует решать» [6, с. 177]. То есть создание новых институтов, их проектирование становится частью мероприятий по реформированию экономики, и они же (институты) выступают инструментами достижения стратегических целей.

В. Полтерович отмечает, что «особенно трудные задачи возникают, когда в системе отсутствует естественный начальный институт, либо когда вместо точного описания финального института известны лишь некоторые его характеристики. Их отыскание в этих случаях входит

в задачу реформатора» [7, с. 42], или, «если желательный институт радикально отличается от уже имеющихся в системе, то его непосредственное внедрение часто оказывается невозможным вследствие культурных, институциональных, политических, ресурсных или каких-либо иных ограничений. В этом случае необходимо построить последовательность сменяющих друг друга промежуточных институтов, удовлетворяющих ограничениям в каждый момент времени и, в конце концов, обеспечивающих внедрение желательного института. Промежуточный институт должен полностью или частично выполнять функции финального или способствовать ослаблению имеющихся ограничений, либо решать обе эти задачи» [7, с. 42]. Можно вполне согласиться с Д.Е. Сорокиным в том, что обязательным условием успеха любых реформ является доверие общества к их исполнителям. «Без общественного доверия к тем, кто будет осуществлять эти реформы, они обречены на неудачу» [8, с. 137].

Роль институтов в концепции опережающего развития видится в том, чтобы проблемы решались преимущественно с помощью создания новых институтов, адекватных новым вызовам, не пытаясь во что бы то ни стало решать новые задачи старыми средствами (институтами).

Импортозамещение в системе опережающего развития. В экономической литературе имеется множество исследований, касающихся способов догоняющего развития. Все исследователи сходятся во мнении, что существуют две модели догоняющего развития – импортозамещающая и экспортоориентированная. По мнению Т. Шалденковой, «импортозамещающая модель применялась многими развитыми странами в период после Великой депрессии. В основе модели лежит протекционизм, часто подкрепленный государственной монополией внешней торговли. Экспортоориентированная модель предполагает ориентацию создаваемых отраслей преимущественно на внешний рынок, что может сочетаться с активным привлечением к экспортному производству иностранного капитала» [9, с. 541].

В текущих условиях не стоит вопрос о том, заниматься импортозамещением или нет. Этот вопрос полностью снят теми санкциями и ограничениями, которые наложили на нашу страну недружественные государства. Основным драйвером импортозамещения должна стать обрабатывающая промышленность. Без ее развития, особенно машиностроения и станкостроения, добиться каких-то положительных результатов будет невозможно – отечественное производство средств производства является жизненной необходимостью. Развитие экономики России в целом и ее регионов будут возможными только в том случае, если будет восстановлена, а затем создана новая промышленность, новое машиностроение и станкостроение. Без

этого страна не сможет выйти из круговорота проблем, которые ей навязали извне.

Реиндустриализация как способ опережающего развития. Необходимость включения реиндустриализации в концепцию опережающего развития обуславливается теми процессами, которые происходят в мировом экономическом пространстве, а также в нашей стране и регионах. Во многих странах, особенно в развитых, происходит переосмысление роли постиндустриального развития. В настоящее время главной движущей силой может быть только развитие промышленности на высокотехнологической основе.

Р. Гринберг и С. Бодрунов отмечают, что безусловным приоритетом политики реиндустриализации должно стать создание «ядра саморазвития» – набора производств, обладающих способностью, с одной стороны, производить орудия труда, позволяющие создавать технологически совершенное оборудование для ключевых с точки зрения безопасности (в том числе военной) отраслей. С другой стороны, не менее важно, чтобы набор таких производств умел самовоспроизводиться и был бы импортнезависимым. По тому же пути идут и те государства, которые претендуют на роль «полюса влияния» [10, с. 15].

Мероприятия, связанные с проведением реиндустриализации, должны носить комплексный, системный характер. Например, О. Романова отмечает, что «известен опыт многих стран, когда внимание к развитию только новых наукоемких секторов экономики и стремление сделать их ключевым фактором новой индустриализации не приводило к нужному результату ... стимулирование развития только этих секторов – далеко не достаточное условие для роста всего хозяйства, особенно в крупных диверсифицированных экономиках» [11, с. 46].

С. Побываев и С. Толкачев констатируют, «что настоящая реиндустриализация не может носить очаговый характер, избирая лишь некоторые «точки роста» в виде узкого кластера наукоемких отраслей и высокотехнологичных производств. Она должна носить фронтальный характер, захватывая весь индустриальный базис, состоящий из опорных машиностроительных и инфраструктурных отраслей» [12, с. 31].

Источником технологической модернизации могут быть цифровые технологии. Тенденции цифровизации и реиндустриализации комплементарны, что создает предпосылки для эффективного и одновременного «встраивания» в них [13, с. 51–52].

Таким образом, реиндустриализация должна стать основой импортозамещения, и по своему содержанию, предмету и целям она должна быть одним из элементов опережающего развития.

Технологии в концепции опережающего развития. Современный мир достиг высокого уровня социального и экономического развития благодаря новым технологиям, используемым в самых разных

сферах экономики. Технологический фактор становится главным условием обеспечения конкурентоспособности и роста общей производительности, поддержания военной безопасности, залогом устойчивого экономического роста. Дальнейшее поступательное развитие страны без применения высоких технологий становится также невозможным, причем задача заключается в том, чтобы опередить развитые страны по уровню технологического развития.

По мнению К. Шваба, развитие технологий будет определяться мегатрендами. Он выделяет три таких блока: «физический, цифровой и биологический. Все они взаимосвязаны между собой. При этом различные технологии используют преимущества друг друга на основе изобретений и развития каждой из них» [14, с. 27].

Другим принципом опережающего развития выступает постоянство изменений и технологическая адаптация к этим изменениям. Вот что по этому поводу пишет М. Кранц: «каждые три-семь лет организациям приходится преобразоваться. Пропустившие один технологический переход компании еще могут восстановиться, если поспешат догнать конкурентов. Однако пропустившие два технологических перехода, скорее всего, обречены» [15, с. 22].

То, что технологии играют важную роль в развитии экономики, – это безусловный факт, и им же отводится высокое место в концепции опережающего развития.

Сетевые системы, платформы и экосистемы в опережающем развитии. Социально-экономические системы непрерывно эволюционируют. Некоторое время назад в литературе обосновывались преимущества вертикального взаимодействия между субъектами экономики. В настоящее время активно развиваются горизонтальные взаимодействия и формируются сети. Дж. Рифкин по этому поводу пишет, что «в наше время, однако, сотрудничество, возникшее в результате слияния интернет-технологий и возобновляемых источников энергии, коренным образом реконструирует взаимоотношения людей, заменяет взаимодействие сверху вниз на взаимодействие по горизонтали, оказывает глубокое влияние на будущее общества» [16, с. 17].

Основными причинами распространения горизонтальных взаимодействий является целый ряд факторов: появление цифровых технологий, которые напрямую, без посредников, связывают участников рыночного обмена; уменьшение времени появления новых технологий, знаний и инноваций, приводящих к повышению скорости их внедрения в производство и повседневную жизнь; распространение кастомизации; информационные технологии (Интернет), которые стирают границы и пространства; ограниченность возможностей отдельной личности для решения возникающих проблем и необходимость постоянного сотрудничества и доверия между людьми.

Основным фактором, формирующим сеть или сетевую структуру, является необходимость сотрудничества, формами которого могут быть кооперация, кластерная структура, коллаборация и др. По поводу последней формы Н. Смородинская, характеризуя и подчеркивая некоторые ее особенности, пишет: «Коллаборация (collaboration – от лат. «работать сообща») является наиболее развитой формой интерактивной кооперации, которая связана с непрерывным согласованием интересов и действий юридически независимых сетевых партнеров (как правило, на базе интернет-платформ). В наиболее строгом определении коллаборация характеризуется тем, что в ходе согласований сетевые партнеры вырабатывают не только общую стратегию (shared vision), но также общую идентичность, всеми разделяемые правила игры (совместные обязательства) и механизмы совместного созидания» [17, с. 108].

Взаимосвязь сетевого развития и опережающего развития очевидна. Развиваться в опережающем формате без сетевых структур и связанных с ними преимуществ в современном мире становится невозможным.

Культура как фактор опережающего развития. Культура как один из важнейших атрибутов, оказывающих и прямое, и опосредованное влияние на формирование общественного сознания, оказывает влияние и на процессы, происходящие в экономике.

В нашем исследовании мы остановимся только на тех аспектах культуры, которые могут влиять на формирование и реализацию концепции опережающего развития. Их четыре: профессиональная культура, культура инноваций, организационная культура и менталитет, который мы выделим отдельно.

Можно согласиться с определением, которое дает профессиональной культуре Н. Чеботарев: ее «можно определить как интегративное свойство субъекта труда, включающее определенный уровень знаний, умений, навыков, творческих способностей, представлений о ценностях, нормах, принципах, образе поведения, которыми данный человек руководствуется в профессиональной деятельности, а также результат этой деятельности» [18, с. 118].

Наравне с профессиональной культурой важнейшим аспектом в реализации концепции опережающего развития будет выступать культура инноваций. Так, «многие граждане России обладают высокой творческой активностью: от нововведений в собственном хозяйстве до открытий в фундаментальной науке, но из-за низкой инновационной культуры этот потенциал нации на протяжении многих веков используется на практике в весьма малом объеме. Поэтому подъем инновационной культуры в стране содержит в себе мощный потенциал экономического развития и духовного обновления нации» [19, с. 223–224].

Организационную (корпоративную) культуру можно представить как систему ценностей и поведения, которая понимается, разделяется

и поддерживается членами данного коллектива. Она лежит в основе норм организационного поведения, принятых в данном хозяйствующем субъекте, помогает поддерживать устойчивые связи и отношения как внутри самой организации, так и в ее отношениях с внешней средой. Успех корпорации (организации) определяется не только знаниями и технологиями, но в значительной степени нравственными принципами, которыми руководствуются в организации, и ее организационной культурой.

Роль общей культуры в реализации концепции опережающего развития весьма важна.

Менталитет как необходимый фактор концепции опережающего развития. В настоящее время стало очевидным, что развитие экономики все в большей степени связывается с общим психофизическим состоянием человека. Здесь имеется в виду не только образовательный, физический и т. д. уровень, но и духовное и психическое состояние человека, его манеры и нравственные установки. Подтверждением этому является появление целого направления в экономике, которое называется поведенческой экономикой. Поэтому в рамках концепции опережающего развития особая роль отводится менталитету. Его значение обуславливается тем, что реализация опережающего развития, как предполагается, будет осуществляться на самых различных территориях и в регионах, в которых проживают люди разных национальностей, то есть с разным менталитетом. Поэтому при реализации рассматриваемой концепции необходимо учитывать разницу менталитетов, причем не только разницу менталитетов на территории страны, но и разницу между российским и западным менталитетами.

Практика последних десятилетий показала, что многие теории и концепции, будучи разработаны западными учеными для своих стран и прекрасно там работающие, при попытке «пересадить» их на российскую почву, потерпели неудачу. В данном контексте даже возникает вопрос о том, насколько цель перехода к рынку была достижимой для России, учитывая то, что рынок больше ассоциируется с индивидуальной собственностью, с индивидуализмом, протестантизмом, а в российской действительности доминировали общинность, коллективизм и православие. Похоже, что страна не была готова к переходу к рынку ни за 500 дней, ни за пять и ни за десять лет. Но это все в прошлом. Сегодня мы имеем то, что имеем, и должны действовать в условиях сложившейся реальности.

Нам надо иметь в виду, что мир современной техники и высоких технологий стремительно меняется, а сам человек не может измениться так же быстро, как технологии. Для того чтобы соответствовать происходящим изменениям, должен меняться и менталитет, особенно та его часть, которая связана с трудовой этикой, инновациями и культурой.

Заключение

События, происходящие в мире в течение нескольких последних лет, (украинский кризис, беспрецедентное давление и санкции по отношению к нашей стране), а также неадекватность навязанной России модели построения рыночной экономики, необходимость ухода от ориентации на экспорт и переключение на освоение технологий пятого и шестого технологических укладов вызывают необходимость перехода на иную модель развития российской экономики. Одним из вариантов решения этих проблем может стать концепция опережающего развития, которая представляет собой систему, основным предназначением которой является достижение лидерства в технологическом и социально-экономическом развитии.

У нас нет другого выхода, кроме как развиваться в формате опережающего развития, – мы обречены быть в этом формате (это касается не только экономики и военной безопасности, но и социальной сферы, инфраструктуры, спорта, культуры и т. д.). В противном случае нас как страны просто не будет. Потенциал для этого у нас, безусловно, есть.

Реализация концепции опережающего развития предполагает комплекс мер по реформированию экономики России, в том числе по проведению реиндустриализации и импортозамещения на основе новых высоких технологий, по развитию социальной сферы, по повышению культурного уровня и учету менталитета российского населения, которые в совокупности позволят поднять на более высокий технологический уровень российскую экономику и обеспечить социально-экономическое развитие нашей страны и ее регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухарев О.С. Адекватность стратегии опережающего развития экономики России в глобальных изменениях // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 47 (350). С. 2–15.
2. Курганский С.А. Структура человеческого капитала и его оценка на макроуровне // Известия Байкальского государственного университета. 2011. № 6 (80). С. 15–22.
3. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными (пер. с англ.) М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017.
4. Аганбегян А.Г. Инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал – два взаимосвязанных источника социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4 (163). С. 17–20.
5. Веретенникова А.Ю., Омонов Ж.К. Концепция институционального механизма в экономической теории // Журнал экономической теории. 2017. № 2. С. 156–162.
6. Шаститко А.Е. Проектируемые институты: теории и интересы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 3 (35). С. 177–184.
7. Полтерович В.М. Проектирование реформ: Как искать промежуточные институты // Montenegrin Journal of Economics. 2012. Т. 8. № 2. С. 25–44.

8. Сорокин Д.Е. Фактор доверия // Журнал экономической теории. 2016. № 3. С. 132–138.
9. Шалденкова Т.Ю. Догоняющее развитие: опыт стран АСЕАН и российская политика импортозамещения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 539–554. DOI: 10.22363/2313-0660-201717-3-539-554.
10. Гринберг Р.С., Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски. Москва – Санкт-Петербург, 2013.
11. Романова О.А. Стратегический вектор экономической динамики индустриального региона // Экономика региона. 2014. № 1. С. 43–56.
12. Побываев С.А., Толкачев С.А. Реиндустриализация в США и ЕС // Мир новой экономики. 2015. № 2. С. 29–36.
13. Бодрунов С.Д., Демиденко Д.С., Плотников В.А. Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // Управленческое консультирование. 2018. № 2. С. 43–54.
14. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Пер. с англ. М.: Изд-во «Э», 2017.
15. Кранц М. Интернет вещей: новая технологическая революция. Пер. с англ. М: Эксмо, 2018.
16. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
17. Смородинская Н.В. Усложнение организации экономических систем в условиях нелинейного развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 5. С. 104–115.
18. Чеботарев Н.Ф. Профессиональная пригодность – основа человеческого капитала // Вестник Челябинского государственного университета. 2002. № 2. С. 116–120.
19. Голева Т.В., Данакин Н.С. Структура человеческого капитала организации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 1 (117). С. 221–226.

REFERENCES

1. Sukharev O.S. Adequacy of the Strategy for the Rapid Development of the Russian Economy in Global Changes // Economic Analysis: Theory and Practice. 2013. No. 47 (350). Pp. 2–15. (In Russ.).
2. Kurgansky S.A. The structure of human capital and its evaluation at the macro level // Bulletin of the Baikal State University. 2011. No. 6(80) Pp. 15–22. (In Russ.).
3. Reimert E.S. How rich countries got rich and why poor countries stay poor M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2017. (In Russ.).
4. Aganbegyan A.G. Investments in fixed assets and investments in human capital are two interrelated sources of socio-economic growth. Forecasting problems. 2017. №4. Pp. 17–20. (In Russ.).
5. Veretennikova A.Yu., Omonov Zh.K. The concept of the institutional mechanism in economic theory // Journal of Economic Theory. 2017. No. 2. Pp. 156–162. (In Russ.).
6. Shastitko A.E. Projected Institutions: Theories and Interests // Journal of the New Economic Association. 2017. No. 3 (35). Pp. 177–184. (In Russ.).
7. Polterovich V.M. Reform Design: How to Look for Intermediate Institutions // Montenegrin Journal of Economics. 2012. Vol. 8. No. 2. Pp. 25–44. (In Russ.).

8. Sorokin D.E. Trust Factor // Journal of Economic Theory. 2016. №2. Pp. 132–138. (In Russ.).
9. Shaldenkova T.Yu. Catching up development: the experience of the ASEAN countries and the Russian policy of import substitution // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations. 2017. V. 17. No. 3. Pp. 539–554. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-0660-201717-3-539-554.
10. Grinberg R.S., Bodrunov S.D. Reindustrialization of the Russian economy: imperatives, potential, risks. Moscow, Saint Petersburg. 2013. (In Russ.).
11. Romanova O.A. Strategic vector of the economic dynamics of the industrial region // Economics of region. 2014. No. 1. Pp. 43–56. (In Russ.).
12. Pobyvaev S.A., Tolkachev S.A. Reindustrialization in the US and the EU // The world of the new economy. 2015. №2. Pp. 29–36. (In Russ.).
13. Bodrunov S.D., Demidenko D.S., Plotnikov V.A. Re-industrialization and the formation of the “digital economy”: harmonization of trends through the process of innovative development. 2018. №2. Pp. 43–54. (In Russ.).
14. Schwab K. The fourth industrial revolution. M.: Publishing house “E”, 2017. (In Russ.).
15. Kranz M. Internet of things: a new technological revolution. M: Eksmo, 2018. (In Russ.).
16. Rifkin J. The third industrial revolution: How horizontal interactions are changing energy, the economy and the world as a whole. M.: Alpina non-fiction, 2014. (In Russ.).
17. Smorodinskaya N.V. Complication of the organization of economic systems in the conditions of non-linear development // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2017. No. 5. Pp. 95–103. (In Russ.).
18. Chebotarev N.F. Professional suitability – the basis of human capital // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2002. No. 2. Pp. 116–120. (In Russ.).
19. Goleva T.V., Danakin N.S. The structure of the human capital of the organization // Bulletin of the Tambov University. Ser.: Humanities. 2013. No. 1 (117). Pp. 221–226. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 15.03.2022 г.

ABOUT THE AUTHOR

Batov Gumar Khasanovich – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Researcher at the Institute of Informatics and Problems of Regional Administration of Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia
gumarbatov@mail.ru

KEY FACTORS OF THE PROGRESSIVE ADVANCED DEVELOPMENT

In the light of recent events, the current Russian export-oriented model of catchup development has been self-evidently exhausted. In the current geopolitical conditions, the concept of progressive advanced development become an imperative. The subject of this study is a systematization of factors of progressive advanced development. The paper shows that the key factors of progressive advanced development include human capital, the system of institutions, import substitution, reindustrialization, technological development, network systems, culture and mentality.

Keywords: *advanced development, human capital, reindustrialization, import substitution, institutions, technologies, culture, mentality.*

JEL: B41, D02, O15, O33.

С.В. КОЗЛОВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник,
зав. сектором ФГБУН Институт экономики РАН

С.А. БРАТЧЕНКО

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

РЕФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КОСЫГИНСКОЙ РЕФОРМЫ

Вызовы современности настолько сильны и масштабны, что неизбежно повлекут за собой структурную перестройку как самой российской экономики, так и механизмов и инструментов управления государственным имуществом, в той или иной форме участвующим в различных сегментах экономики. В первую очередь это коснется управления государственными предприятиями. В контексте текущих задач роль этих предприятий, как ожидается, должна только возрасти. При этом, по нашему мнению, возникает необходимость вновь переосмыслить опыт реформ советского периода, внедривших новые механизмы и инструменты экономического развития, оставаясь в рамках существующей на тот момент социалистической системы хозяйствования.

В статье представлены результаты экономического анализа так называемой косыгинской реформы, которая представляла собой попытку ввести хозрасчетные элементы в условиях командно-административной системы, внедрить новые механизмы управления предприятиями, новые стимулы для повышения производительности труда. В статье показано, что реформа не принесла ожидаемых результатов не только потому, что ее реализация была "свернута" по политическим причинам, но и потому, что ряд задач, поставленных реформаторами (внедрение достижений научно-технического прогресса, модернизация производства и др.), в принципе не могли быть решены средствами, используемыми в данной реформе.

Подчеркивается, что ретроспективное исследование полученных в ходе реформы положительных и отрицательных экономических результатов поможет нивелировать, а может быть, и избежать ошибок современного реформирования государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, управление государственным имуществом, управление государственными предприятиями, косыгинская реформа, опыт косыгинской реформы.

JEL: E65, L51, N14, O20, P21, P27.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_53_75.

Реформирование системы государственного управления в условиях современных вызовов

В настоящее время в России, пожалуй, как никогда ранее, актуализирован запрос на эффективные механизмы государственного управления для оперативного решения задач по нивелированию экономических последствий невиданных за всю историю санкций, наложенных США и целым рядом недружественных государств на нашу страну. Речь идет в первую очередь об импортозамещении той продукции, которая перестала экспортироваться в Россию, о решении логистических задач для цепочек создания добавленной стоимости и для образования новых производственных связей, о налаживании производства на предприятиях, владельцы которых покинули Россию. Восстановить связи во всей российской социально-экономической системе, разрушенные из-за ухода иностранных компаний, в том числе и из-за блокады российских предприятий-экспортеров на международных рынках, необходимо в очень короткий временной период.

Второе, что нужно учитывать, – это вызовы, обусловленные трансформацией всего мирового экономического пространства: в глобальном масштабе происходит научно-техническая революция, связанная с использованием возможностей искусственного интеллекта, информационных технологий, уникальных материалов и средств их производства, а также, в известной мере, с необходимостью соблюдения новых экологических требований по сохранению окружающей среды. В условиях общемировой нестабильности Россия должна решать задачи, которые стоят перед страной по развитию нашей экономики. Речь идет о начале большого пути, первые шаги по которому нужно будет сделать в ближайшее время.

Для решения этих очень непростых проблем потребуется, с одной стороны, мобилизация национальных ресурсов – финансовых, материальных, интеллектуальных – на всех уровнях государственного управления, а, с другой, возможно, – трансформация самой модели российской экономики (например, на базе адаптационного сценария), совершенствование инструментов государственного регулирования, поиск новых критериев оценки эффективности использования государственных материальных активов (государственного имущества).

Так, уже в начале марта 2022 г. правительством РФ рассматривался первый комплекс мер, в который вошли предложения как общесистемного характера (использование инструментов поддержки предпринимательства, применяемые в период пандемии, приостановка разработки и принятия проектов законов и иных нормативно-правовых актов, вводящих дополнительную нагрузку на субъекты предпринимательства и др.), так и меры, затрагивающие конкретные отрасли

экономики (банки и финансовый сектор, потребительский рынок, строительство, транспорт).

Из-за максимально сложной ситуации у нас нет времени, которое позволило бы постепенно разрабатывать и апробировать новые механизмы управления, что влечет за собой необходимость задействовать инструменты, уже показавшие свою эффективность, например, во время пандемии COVID-19. Именно во время коронакризиса, для оказания поддержки регионам и отдельным отраслям, возникла потребность актуализировать механизм административного управления системообразующими предприятиями¹, а в марте 2022 г., в период начала массированного удара российской экономики санкциями, был обновлен список субъектов хозяйственной деятельности, нуждающихся в государственной поддержке, и некоторые критерии включения в него предприятий. Постановлением Правительства РФ № 359 от 14 марта 2022 года были внесены уточнения, которые позволяют данный механизм поддержки использовать и в настоящее время², применяя административные методы управления. Так, представители системообразующей организации, направившей заявление о возникшей проблеме, в обязательном порядке принимают участие в заседании штаба Межведомственной комиссии. Состав штаба Межведомственной комиссии формируется из числа представителей заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и иных лиц, определенных решением подкомиссии по повышению устойчивости финансового сектора и отдельных отраслей экономики Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций.

¹ Системообразующее предприятие – это предприятие, продукция или услуги которого важны либо для жизнеобеспечения той или иной территории, либо для функционирования той или иной отрасли или социально-экономической системы региона. В оборонно-промышленном комплексе синонимом понятия «системообразующее предприятие» является «стратегическое предприятие». Список системообразующих предприятий – детище кризиса 2008 г., когда десятки крупных компаний из-за финансового кризиса оказались одновременно отрезаны от кредитных ресурсов, и государству пришлось задуматься об их спасении. В 2014–2015 г., после ослабления рубля на фоне подешевевшей нефти и геополитических рисков, правительство вернулось к списку системообразующих организаций, периодически рассматривая на заседаниях правительственной комиссии вопросы оказания поддержки этим компаниям. Правительственная комиссия по повышению устойчивости российской экономики 20 марта 2022 г. рассмотрела и утвердила новый перечень системообразующих организаций, чье финансовое состояние в условиях обвала цен на нефть и пандемии коронавируса будет отслеживаться, и, при необходимости, рассматриваться вопрос об оказании им поддержки.

² В настоящее время действует в редакции от 15 марта 2022 г.

Следующая мера, введенная правительством РФ, касается уже тех компаний, которые связаны с госпредприятиями производственными кооперационными связями. Поставщики компаний с госучастием освобождаются в 2022 г. от штрафных санкций за неисполнение договоров в связи с введением внешних ограничений. Компаниям с госучастием направлены директивы правительства РФ об особенностях исполнения договоров в условиях иностранных санкций³. Согласно документу, компании с госучастием не смогут применять в текущем году к поставщикам штрафные санкции за неисполнение договоров в связи с введением санкций. Кроме того, они должны обеспечить возможность изменять условия таких договоров. «В связи с введением иностранными государствами санкций у поставщиков возникают сложности с исполнением договоров на ранее согласованных условиях, в том числе в части номенклатуры поставляемых товаров, их цены и сроков исполнения обязательств. Разработанные Минфином России директивы помогут поддержать поставщиков в текущей экономической ситуации», – подчеркнула директор Департамента бюджетной политики в сфере контрактной системы Татьяна Демидова⁴.

Тем самым государство в лице правительства активно использует административные рычаги управления (в том числе и в части бюджетного финансирования) в рыночной среде российской экономики. Как решить задачи усиления административных методов регулирования в сочетании с рыночным хозяйством, найти баланс между ними, позволяющий достичь максимально положительного эффекта в сложившейся ситуации? Возможен и прямо противоположный вопрос: насколько можно ослабить рычаги регулирования предпринимательской деятельности в условиях трансформации рынка и структурной перестройки экономики?

Представляется, что в новых условиях, с учетом текущих задач, а также в связи с увеличением в последнее время значения оборонного комплекса и масштабов государственного заказа, должна возрасти роль государственного имущества, в особенности такой его категории, как государственное предприятие (к которому в рамках данной статьи мы относим и компании с государственным (не обязательно 100%-м) участием в капи-

³ Директивы Правительства Российской Федерации от 06.03.2022 № 2182П-П13кс представителям интересов Российской Федерации для участия в заседаниях советов директоров (наблюдательных советов) акционерных обществ с государственным участием, включенных в специальный перечень, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 января 2003 г. № 91-р.

⁴ https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37801-postavshchiki_kompanii_s_gosuchastiem_osvobozhdayutsya_v_2022_godu_ot_shtrafnikh_sanktsii_za_nyeispolnenie_dogovorov_v_svyazi_s_vvedeniem_vneshnikh_ogranichenii.

тале). Актуализируется и вопрос о критериях эффективности управления государственным имуществом.

Совокупность же указанных выше факторов (усиление административных рычагов управления экономикой, жесткое ограничение по времени, возрастание роли государственного имущества в выполнении новых задач) влечет за собой необходимость исследовать механизмы регуляторной деятельности государства, которые использовались в советское время, в частности во время косыгинской реформы (не ставя при этом цель отменить рыночные принципы хозяйствования). Проблема эффективного собственника не решена до сих пор и сохраняет свою актуальность. В настоящее время, учитывая сложившиеся условия, ее скорейшее и грамотное решение имеет огромное значение для дальнейшего развития российской экономики.

Мы солидарны с учеными, которые полагают, что обсуждение экономической реформы 1965 г. (ее еще называют реформой Косыгина-Либермана, или просто косыгинской реформой) имеет большое методологическое значение, поскольку эти выводы могут во многом оказаться применимы к анализу и оценкам российских социально-экономических реформ совсем недавнего времени [1, с. 7]. Более того, актуальность обращения к данной реформе возникает периодически по мере появления необходимости (в силу разных причин, внутренних и внешних вызовов) модифицировать векторы развития современной экономической модели страны. Так, 9 июня 2009 г. в Институте экономики РАН, в цикле круглых столов «XX век России – век политико-экономических реформ», состоялось заседание на тему «Косыгинские реформы – важный этап формирования новой экономики СССР и России». Выступающие отмечали, что 60-е годы XX в. были временем больших ожиданий [2]. Ждали радикального подхода к реформированию хозяйственного механизма; тогда казалось возможным одновременно ввести рыночные элементы и сохранить командные высоты. После кризиса 2008 г. обращение к истории стало актуальным, но ее уроки не были использованы на тот момент.

Сейчас, в эпоху глобальных мировых вызовов, опять возникает востребованность по-новому взглянуть на исторический опыт реформ 1960-х годов, чтобы разработать новые механизмы управления государственными предприятиями (компаниями с государственным участием) – важнейшей составной частью государственного имущества.

В настоящее время появляется все больше высказываний о том, что много решает фактор личности на местах, что руководители должны брать на себя больше хозяйственной инициативы⁵. Одновременно

⁵ Так, например, 7 апреля 2022 г. Генеральный директор Роскосмоса Дмитрий Рогозин в рамках проведения заседания отраслевого оперативного штаба подверг

с этим продолжается начатая в 2020-м году реформа управления государственными предприятиями (о чем мы подробно писали ранее, см., например, [3]) через индикаторы оценки эффективности их работы, сопряженные с национальными целями развития. В результате тридцатилетних российских реформ создана и функционирует рыночная модель в экономике России, и госпредприятия «вписаны» в нее.

Совместить механизмы двух экономических моделей (рыночной и модели централизованного управления) для повышения эффективности и качества социально-экономического развития нашей страны, на наш взгляд, – это важнейшая и сложнейшая задача современного этапа развития. Поэтому анализ косыгинской реформы, осуществляемый с целью получения ответа на вопрос, насколько используемые инструменты хозяйственной инициативы действительно были способны интенсифицировать и модернизировать плановую экономику, актуален и необходим именно сейчас.

Анализ экономического содержания реформы

В конце 50-х и начале 60-х годов XX-го в. экстенсивные факторы развития экономики (освоение целинных и залежных земель, вовлечение в хозяйственный оборот новых богатых месторождений нефти и газа и др.) были в основном исчерпаны. Настоятельно требовалась интенсификация экономики. Для того чтобы решить эту проблему, была инициирована реформа⁶, в качестве *основных задач которой ставилось повышение производительности труда и фондоотдачи, внедрение научно-технических достижений в производство, модернизация производства, повышение качества продукции, а также развитие инициативы*. Реформа 1965 г. была попыткой перейти от административных к экономиче-

критике бездеятельность и безынициативность руководства ряда предприятий ракетно-космической отрасли и призвал их в сложившейся ситуации активнее выполнять свои должностные обязанности. <https://aboutspacejournal.net/2022/04/07/%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D0%BD-%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB-%D1%80%D1%8F%D0%B4-%D1%80%D1%83>.

⁶ См.: Постановление сентябрьского 1965 г. Пленума ЦК КПСС «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства», Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 4 октября 1965 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» (далее – Постановление от 04.10.1965), а также «Положение о социалистическом государственном производственном предприятии», утвержденное СМ СССР 4 октября 1965 г. (далее – «Положение ...»).

ским методам управления в рамках социалистического способа производства.

Результаты восьмой пятилетки (1966-1970 гг.) оказались весьма обнадеживающими и показали, что реформа себя оправдала. Так, среднегодовой темп прироста национального дохода за период 1966–1970 гг. составил 7,7% (против 6,5% за период 1961–1965 гг.). Более того, экономический рост обеспечивался преимущественно интенсивными факторами (повышением производительности труда и фондоотдачи, снижением материалоемкости и прироста занятых в материальном производстве) (см. табл.).

Таблица

Динамика качественных факторов экономического роста, %

Факторы экономического роста	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1979
Прирост национального дохода, к предыдущему периоду	37	45	32	19
Среднегодовой темп прироста национального дохода, в среднем за период	6,5	7,7	5,7	4,4
Производительность общественного труда, к предыдущему периоду	31	39	25	14
Среднегодовой темп прироста производительности труда, в среднем за период	5,6	6,8	4,6	3,3
Прирост занятых в материальном производстве, к предыдущему периоду	10,2	6,0	6,4	3,9
Среднегодовой темп прироста занятых в материальном производстве, в среднем за период	2,00	1,20	1,25	0,95
Динамика фондоотдачи (отношение роста национального дохода к росту основных производственных фондов)	0,86	0,98	0,87	0,89
Динамика материалоемкости (отношение общественного продукта к национальному доходу) за период	1,00	0,99	1,03	1,00

Источник: [4, с. 155].

Для успешного продолжения реформы предполагалась работа не только на уровне предприятий – большая роль в реализации реформы отводилась министерствам. Однако научно обоснованные нормативы, уровни рентабельности, оптовые цены, которые должны были стать основой хозрасчетных отношений в условиях реформирования и о которых так переживал А.Н. Косыгин, так и не были подготовлены и приняты [5, с. 64]. Плановые задания по-прежнему разрабатывались

министерствами по принципу «от достигнутого» и с течением времени становились все более напряженными. Особенно активно этот процесс начал развиваться с 1970-х годов. Основной «головной болью» директоров все в большей степени становилось выполнение министерского плана, который далеко не всегда был реалистичен и зачастую значительно превышал наличные производственные мощности. Появился даже термин «перенапряженный план», характерный для такой ситуации.

Фактически это означало свертывание реформы явочным порядком.

В результате такой практики управления происходило поступательное снижение темпов роста народно-хозяйственных показателей (см. табл.), к началу 1980-х годов темпы роста значительно снизились, страна вступила в период так называемого застоя.

Нам представляется чрезвычайно важным проанализировать экономическую составляющую реформы, ее состоятельность. *Если бы реформа была продолжена, каковы были бы экономические результаты реформы? Насколько используемые инструменты хозяйственной инициативы действительно были способны интенсифицировать и модернизировать экономику?* В этой связи следует отметить, что «инициаторы косыгинской реформы ... до конца не представляли, к чему должны привести начатые ими преобразования» [6, с. 64]. А.Н. Косыгин рассматривал реформу не как единовременный акт, а как длительный процесс совершенствования управления экономикой [5, с. 75] в рамках социалистического строя. Между тем мы, анализируя результаты реформы, можем судить лишь о тех инструментах, которые использовались тогда в ходе реформы, и не знаем, что Алексей Николаевич предполагал изменить или усовершенствовать на последующих этапах реформы, которым не суждено было реализоваться, и как он собирался купировать возникающие проблемы.

В литературе обычно отмечается эклектичность и половинчатость косыгинской реформы [7, с. 458], «не до конца понятая роль товарно-денежных отношений, необходимость интеграции рыночных и государственных механизмов регулирования», тем более что «в советской политической системе ... боялись скатывания к капитализму» [2, с. 151, 154]. Авторы бестселлера «Почему одни страны богатые, а другие бедные...» выделяют как минимум две группы экономических причин, приведших к неудаче реформу 1965 г.:

- «система цен, которая использовалась в том числе и для расчета прибыли, была почти никак не связана с реальной ценностью технологий и инноваций»;
- «поскольку премиальный фонд не мог превышать определенной доли общего фонда заработной платы, никакого стимула снижать этот последний ... у предприятий не было» [8, с. 150–151].

Как известно, рост *производительности труда* и рост *фондоотдачи* может обеспечиваться как интенсивными, так и экстенсивными факторами. Так, *Щекинский метод* главным образом был направлен на выявление и использование резервов в сфере организации производства (в современных терминах – на использование инструментов операционного менеджмента) и на повышение мотивации сотрудников, то есть на интенсивные, но ограниченные по масштабам факторы (невозможно на том же оборудовании безгранично повышать производительность за счет улучшения организации производства). Тем не менее результаты использования этих резервов оказались весьма впечатляющими.

Отдельно следует сказать о тиражировании щекинского метода. К 1969 г. число предприятий – последователей щекинского метода выросло до 200 [9, с. 176]. При более внимательном изучении остается непонятным, насколько реальными были эти цифры. Дело в том, что этот метод нельзя было слепо скопировать на другие предприятия: стабилизация фонда зарплаты и материальная заинтересованность работников были исходным условием, а не содержанием метода. Сам метод и сама суть реформы заключались в нахождении резервов и улучшении организации производства. На Щекинском комбинате над этим в тесном симбиозе работал весь трудовой коллектив – и специалисты, и рабочие – во главе с директором.

Для облегчения распространения метода как минимум требовалось разработать для разных отраслей промышленности свои рекомендации, о необходимости которых неоднократно говорил первый секретарь Тульского обкома КПСС И.Х. Юнак. Но они так и не были разработаны, да и министерства не были в них заинтересованы. Зачастую к последователям щекинского метода причисляли предприятия, которые применяли лишь отдельные элементы метода, например, сводили его только к доплатам за совмещение профессий, а иногда даже просто к оборудованию красных уголков и созданию агитационных плакатов⁷.

Другим *необходимым условием* успешности внедрения щекинского метода являлось *наличие энергичного, творчески мыслящего, инициативного, заинтересованного в результатах производства* (а не только в отчете перед министерством и в повышении личных доходов, возможности для которых тогда появились) *директора предприятия*, поскольку именно от него зависело, каким образом пойдет внедрение щекинского метода, – по формальному или неформальному пути. Неформальное внедрение щекинского метода требовало и от директора, и от всего коллектива титанических усилий и дополнительных средств (для выявления резервов производства Щекинским химическим комбинатом было привле-

⁷ <https://gazetahimik.ru/schekino-history/schekino-news/30621.html>.

чено 12 проектных и научно-исследовательских организаций, которым в общей сложности было уплачено 700 тыс. руб.⁸), иначе приоритетом директора оставалось бы лишь выполнение плана, а внедрение щекинского метода свелось бы к оформлению «красного уголка».

Между тем административная система «требовала от нижестоящих руководителей прежде всего исполнительности, приучала не обсуждать решения «верха», а выполнять их. В соответствии с законами административной системы нельзя лезть в дела «верха», надо делать то, что приказано... Такие люди ...все менее отвечают интересам дела», «административной системе инициативный работник не нужен, ей нужен исполнитель». «В итоге административная система обречена на воспроизводство в среднем все более ухудшающихся кадров». При этом сказанное не отрицает и другого — вопреки такой системе формировались и «нетипичные» кадры, способные творчески решать непростые проблемы хозяйственного строительства» [7, с. 452–453]. В этой ситуации ожидать, что все директора окажутся такими же творческими неординарными личностями, как директор Щекинского завода П.М. Шаров, крайне маловероятно.

Для того чтобы иметь возможность применить предложения на практике и реорганизовать производство, требовалось еще одно условие: чтобы министерство спустило заводу на этот период ненапряженный план.

Таким образом, косыгинская реформа создала условия, но не создала стимулы для выявления резервов за счет улучшения организации производства и их использования, повышения производительности труда и фондоотдачи, количественного экономического роста.

Повышение качества экономического роста предполагает решение двух задач: повышение качества продукции и модернизацию производства (в идеале, за счет внедрения последних достижений научно-технического прогресса).

Задачу повышения качества продукции уже выпускаемых моделей продукции предполагалось решить за счет развития горизонтальных связей, заключения прямых договоров с потребителями промышленной продукции или торговыми организациями (в случае продукции потребительского спроса). Эта продукция должна была выпускаться после того, как предприятие выполнило план по отгрузке продукции «для общесоюзных нужд». Таким образом, реформа предполагала задействовать не только рыночные стимулы, но и рыночные регуляторы. Однако в этом пункте есть два «но»:

1) *с точки зрения возможностей*: перенапряженные плановые задания, составляемые министерствами по принципу «от достигнутого»,

⁸ <https://gazetahimik.ru/schekino-history/schekino-news/30621.html>.

привели к тому, что практика заключения прямых договоров не получила широкого развития;

2) *с точки зрения стимулов*: при заключении прямых договоров повышение качества продукции могло происходить только при насыщенном спросе – при дефиците данный механизм не работает, так как в условиях дефицита товарные организации рады получить любую, в том числе не очень качественную продукцию. Поэтому для значительной части товарной массы механизм, предусмотренный реформой, оказался не действующим или слабо действующим⁹. Таким образом, *реформа (в том виде, в каком она успела осуществиться) не смогла создать достаточных стимулов для заметного повышения качества продукции.*

Вышесказанное относится к качеству уже выпускаемых моделей продукции. Однако проблема повышения *качества продукции* заключается в необходимости разрабатывать принципиально новые технологии, разрабатывать и выпускать *принципиально новую продукцию*: новые, более производительные станки; новые, более современные, быстрые, экономичные, экологичные и удобные автомобили; новые, более эффективные лекарства; модную одежду и т. п. Разработка новой продукции требует ресурсов, и не только материальных, но и организационных. Чтобы разработать принципиально новую продукцию или технологию, кто-то (какая-то организация или какое-то большое подразделение) должен этим профессионально заниматься. Поэтому идея реформаторов о том, что «предприятие непрерывно совершенствует производимую им продукцию (выполняемые работы, услуги)»¹⁰, «предприятие организует работы по изобретательству, обеспечивает своевременное рассмотрение и внедрение изобретений и рационализаторских предложений»¹¹, на деле мало что меняло. Очевидно, что заводская лаборатория решить задачу разработки принципиально новой продукции или технологий не в состоянии: она может что-то усовершенствовать в выпускаемых моделях продукции, но не более того. Этим может заниматься отраслевой проектный институт, какие были при каждом министерстве, и не один. Но это не имеет отношения к реформе: задания такие инсти-

⁹ О масштабах товарного дефицита можно судить по тому факту, что первому летчику-космонавту Ю.А. Гагарину после успешного полета была выдана премия как в денежном, так и в натуральном виде. Премия была выплачена из резервного фонда Совета министров СССР на основании Распоряжения Совета Министров СССР № 1037рс от 18 апреля 1961 г. за подписью Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева.

¹⁰ Согласно ст. 24 «Положения...».

¹¹ Согласно ст. 25 «Положения...».

туты получали плановым порядком из министерства. *Механизмы разработки принципиально новой продукции реформа не затрагивала.*

Еще одной проблемой советской дореформенной экономики было *отсутствие механизмов обновления оборудования, модернизации производства, внедрения достижений науки и техники.* Здесь было как минимум три препятствия:

- в любом обновлении основных средств, модернизации производства в советской экономике в качестве ключевого агента было задействовано министерство: и в том случае, если это было решение, «спущенное сверху», когда инициатором модернизации выступало министерство (или иные вышестоящие органы), – обычно это имело место при решении важных народно-хозяйственных задач; и если (в качестве исключения) это была инициатива предприятия, то *предприятие тоже не могло обойтись без помощи министерства*, поскольку рынок оборудования отсутствовал, и нужно было включить выпуск требуемого оборудования в план будущих периодов (или же изыскать валютные ресурсы и организовать поставку из-за рубежа);
- *отсутствие заинтересованности в модернизации со стороны руководства предприятия*, главной задачей которого было выполнение плана, предпочтительно заниженного, а любое «отклонение» от задачи выполнения плана, включая обновление основных фондов, воспринималось как ненужное, дополнительное усложнение;
- для министерства это также была дополнительная «морочка», поскольку его главной заинтересованностью было выполнение плана подведомственными предприятиями, а *степень изношенности оборудования в этом никакой роли не играла.*

Авторы реформы полагали создать систему для модернизации оборудования на уровне предприятия. Для этого на каждом предприятии был образован фонд развития производства, предназначенный для финансирования капитальных вложений по внедрению новой техники, механизации и автоматизации, модернизации оборудования, по обновлению основных фондов, совершенствованию организации производства и труда, а также на другие мероприятия по развитию производства, направленные на освоение новых видов изделий, на рост производительности труда, снижение себестоимости и улучшение качества продукции, повышение рентабельности производства. Этот фонд образовывался за счет отчислений от прибыли предприятия и составлял от 30% до 50% амортизационных отчислений, предназначенных для полного восстановления основных фондов, и выручки от реализации выбывшего и излишнего имущества (основных фондов)¹².

¹² Согласно ст. 16 Постановления от 04.10.1965.

С точки зрения возможностей для реализации данной схемы существовало как минимум три серьезных препятствия.

- Вопрос *достаточности средств*. Авторы реформы побоялись оставить все амортизационные отчисления в распоряжении предприятия; замену основных средств предполагалось осуществлять за счет отчислений от прибыли. Здесь следует учесть, что среди советских предприятий значительная доля относилась к низкорентабельным, а еще часть были планомерно убыточными. Такие предприятия должны были осуществлять замену оборудования за счет 30-50% амортизационных отчислений, что представляется заведомо недостаточным. Но ведь цель модернизации заключается не в замене одного-двух станков. Представляется, что для действительной модернизации (переходе, хотя бы в масштабе цеха, на новую, более производительную технологию) у большинства предприятий элементарно не хватало средств.
- Другим, не менее значимым препятствием для модернизации оборудования являлось *отсутствие оптового рынка средств производства*: для того чтобы иметь возможность приобрести станки, они должны быть кем-то произведены. Для этого требовалось либо действовать «по старинке» – через министерство, чтобы данное оборудование было включено в план выпуска завода-производителя, либо, в рамках легальных возможностей, предоставляемых реформой, заключить с заводом-производителем прямой договор о поставке необходимых станков или иного оборудования. Только, как отмечалось выше, найти предприятие, готовое произвести нужное оборудование, было весьма сложно – на практике доля прямых договоров была чрезвычайно низкой, поскольку практически все производственные мощности были заняты выполнением перенапряженных планов для союзных нужд [7, с. 439]. Вышесказанное означает, что в рамках реформы организационно замена оборудования силами предприятия была на практике мероприятием крайне сложно осуществимым. Так, в 1967 г. предприятия смогли использовать только 69% средств фонда развития производства – главным образом по причине необеспеченности их материальными ресурсами [6, с. 57].
- Гораздо важнее было не просто заменить изношенное оборудование на новое, а *модернизировать* производство. Для этого необходимо было, чтобы кто-то, какие-то другие организации и предприятия разработали и произвели новое поколение оборудования. В рамках социалистической системы, без развитых рыночных стимулов, это совершенно не зависело от предприятия-потребителя и было возможно только по решению, при-

нятому «сверху». Механизмы разработки принципиально нового оборудования и новых технологий (как и новой продукции) реформа не затрагивала.

Как свидетельствует С.Г. Коваленко, «предприятиям предлагали переходить на новый уровень технического развития производства с использованием своего фонда, привлекать в помощь долгосрочное кредитование. На практике же внедрение достижений научно-технического прогресса происходило централизованно, что приводило не только к излишним затратам государства, но и к малой эффективности результатов» [9, с. 172].

Представляется, что в том виде, в котором реформа успела реализоваться, она не смогла бы оправдать возлагавшиеся на нее надежды и решить поставленные задачи количественного и качественного экономического роста, который обеспечивается модернизацией производства (внедрением результатов научно-технического прогресса), повышением качества продукции, ростом производительности труда и ростом фондоотдачи. Это вполне закономерно: «попытка радикальной реформы в 1965 г. была парализована тем, что в центре внимания оказалась не сама Система, а опять-таки ее следствие — низкая эффективность экономики» [7, с. 460]. Для решения вышеуказанных задач требовалось дальнейшее развитие реформы, которое, судя по отзывам соратников, А.Н. Косыгин намеревался предпринимать.

Незапланированные результаты реформы

Если годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) показали весьма обнадеживающий результат, то показатели следующей, девятой пятилетки оказались по большинству показателей хуже, чем показатели и восьмой, и предыдущей, седьмой (см. табл.). Кроме того, выявились последствия реформ, которые никто не ожидал: весьма заметной стала инфляция, дефицит стал перманентным спутником советского человека [10, с. 404]. При анализе ситуации *post factum* становится понятным, что такие явления также были закономерным следствием реформы.

Одним из основных инструментов реформы был показатель «рентабельность фондов» – отношение прибыли к суммарной стоимости основных фондов и оборотных средств предприятия. Целью реформы было повысить рентабельность фондов, а значит и прибыль, и фондоотдачу (и, таким образом, экономическую производительность основных фондов и эффективность использования оборотных средств, снижение сверхнормативных запасов, которые стремились создать предприятия в условиях нестабильности материально-технического снабжения). Предприятия воспользовались этой возможностью, но не всегда так, как предполагали авторы реформы.

Предприятия стали искать и находили множество более простых и легких для предприятия способов повышения прибыли, которые были неэффективны для народного хозяйства в целом. Так, включились механизмы «затратной экономики»: чем дороже было исходное сырье, и чем больше его было израсходовано, тем дороже была и выпускаемая продукция, тем большей была абсолютная сумма прибыли при той же рентабельности, и тем выгоднее было для предприятия [9, с. 173]. Также было много случаев, когда предприятия стремились дополнительную прибыль получить не за счет совершенствования производства, а при помощи «вымывания» малорентабельной продукции из производственных программ, путем ассортиментных сдвигов в пользу более рентабельной продукции, которая в силу недостатков ценообразования отнюдь не всегда требовалась потребителям [6, с. 58, 60]. Ну и наконец, легче всего было, ничего не меняя, под маркой улучшения качества продукции (а это в то время приветствовалось), просто повысить на нее цену. Тем более, что цена определялась не через механизм спроса и предложения, а через систему бюрократических согласований, волевыми решениями [9, с. 173].

Поэтому вместо повышения эффективности производства под маркой улучшения качества продукции начался неконтролируемый рост оптовых цен. Только в машиностроении в годы восьмой пятилетки цены выросли более чем на 30%. [9, с. 173–174]. В представленном в середине десятой пятилетки Госпланом СССР докладе о состоянии советской экономики сообщалось, что скрытый рост цен в экономике был столь значителен, что обеспечивал половину прироста розничного товарооборота [10, с. 334]. В экономике появились явные признаки инфляции [10, с. 404].

Рентабельность фондов могла увеличиваться не только за счет более эффективного использования основных средств, но и за счет сокращения оборотных. Так, директор Главного управления трикотажной и текстильно-галантерейной промышленности Министерства легкой промышленности СССР С.Н. Чупрыгина вспоминала: показатель рентабельности был «уязвимым местом реформы. Если я хочу поднять рентабельность, я могу уменьшить запасы сырья и других вспомогательных материалов, тем самым уменьшив знаменатель, и искусственно поднять показатель рентабельности» [11, с. 83]. Таким образом, вместо улучшения использования основных фондов предприятия сокращали запасы сырья и материалов, одновременно увеличивая риск невыполнения плана и заключенных договоров по причине банальной нехватки сырья.

Заинтересованность предприятий в повышении рентабельности фондов была связана с тем, что от нее зависели размеры отчислений в заводские фонды – в фонд развития производства, фонд материального поощрения и в фонд социально-культурного назначения.

Роль этих фондов для руководства предприятия существенно различалась.

Как было показано выше, замена оборудования силами предприятия на практике была сложно осуществима. Реформа предоставила некоторые, весьма ограниченные возможности для замены оборудования в виде *фонда развития производства*, но ни руководство предприятия, ни министерство не были заинтересованы в замене оборудования и в его модернизации. И результат не замедлил себя ждать: в девятой пятилетке, впервые за все время развития советской экономики, началось снижение темпов роста капиталовложений [5, с. 78]. *Вместо модернизации производства происходило увеличение срока службы оборудования, дальнейший рост технологического отставания советской промышленности от промышленности развитых капиталистических стран.*

Совсем по-другому происходило с *фондом материального поощрения*. Он активно использовался для премирования работников. Реальные доходы трудящихся за 1966–1970 гг. выросли на 30% [7, с. 438]. Директорат также себя не обижал: пришлось даже устанавливать предприятиям предельный размер ассигнований на содержание аппарата управления [6, с. 59].

Повышению доходов трудящихся можно было бы только радоваться, но *заработная плата стала расти быстрее производительности труда*. Это приводило к несоответствию между платежеспособным спросом населения и предложением потребительских товаров; количество денег у населения все в большей мере превышало потребности товарного обращения [5, с. 71–72, с. 58]. С тех пор понятие «дефицит» стало непременным атрибутом социализма. Рост дефицита также сказался на непосредственных результатах реализации реформы: как известно, в условиях дефицита стимулирующая роль заработка, равно как и премий, разного рода фондов и льгот, начинает ослабевать [7, с. 346].

В дополнение отметим принципиально разную роль административно-командной системы в отношении обновления основных средств и модернизации производства, с одной стороны, и использования фонда материального поощрения для стимулирования инициативы работников предприятий, с другой.

В первом случае, как отмечалось выше, ни министерство, ни предприятие не были заинтересованы в решении задач технологического развития, и не будь административно-командной системы, в сформулированных реформой условиях это не прибавило бы предприятию заинтересованности в обновлении оборудования (но уменьшило бы трудности в случае решения обновлять оборудование), поскольку реализовать личный интерес (получить премии) легче было без всякой модернизации.

Совсем другую позицию занимали министерства в отношении фонда материального поощрения: исходя из принципов уравниловки, они препятствовали выплате чрезвычайно высоких, по их мнению, премий, изымая средства в пользу своего бюджета. Тут они играли двоякую роль: с одной стороны, снижали стимулы для творчества и инициативы на тех предприятиях, где они реально имелись, с другой – сдерживали тем самым увеличение разрыва между ростом доходов и предложением товаров, а, следовательно, рост инфляции и товарного дефицита в экономике.

Таким образом, несмотря на то что реформа была свернута, она выступила триггером для целого ряда негативных факторов в народном хозяйстве, прежде всего для роста инфляции и товарного дефицита. Последний, в свою очередь, вызвал к жизни такие негативные явления, как рост товарных спекуляций, приспособленчества, повышение социальной роли торговли по сравнению с материальным производством, дальнейшее возвышение роли бюрократии, развитие теневой экономики и т. п. [7, с. 454, 456].

Экономические причины неудачи реформы

Коренным пороком административно-командной системы была тотальная регламентация деятельности: 30 показателей плана в предреформенные годы на практике означали для предприятия 30 степеней несвободы: проявлять инициативу было практически невозможно и невыгодно, любой незапланированный шаг, любое отклонение от плана требовалось согласовывать с министерством. Инициативы могли исходить только «сверху», а поскольку министерство не было заинтересовано в развитии, то большинство идей, относящихся к развитию производства, разрабатывалось на «самом верху» и затем спускалось «вниз». Предприятию отводилась роль исполнителя. Такая ситуация имела место в течение многих лет, и всех это устраивало.

В начале 60-х годов вопросы развития, внедрения достижений научно-технического прогресса, повышения производительности труда (в том числе в соревновании с капиталистическим лагерем) встали с особенной остротой, в том числе на «самом верху», на уровне Политбюро ЦК КПСС. И тогда (опять же «сверху») было принято решение, не меняя сути системы, «совершенствовать» ее отдельные элементы, для того чтобы у предприятия появилась возможность и заинтересованность проявлять инициативу, ведь идея реформы состояла в сокращении административных и расширении экономических методов управления.

Тогда казалось, что если у предприятия появится возможность проявлять инициативу, то эта инициатива будет направлена на развитие

предприятия, а значит и экономики, тем более что работники будут материально заинтересованы в проявлении инициативы.

Результаты реформы значительно отличались от идей реформаторов: развитие имело место преимущественно в восьмой пятилетке, хотя уже в этот период начали наблюдаться первые негативные «ласточки» (рост цен). В последующих пятилетках негативные, «незапланированные» следствия реформы (застой, инфляция, дефицитность экономики и ее социальные последствия) продолжали возрастать. Ю.В. Фирсов, бывший в течение многих лет помощником А.Н. Косыгина, писал по этому поводу: «Стимулы к инициативе и предприимчивости, которые была призвана создать начатая в 1965 г. экономическая реформа, оказались слабее, чем выгоды от умения ловчить, получая большую долю «блага» с затратой меньших усилий» [5, с. 74].

При этом следует учитывать, что реформа не была завершена. Как уже отмечалось, по свидетельству людей, лично сотрудничавших с А.Н. Косыгиным, он не собирался останавливаться на достигнутом: «Реформа — не единовременный акт, — говорил Косыгин, — это длительный процесс совершенствования управления экономикой, и необходимо продолжать работу по улучшению системы показателей народнохозяйственного плана, экономических и технических нормативов, усилению заинтересованности предприятий в эффективной работе» [5, с. 75]. «Алексей Николаевич понимал, что нужны новые шаги по дальнейшему реформированию экономики, ...что нашей экономике не хватает конкуренции, ...ориентация (реформы) была на формирование хозрасчетных отношений между министерствами и предприятиями» [12, с. 159–160]. Вероятно, если обстоятельства позволили бы Алексею Николаевичу дальше развивать реформу, вышеописанные негативные, «побочные» результаты реформы были бы нивелированы — им бы не дали развиваться, конструкция реформы была бы «доработана».

Однако мы имеем то, что имеем. Поэтому, мы согласны с авторами, которые полагают, что одной из основных причин неудачи реформы (в том виде, в котором она была реализована) была ее эклектичность и половинчатость [2, с. 154]. *При фактическом отсутствии рынка и господстве административных методов управления экономикой реформа не могла решить проблему модернизации производства, не устранить командно-административную систему. В рамках социалистического строя решить поставленные задачи было невозможно — необходимо было развивать рынок [7, с. 518], например, в форме смешанной экономики [6, с. 64].*

Кроме того, практика подтвердила, что реформа, то есть возможность проявлять инициативу, была действительно необходима для стимулирования развития экономики. Однако одновременно прак-

тика (и наш анализ) показали, что *de facto* созданные (незавершенной) реформой условия оказались необходимыми, но не достаточными для того, чтобы работники (как рядовые, так и директорат предприятий) стали заинтересованы в развитии. Работники проявляли инициативу, но они проявляли инициативу, отвечающую их интересам. *А система стимулов реформы была устроена таким образом, что система народно-хозяйственных интересов, интересов предприятия и интересов работника далеко не всегда совпадали.*

Выводы

Несмотря на то что реформа фактически не была завершена, в общественном сознании (включая экономистов-профессионалов и управленцев) на многие десятилетия, вплоть до начала 1990-х годов, утвердилось представление, что косыгинская реформа не состоялась по политическим причинам, а также потому, что она была по своей природе половинчатой и не предполагала ликвидацию командно-административной системы и переход к смешанной экономике или к рынку. Многие полагали, что если для предприятия и его работников будут созданы условия для проявления инициативы, то эта инициатива выступит драйвером развития предприятия и, как следствие, – всей экономики.

Идея реформы была направлена на то, чтобы, используя экономические рычаги для стимулирования модернизации производства за счет внедрения достижений научно-технических и опытно-конструкторских разработок, повысить производительность труда, повысить фондоотдачу, повысить качество производимой продукции, а также и заинтересованность работников и руководителей предприятий в результатах своего труда. Сама суть реформы заключалась в нахождении внутренних резервов, в том числе и за счет улучшения организации производства, т. е. использования инструментов операционного менеджмента.

Проведенный авторами анализ целей косыгинской реформы и тех механизмов государственного управления по их достижению, которые применялись, показал, что в условиях административно-командной системы реформа была чревата появлением не только положительных, но и отрицательных эффектов. По нашему мнению, основными причинами этого явились:

- отсутствие заинтересованности в модернизации производства со стороны руководства и работников предприятий;
- система стимулов по модернизации производства была нацелена на решение этой сложной задачи на уровне предприятия, при незаинтересованности отраслевых министерств;

- реформа не смогла создать достаточных стимулов для повышения качества производимой продукции;
- механизмы разработки принципиально новой продукции реформа не затрагивала;
- разработка принципиально нового оборудования для замены устаревшего оборудования реформой не стимулировалась; при этом замена оборудования силами предприятия организационно была на практике трудно осуществимым мероприятием.

Кроме того, из-за неучтенных недостатков самой административно-командной системы возникли незапланированные, но вполне закономерные следствия реформы:

- вместо повышения эффективности производства под маркой улучшения качества продукции начался неконтролируемый рост оптовых цен;
- использование показателя «рентабельность фондов» для увеличения фондоотдачи и прибыли предприятия в условиях нестабильности материально-технического снабжения позволял искусственно снижать суммарную стоимость основных фондов, увеличивая риск невыполнения плана и заключенных договоров;
- вместо модернизации производства происходило увеличение срока службы оборудования и дальнейший рост технологического отставания советской промышленности от промышленно-сти развитых капиталистических стран;
- предприятия находили множество способов повышения прибыли, неэффективных для народного хозяйства в целом;
- заработная плата работников предприятия стала расти быстрее роста производительности труда, что привело к дефициту товаров и росту инфляции.

По нашему мнению, косыгинская реформа как первая попытка реформировать/усовершенствовать командно-административную систему и ввести хозрасчетные отношения явилась огромным шагом вперед. Совсем неудивительно, что наряду с позитивным опытом реформа сопровождалась негативными следствиями. Недаром народная мудрость гласит «Первый блин комом». Если бы она не была прервана и получила дальнейшее развитие, ее результаты могли бы быть иными. Но те средства, которые были использованы в самом начале реформы, оказались недостаточными для решения поставленных задач.

Индикаторы оценки деятельности предприятий входили в противоречие с существующей системой работы по плану, а стимулы и механизмы не были до конца встроены в институциональное поле того периода.

Сложившаяся сегодня экономическая ситуация в России, требующая восстановления целого ряда отраслей российской экономики, ее

перехода на новый, более высокий технологический уровень в условиях антироссийских санкций и возросших рисков, потребует системного подхода к решению этих сложных задач, увеличения регулирующей роли государства, мобилизации финансовых, материальных и интеллектуальных ресурсов, учета накопленного опыта функционирования российской экономики в рыночных условиях, а также и использования новых возможностей, появившихся в результате цифровой трансформации социально-экономической системы и развития новых высоких технологий. Особую актуальность тематике косыгинской реформы придает возрастание роли государственного имущества и предприятий с государственным участием в экономике. При этом разработка и внедрение новых, более эффективных механизмов государственного управления развитием требует учета ошибок (с целью минимизации неожиданных результатов), которые были допущены в ходе реформы 1965 г., существенной трансформации всего институционального пространства, учета национального менталитета, а также исследований ученых нового направления экономической науки – поведенческой экономики.

На наш взгляд, самыми важными и актуальными в настоящий момент являются два «урока» косыгинской реформы.

1. При постановке задач государственного управления необходимо удостовериться, что эти задачи принципиально решаемы в данных институциональных условиях и для их решения наличествуют все необходимые возможности. Одной из целей реформы 1965 г. было «внедрение достижений научно-технического прогресса», модернизация производства, между тем как сама реформа не предусматривала механизмы технологического обновления: замена оборудования силами предприятия была на практике сложно осуществимым мероприятием, а механизмы разработки принципиально нового оборудования и новых технологий (как и новой продукции) и формирования рынка оборудования реформа *de facto* не затрагивала. Как следствие – отсутствие значимых результатов в достижении данной цели.

2. При реализации любого государственного решения, многое зависит от инициативы и от заинтересованности непосредственных исполнителей, система мотивации которых должна быть сопряжена с выполнением поставленных целей. Как было показано выше, одной из причин появления феномена дефицита, высокой инфляции в советской экономике 1970-х годов явилось рассогласование интересов: система народнохозяйственных интересов, интересов предприятия и интересов работника в пореформенной социалистической экономике не совпадали.

Представляется, что эти «уроки» должны быть приняты во внимание при разработке новых моделей государственного управления и, прежде всего, управления государственным имуществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нуреев Р.М.* Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) : монография / коллектив авторов; под науч. ред. Р.М. Нуреева. М.: КНОРУС, 2017.
2. *Соболев Э.Н.* Косыгинские реформы — невыученный урок истории. Материалы Круглого стола «Косыгинские реформы — важный этап формирования новой экономики СССР и России», проведенного в Институте экономики РАН 9 июня 2009 г. // Вопросы экономики. 2009. №8. С. 149–154.
3. *Козлова С.В., Братченко С.А., Свирина Л.Н., Грибанова О.М.* Эффективность и качество управления государственным имуществом в контексте национальных целей // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 5. С. 31–56.
4. История социалистической экономики СССР. В 7 тт. Т. 7. М.: Наука. 1979.
5. *Фирсов Ю.В.* Косыгин и его время // Российский экономический журнал. 2004. №5–6. С. 57–82.
6. *Голанд Ю.М., Некипелов А.Д.* Косыгинская реформа: упущенный шанс или мираж? // Российский экономический журнал. 2010. №6. С. 44–66.
7. *Попов Г.Х.* Рубежи Гавриила Попова. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2016.
8. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.
9. *Коваленко С.Г.* 20 лет советских реформ: Была ли модернизация на Дальнем Востоке? Владивосток: Дальнаука, 2010.
10. *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время: В 2 т. / Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2008.
11. *Чупрыгина С.Н.* Реформы А.Н. Косыгина и причины их неудач // Вопросы истории. 2009. №1. С. 81–90. <http://www.library.fa.ru/files/reforms.pdf>.
12. *Сенчагов В.К.* Прошлое, настоящее и будущее экономических реформ // ЭКО. 2004. №8. С. 158–163. <http://www.library.fa.ru/files/Senchagov1.pdf>.

REFERENCES

1. *Nureyev R.M.* A missed chance or the last valve? (To the 50th anniversary of the Kosygin reforms of 1965): monograph / Ed.: R.M. Nureyev. M.: KNORUS. 2017.
2. *Sobolev E.N.* Kosygin reforms — an unlearned lesson of history. Materials of the Round table “Kosygin reforms — an important stage in the formation of a new economy of the USSR and Russia”, held at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences on June 9, 2009 // Voprosy Ekonomiki. 2009. No. 8. Pp. 149–154.
3. *Kozlova S.V., Bratchenko S.A., Svirina L.N., Gribanova O.M.* Efficiency and quality of state property administration in the context of national goals // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021. No. 5. Pp. 31–56.
4. History of the socialist economy of the USSR. In 7 vv. V. 7. M.: Science. 1979.
5. *Firsov Yu.V.* Kosygin and his time // Russian Economic Journal. 2004. No. 5–6. Pp. 57–82.
6. *Goland Yu.M., Nekipelov A.D.* Kosygin reform: a missed chance or a mirage? // Russian Economic Journal. 2010. No. 6. Pp. 44–66.
7. *Popov G.Kh.* The Frontiers of Gavriil Popov. M.: Ekonomicheskaya Gazeta. 2016.
8. *Acemoglu D., Robinson J. A.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. M.: AST. 2015. (In Russ.)

9. *Kovalenko S. G.* 20 years of Soviet reforms: Was there modernization in the Far East? Vladivostok: Dalnauka. 2010.
10. *Khanin G.I.* The Economic History of Russia in modern times: In 2 vols. / Vol. 1. The economy of the USSR in the late 30s – 1987. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University. 2008.
11. *Chuprygina S.N.* A.N. Kosygin's reforms and the reasons for their failures // *Voprosy Istorii*. 2009. No. 1. Pp. 81–90. <http://www.library.fa.ru/files/reforms.pdf>.
12. *Senchagov V.K.* Past, present and future of economic reforms // *ECO*. 2004. No. 8. Pp. 158–163. <http://www.library.fa.ru/files/Senchagov1.pdf>.

Дата поступления рукописи: 01 марта 2022 г.

ABOUT THE AUTHORS

Kozlova Svetlana Vyacheslavovna – Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Head of the Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia svk1020@mail.ru

Bratchenko Svetlana Anatolievna – Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia svetlana.bratchenko@gmail.com

REFORMING STATE PROPERTY ADMINISTRATION MECHANISMS IN THE CONTEXT OF NEW CHALLENGES: HISTORICAL EXPERIENCE OF KOSYGIN REFORM

The current challenges are so strong and large-scale that they will inevitably entail a structural restructuring of both the Russian economy itself and the mechanisms and tools for administrating state property. First of all, this will affect the management of state-owned enterprises, that is the companies with state participation in capital (not necessarily of 100% one). In the context of current tasks, the role of these enterprises is expected only to increase. At the same time, in our opinion, there is a need to rethink the experience of reforms of the Soviet period while our country existed in an unfriendly environment. But they were the serious challenges that forced us to look for new mechanisms and tools for economic development, remaining within the socialist economic model existing at that time.

The article presents the results of the economic analysis of the so-called Kosygin reform, which was an attempt to introduce self-financing elements under the command and administrative system, to introduce new enterprise management mechanisms, new incentives to increase labor productivity. The work showed that the reform did not bear the expected fruits. It occurred not because it was interrupted for political reasons. It occurred because a number of tasks of the reform (R&D adoption in production, modernization of production, etc.) could not be solved by the reform instruments in principle. In addition, some phenomena of the Soviet economy in the 1970s and 1980s (inflation, commodity deficit, etc.) were in fact an unexpected but natural result of the reform.

It is emphasized that a retrospective study of the positive and negative economic results of the reform will help to level out, and even to avoid miscarriages in current state governance reform, primarily in the field of state property administration.

Keywords: *state administration, management of state property, management of state enterprises, Kosygin reform, experience of Kosygin reform.*

JEL: E65, L51, N14, O20, P21, P27.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Б.А. ХЕЙФЕЦ

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН,
профессор Финансового университета при Правительстве РФ

ГЛОБАЛЬНАЯ ДЕОФШОРИЗАЦИЯ 4.0

В статье анализируется влияние принятого в октябре 2021 г. глобального минимального корпоративного налога (ГМКН), которое он может оказать на развитие мировой экономики и политику деофшоризации. Дана авторская трактовка теоретической концепции ГМКН и показано ее принципиальное отличие от других концепций, нацеленных на регулирование только трансграничных финансовых операций (налог Тобина). Выделены этапы формирования международной политики деофшоризации, где четвертый этап обозначен как «Глобальная деофшоризация 4.0». Показаны основные проблемы, которые предстоит решить при реализации новых налоговых правил.

Ключевые слова: минимальный корпоративный налог, международная налоговая система, налог Тобина, офшорные финансовые сети, глобальная деофшоризация, цифровизация, специальные административные районы.

JEL: F23, F53, G38, H21, H25, H26.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_76_92.

Введение

В октябре 2021 г. 137 стран и территорий достигли окончательной договоренности, которую уже называют «налоговой революцией» [1]. Она нацелена на кардинальное изменение устаревших налоговых правил и их замену на новые нормы, соответствующие реалиям XXI в., что позволит существенно ограничить недобросовестную налоговую конкуренцию и обеспечить уплату налогов крупными многонациональными предприятиями (МНП¹) в юрисдикциях, где они фактически работают и получают прибыль. Данный план был назван Инклюзив-

¹ МНП (MNE) – термин, который в официальных зарубежных источниках заменил термин «транснациональные корпорации (ТНК)».

ной рамочной программой G20/OECD по BEPS (Inclusive Framework on BEPS) по коренному реформированию международных налоговых правил.

План состоит из двух компонентов. Первый компонент (Pillar 1) связан с введением новых налоговых правил для МНП, которые, в частности, предполагают, что любое МНП должна платить не менее 15% налога на прибыль, исходя из его реальной (рыночной) деятельности в конкретной юрисдикции, независимо от физического присутствия там. Цель этих изменений – более справедливое налогообложение МНП, которое ограничит возможности агрессивного налогового планирования.

Ожидается, что в результате реализации первого компонента права налогообложения на сумму свыше 125 млрд долл. прибыли будут перераспределены между различными юрисдикциями на рыночных условиях. При этом новая ставка в 15% позволит получить дополнительно около 150 млрд долл. глобальных налоговых поступлений ежегодно [2].

Глобальная минимальная налоговая ставка на первом этапе будет применяться только к крупным МНП, чья годовая прибыль превышает 750 млн евро, а их глобальный оборот составляет 20 млрд евро или больше. Еще одним критерием для применения налоговых новаций является рентабельность МНП, которая должна быть не ниже 10%.

Второй компонент (Pillar 2) предлагает механизмы реализации первого компонента, прежде всего путем выравнивания налоговых ставок как минимум до 15% для конкретных МНП. Для этого вводится базовое «Правило по борьбе с глобальным размыванием налоговой базы», которое было названо GloBE. Представляется, что данное название глубоко символично и наиболее точно отражает суть происходящих изменений. Во-первых, оно обозначает глобальный характер новых налоговых правил. Поддержавшие план юрисдикции представляют большую часть глобальной экономики – на них приходится свыше 95% мирового ВВП. Во-вторых, новое название подчеркивает его генетическую связь с планом BEPS, хотя последний и не предусматривал введение подобного глобального налога. В дальнейшем этот термин в данной статье будет использоваться для обозначения нового налогового плана в целом.

Кроме того, в Pillar 2 предусматривается «Правило дополнительного налогообложения материнской компании», которая ранее уплачивала налоги менее 15%². Когда юрисдикции, где получена прибыль, не использовали свое право на ее налогообложение, по новым мини-

² При этом будет учитываться эффективная налоговая ставка, рассчитываемая путем деления налогов, уплачиваемых МНП в каждой юрисдикции, на их доходы.

мальным нормам будет использоваться реверсное налогообложение, что подразумевает доплату налогов МНП в материнской юрисдикции с зачетом уплаченного более низкого налога (части налога).

Существующая международная система корпоративного налогообложения восходит к модели, разработанной еще в Лиге Наций после Первой мировой войны. Она предусматривала налогообложение компаний в юрисдикциях, где они производят продукцию и имеют штаб-квартиры [3]. Новая модель налогообложения отвечает современным условиям развития, когда глобализация и цифровизация породили новую реальность – обострение противоречия между экстерриториальным характером получения доходов и суверенным характером их налогообложения.

В прошлом выдвигались интересные идеи по введению международных налогов. Одной из самых известных было предложение о налоге на краткосрочные валютные операции, которое опубликовал в 1978 г. Нобелевский лауреат Джеймс Тобин (налог Тобина). Такой согласованный на международном уровне общий налог мог бы сдерживать спекулятивные потоки горячих денег, перемещающихся между различными финансовыми рынками в поисках высоких краткосрочных процентных ставок, и не касался бы долгосрочных инвестиций. Данный унифицированный налог, по мнению Тобина, взимался бы каждым правительством в своей юрисдикции и уплачивался бы в МВФ или Всемирный банк. Например, британское правительство было бы ответственно за уплату налога по всем трансграничным валютным операциям банков и брокеров, расположенных в Лондоне, даже если в них не использовался фунт стерлингов [4]. Этот налог, размер которого мог бы составить до 1,0% с каждой транзакции, так и не был применен. Идея Тобина требовала консенсуса большого количества стран, участвующих в подобных транзакциях, но встретила негативную реакцию таких мощных акторов мирового финансового рынка, как США и Великобритания.

Попытки введения подобного налога предпринимались в Евросоюзе. В 2011 г. 11 из 17 стран еврозоны договорились обложить налогом финансовые транзакции, которые осуществляют расположенные у них банки, биржи, инвестиционные фонды, страховые компании и хедж-фонды. Предполагалось, что размер налога составит 0,1% на операции с акциями и облигациями и 0,01% – на финансовые деривативы [5]. Однако этот налог не принес существенных налоговых поступлений (ожидалось, что он должен был давать до 35 млрд евро ежегодно), его не поддержали многие государства ЕС, так как он, по их мнению, противоречит принципам свободного перемещения капиталов и услуг на общем финансовом рынке.

Концепция глобального минимального корпоративного налога принципиально отличается от идеи Тобина, нацеленной на регули-

рование только *трансграничных финансовых операций*. Она направлена на налогообложение самой *трансграничной экономической деятельности* на современном этапе глобализации в условиях цифровой революции.

Цель данной статьи заключается в анализе влияния международной налоговой реформы на развитие глобальной экономики, прежде всего в плане увеличения государственных доходов и более эффективной борьбы с налоговыми уклонистами, а также в прогнозе последствий данных новаций для российской политики деофшоризации.

В статье умышленно не рассматриваются проблемы адаптации Россией поддержанных ею международных договоренностей о минимальном корпоративном налоге. Эти проблемы активно обсуждались российскими властями и бизнес-сообществом в конце 2021 г., но новая геополитическая реальность делает крайне неопределенным выполнение всех международных обязательств страны. В то же время не вызывает сомнений, что анализ новых тенденций развития мировой налоговой системы представляет научный и практический интерес и для российских специалистов.

Связь минимального налога с деофшоризацией

План GloBE непосредственно связан с юрисдикциями, которые по традиции называются офшорами (налоговым раем, налоговыми гаванями, офшорными финансовыми центрами и т. п.). Однако офшор – объединительный термин, который может означать страну, юрисдикцию, отдельную компанию. Во многих случаях под офшором понимается схема налоговой оптимизации, где могут быть завязаны несколько юрисдикций и взаимозависимых компаний (офшорные финансовые сети) [6]. Это делает реальный офшорный мир практически безграничным, а также более сложным и многообразным.

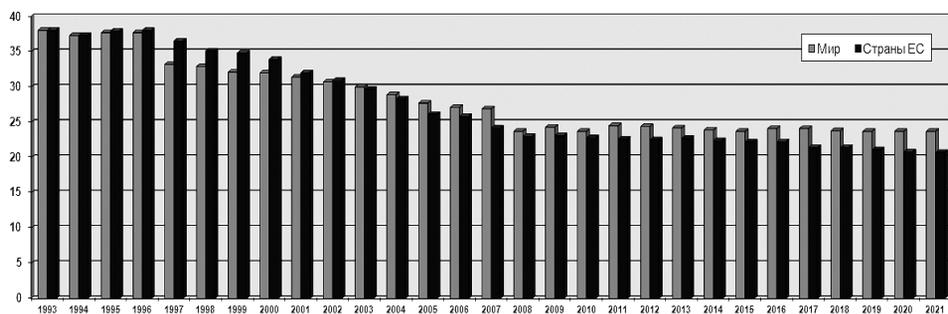
Главное противоречие развития офшорного мира (офшоризации), по моему мнению, заключается в суверенном характере корпоративной и налоговой политики, позволяющем вводить суперпривлекательные условия для иностранных инвестиций, и потребностями международного сообщества в справедливых, с точки зрения добросовестных налогоплательщиков, правилах налогообложения доходов. Данное противоречие значительно обострилось на фоне мировых экономических кризисов последних 15 лет, падения темпов экономического роста и реальных доходов населения, долговых и бюджетных проблем. В новых условиях мировое сообщество пытается ограничить деятельность офшоров, усилить контроль за выводом прибыли и налогов из стран – невольных доноров офшоров, то есть активизировать политику деофшоризации в глобальном масштабе

(глобальной деофшоризации), так как деофшоризация в национальных рамках или в рамках региональных межгосударственных образований не дает желаемого результата. Иными словами, глобальная деофшоризация выступает основным средством разрешения названного выше противоречия развития офшорного мира.

Договоренности о минимальном корпоративном налоге являются важнейшим шагом в глобальной деофшоризации, так как в результате их применения именно офшоры утрачивают свою привлекательность для бизнеса. Особенно это касается тех офшоров, где налоговые ставки либо обнулены, либо составляют менее 15%.

Активное использование офшоров способствовало обострению налоговой конкуренции в мировой экономике, что привело к снижению корпоративного налога в мире в целом и в отдельных юрисдикциях (см. рис. 1).

В 1980 г. средняя ставка корпоративного налога в мире достигала 40,1%, а в 2021 г. она была 23,7% при расчете по 177 юрисдикциям. То есть снижение за 40 лет составило 16,4 процентных пункта, или 41% [7]. Максимальное снижение корпоративного налога наблюдалось в начале 2000-х годов, при этом оно происходило быстрее в развитых странах – основных донорах офшоров. После глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. наметилась стабилизация средних ставок, однако в отдельные годы отмечалось их повышение.

Источник: составлено автором по: данные KPMG (2007). Corporate and Indirect Tax Rate Survey. www.kpmg.com; KPMG (2011). Corporate and Indirect Tax Rate Survey; www.kpmg.com; KPMG (2021). Corporate tax rates table, 2020. URL: <https://home.kpmg/xx/en/home/services/tax/tax-tools-and-resources/tax-rates-online/corporate-tax-rates-table.html>.

Рис. 1. Динамика средней ставки корпоративного налога на прибыль в 1993–2021 гг., %

Согласно данным ОЭСР по 111 юрисдикциям, в 2021 г. в 13 юрисдикциях не было корпоративного налогового режима, 4 юрисдикции (Барбадос, Венгрия, Черногория и Узбекистан) имели положительную ставку корпоративного налога менее 10% и 14 юрисдикций – от 10% до 15% (см. табл. 1).

Таблица 1

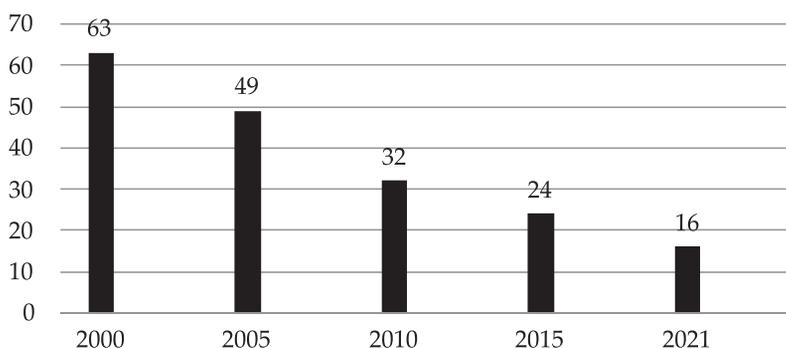
Минимальные установленные законом ставки корпоративного налога менее 15% в 2021 г.

Юрисдикции	Размер ставки, %	Юрисдикция	Размер ставки, %
Ангилья, Багамы, Бахрейн, Белиз, Бермуды, БВО, Вануату, Кайманы, Гернси, Джерси, ОАЭ, Остров Мэн, Терк и Кайкос	0,0	Андорра, Босния и Герцеговина, Болгария, Гибралтар, Катар, Кыргызстан, Северная Македония, Парагвай	10,0
Барбадос	5,5	Макао, Молдавия	12,0
Узбекистан	7,5	Ирландия, Кипр, Лихтенштейн,	12,5
Венгрия, Черногория	9,0	Швейцария	14,93

Источник: составлено автором по: данные OECD (2021). Statutory Corporate Income Tax Rates. https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CTS_CIT.

Ставки корпоративного налога в 15% в 2021 г. имели 10 юрисдикций: Албания, Грузия, Канада, Кувейт, Литва, Маврикий, Оман, Территории Палестины, Сербия, Тунис.

При этом стабильно снижается доля стран с высокой ставкой корпоративного налога (см. рис. 2). С 2000 г. их доля уменьшилась с 63% до 16% в 2021 г.

Источник: составлено автором по: данные OCDE (2021). Corporate Tax Statistics. Third Edition P. 13. URL: www.oecd.org/tax/tax-policy/corporate-taxstatistics-database.htm.

Рис. 2. Доля юрисдикций со ставками корпоративного налога 30% и выше, %

Для оценки роли офшоров в налоговой конкуренции представляет интерес рейтинг TJN корпоративных налоговых гаваней (The Corporate Tax Haven Index), который ранжирует юрисдикции, наиболее активно помогающие МНП недоплачивать корпоративный подоходный налог.

При составлении рейтинга учитывались не только налоговые ставки, но и анализировалось состояние их налоговой и финансовой системы, а также давалась оценка вклада каждой юрисдикции в уклонение от уплаты корпоративных налогов (см. табл. 2).

Таблица 2

Топ 20 самых популярных у МНП юрисдикций, используемых для минимизации налогообложения, 2021 г.

Юрисдикция	Вклад в уклонение от уплаты корпоративных налогов в мире, %	Юрисдикция	Вклад в уклонении от уплаты корпоративных налогов в мире
1. БВО	6,4	11. Ирландия	3,4
2. Кайманы	6,0	12. Багамы	3,3
3. Бермуды	5,7	13. Великобритания	3,1
4. Нидерланды	5,5	14. Кипр	3,1
5. Швейцария	5,1	15. Маврикий	2,3
6. Люксембург	4,1	16. Бельгия	2,2
7. Гонконг	4,1	17. Гэрнси	2,2
8. Джерси	3,9	18. Франция	2,1
9. Сингапур	3,9	19. Китай	2,0
10. ОАЭ	3,8	20. Остров Мэн	1,9

Источник: составлено автором по: TJN (2021). Corporate Tax Haven Index – 2021 Results. <https://cthi.taxjustice.net/en>.

Как видно из таблицы 2, подавляющее большинство из этих 20 юрисдикций составляют или классические офшоры, или наиболее часто используемые в офшорных схемах спарринг-офшорные юрисдикции [8].

По некоторым оценкам, МНП, благодаря агрессивному налоговому планированию, «переносят» в низконалоговые юрисдикции прибыль на сумму 1,38 трлн долл. в год, что эквивалентно 40% всей прибыли. Это обходится правительствам в 245 млрд долл. в виде недополученных налоговых поступлений [2]. По мнению экспертов TJN, эти потенциальные потери еще выше. В 2021 г. они составили 55% от общего объема недоплаченных налогов, или 268 млрд долл., которые пришлось на офшоры и такие спарринг-офшорные юрисдикции, как Великобритания, Нидерланды, Люксембург и Швейцария [9].

Договоренности о минимальном корпоративном налоге как раз направлены на прекращение «гонки уступок», на ограничение исполь-

зования офшорных финансовых схем крупнейших налогоплательщиков. Введение новой налоговой нормы и постепенное расширение сфер ее применения, наряду с усилением социального давления на офшоры в целом, должно изменить отношение крупнейших налогоплательщиков к использованию офшорных финансовых схем в их налоговом планировании.

Глобальная деофшоризация 4.0

Современный этап деофшоризации можно назвать «Глобальная деофшоризация 4.0». Это обусловлено двумя основными причинами.

Во-первых, по предложенной мной ниже периодизации, это четвертый этап коллективного противодействия международного сообщества недобросовестному уклонению от уплаты налогов, которое называется глобальной деофшоризацией.

Первый этап: конец 1980-х годов – сентябрь 2001 г.

На этом этапе у международного сообщества начало формироваться понимание нарастающей экономической и социальной опасности использования офшоров для ухода от налогов как с легальных, так и криминальных доходов.

1989 г. – создана ФАТФ (FATF), которая в 1990 г. разработала свои первые 40 рекомендаций по борьбе с отмыванием преступных доходов.

1996 г. – G7 и ОЭСР усилили внимание к проблеме деофшоризации, провозгласив ее в качестве приоритетной в своей деятельности.

1998 г. – доклад ОЭСР «Вредоносная налоговая конкуренция» [8], где были сформулированы признаки «вредоносной» налоговой конкуренции и анализируются методы ее предотвращения.

1999 г. (апрель) – создан Форум финансовой стабильности (ФФС), который в 2000 г. опубликовал доклад об офшорных финансовых центрах [19].

2000 г. – доклад ОЭСР, который содержал «черный список» не сотрудничающих стран и вредных для налоговой конкуренции налоговых режимов. В него вошли 37 юрисдикций и 47 преференциальных налоговых режимов [20].

Второй этап: сентябрь 2001 г. – сентябрь 2008 г.

В 2001 г. (октябрь), после терактов в США, был принят известный антитеррористический закон – Патриотический акт США (USA Patriotic Act), который обязывал все финансовые учреждения принять комплексные меры, препятствующие отмыванию денег. Под давлением США многие популярные офшорные юрисдикции согласились предоставлять американским властям финансовую информацию.

2001–2007 гг. – ОЭСР расширила свою деятельность по разработке международных стандартов налоговой прозрачности и обеспечению

выполнения обязательств на глобальном уровне, начав регулярно публиковать доклады о вредоносной налоговой практике.

2001 г. – активизация антиофшорной политики ЕС, где были инициированы расследования против 8 из 11 выявленных офшорных схем.

2003–2004 гг. – ФАТФ уточнила прежние рекомендации и добавила 9 новых рекомендаций по борьбе с отмыванием денег.

2003 г. (март) – создание неформальной общественной организации Tax Justice Network (TJN), куда вошли аналитики и активисты, разделяющие озабоченность по поводу уклонения от уплаты налогов, недобросовестной налоговой конкуренции с использованием налоговых убежищ.

Третий этап: конец 2008 г. – июль 2021 г.

2008–2009 гг. – глобальный финансово-экономический кризис, во время которого резко активизировалась антиофшорная политика G20 и ОЭСР, выступивших против сохранения банковской тайны.

2009 г. – ОЭСР учредила Глобальный форум по прозрачности и обмену информацией для целей налогообложения. Изменение подхода к оценке офшоров – публикация 2 апреля 2009 г. «черного» (4), «серого» (38) и «белого» (40) списков юрисдикций с точки зрения их готовности к международному финансовому сотрудничеству.

2009 г. – ФФС был расширен за счет присоединения к нему развивающихся стран и преобразован в Совет по финансовой стабильности (Financial Stability Board).

2010 г. – принятие Конгрессом США закона (FATCA), по которому иностранные банки должны были передавать в американскую Службу внутренних доходов (IRS) данные о перемещении денег американских налогоплательщиков.

2013 г. (сентябрь) – саммит G20 принял решение о разработке плана BEPS, который стал платформой для формирования новых международных налоговых правил.

2014 г. (июль) – принятие Единого стандарта отчетности (Common Reporting Standard – CRS), который должен использоваться для автоматического обмена налоговой и финансовой информацией. Важнейшей особенностью CRS является жесткое требование раскрытия бенефициаров таких ранее не видимых для налоговиков структур, как трасты и фонды, что позволяет получить более достоверную информацию о налоговых уклонистах.

2015 г. (октябрь) – одобрение пакета мер BEPS по 15 главным направлениям, призванных повысить согласованность международных налоговых правил и обеспечить более прозрачную налоговую среду.

2016 г. (декабрь) – введена в действие Многосторонняя конвенция о применении мер, связанных с налоговыми соглашениями («Многосторонний инструмент» – Multilateral Competent Authority Agreement

on the exchange of country-by-country reports – MLI), к ней в конце 2021 г. присоединились 96 юрисдикций. MLI предполагает серьезные изменения действующей системы международных соглашений об избежании двойного налогообложения (СИДН), которые часто используются для «двойного неналогообложения».

2017 г. – начал осуществляться международный обмен финансовой информацией по единым стандартам (Common Reporting Standards). По состоянию на декабрь 2021 г., активировано более 4 500 двусторонних обменных отношений применительно более чем к 110 юрисдикциям, связанным с CRS [11].

2011–2021 гг. – принятие новых антиофшорных правил на национальном и региональном уровнях, в том числе шестого пакета поправок к Директиве ЕС по административному сотрудничеству (Directive on Administrative Cooperation – DAC). В ее рамках был принят ряд пионерных решений по региональной деофшоризации, в том числе DAC – 6 (май 2018 г.), предусматривающих раскрытие данных для всех членов Евросоюза как о реализованных, так и планируемых трансграничных операциях с признаками агрессивной налоговой минимизации. Это правило касается не только налогоплательщиков, но и всех посреднических структур (консультантов, аудиторов, банков, страховых компаний, провайдеров трастовых услуг); DAC – 7 (1 декабря 2020 г.), которая ввела правило автоматического обмена информацией о доходах, полученных продавцами на цифровых платформах, независимо от того, находится ли платформа в ЕС или за его пределами; разработана DAC – 8, предусматривающая усиление контроля за налогообложением криптоактивов.

2011–2021 гг. – усиление глобального общественного давления на деофшоризацию. Масштабные утечки налоговой информации, опубликованные в Интернете и СМИ:

2013 г. (апрель) – Offshoreleaks; 2016 г. – Panama Papers; 2017 г. – Paradise Papers; 2021 г. (февраль) – OpenLux; 2021 г. (октябрь) – Pandora Papers.

Наконец, четвертый этап начинается с октября 2021 г.

В конце 2021 г. 137 юрисдикции поддержали двухкомпонентный план ОЭСР по масштабной реформе международных налоговых правил.

Во-вторых, термин «Глобальная деофшоризация 4.0» связан с развитием цифровизации экономики, которая вызвана четвертой промышленной революцией («Индустрией 4.0»).

Цифровизация требует введения новых механизмов международного контроля за движением финансовых потоков. В современных условиях значительная часть экономической деятельности становится виртуальной. Цифровизация и глобализация подорвали основные

правила, которые регулировали налогообложение прибыли между-народного бизнеса в прошлом. Это обусловлено рядом обстоятельств.

1. МНП стали получать значительную часть своих доходов на иностранных рынках, не платя при этом адекватные налоги. Это связано со сложившимися традициями налогообложения, согласно которым налог уплачивается в юрисдикции физического присутствия и получения прибыли по правилам, устанавливаемым этой самой юрисдикцией. В современном же мире МНП могут осуществлять крупномасштабную деятельность, не связанную с крупными иностранными инвестициями в материальные активы (стратегии облегченных активов).

2. Во многих юрисдикциях, прежде всего офшорных, приняты правила, предполагающие отказ от налогообложения зарубежных доходов МНП, что стимулирует создание офшорных финансовых сетей.

3. Появились новые виды экономической деятельности, прежде всего в сфере услуг, а также значительно выросли нематериальные активы, такие как бренды, патенты, лицензии, авторские права, которые легко перемещаются в цифровом пространстве между юрисдикциями, выбирая безналоговые и низконалоговые гавани.

Цифровые риски привели к одобрению отдельными странами новых налогов на цифровые услуги (digital service tax – DST) на национальном уровне. Такие налоги были введены во Франции, Испании, Италии, Чехии, Венгрии, Малайзии, Таиланде, Узбекистане, Казахстане, Украине и в некоторых других странах.

ОЭСР оценивает затраты на уклонение от уплаты налогов в сумму от 100 до 240 млрд. долл. в год, или от 4–10% мировых поступлений от налога на прибыль корпораций [12]. Более высокие оценки потерь от использования схем агрессивного налогового планирования дают эксперты TJN. В 2021 г. они оценили их в размере 483 млрд долл., из которых потери от трансграничного перемещения корпоративных налогов составили 312 млрд долл., а уклонения частных лиц, скрывающих в офшорах незадекларированные активы и доходы, – в 171 млрд долл. При этом потери высоко- и среднеразвитых стран составили 443 млрд долл., а потери слаборазвитых стран – 40 млрд долл. [13]. Однако эти страны испытывают большие трудности от таких потерь, так как их бюджеты больше зависят от поступления корпоративных подоходных налогов. Следует отметить, что годом ранее (2020 г.) TJN оценивала глобальные налоговые потери в 427 млрд долл., а потери от недоплаты корпоративных налогов в 245 млрд долл. (57,3%) [14].

Осуществима ли «Глобальная деофшоризация 4.0»?

Соглашение подписали многие юрисдикции, которые традиционно участвуют в различных схемах минимизации налогообложения,

так как они не хотят выпадать из формирующейся на современном этапе системы глобального управления в налоговой сфере. Тем более, что минимальный корпоративный налог – не единственная их привлекательность для МНП. Офшоры предоставляют немало других налоговых льгот и благоприятных условий для деятельности бизнеса, например, по налогу на доходы физических лиц, по имущественным налогам, таможенным и арендным платежам и т. п. С. Дьянков считает, что одним из таких сохраняющихся преимуществ офшоров будут налоговые льготы на исследования и разработки, которыми МНП уже пользуются для смягчения своих налоговых обязательств [3].

Несмотря на широкий консенсус, сохраняется несколько десятков стран и территорий, которые не одобрили налоговых новаций. Поэтому можно сделать вывод, что конкуренция за инвестиции не только не прекратится, но и станет острее и потребует более изощренных стратегий.

Главным рычагом в реализации новых международных правил остается деятельность национальных органов налогового администрирования. В таких условиях особое значение приобретает укрепление международного сотрудничества, прежде всего в сфере автоматического обмена налоговой информацией. В 2020 г. в этом обмене участвовали 106 юрисдикций, то есть существенно меньше, чем подписантов GloBE. При этом реальная картина обмена финансовой информацией намного сложнее. Максимальное количество партнеров по обмену у лидеров было на уровне 75–80, а менее 50 партнеров было у 7 юрисдикций, и это в основном офшоры [11]. В глобальном обмене не участвует США, которые используют в подобных целях свое законодательство (FATCA и налог со сниженной ставкой на глобальные нематериальные активы (Global Intangible Low-Taxed Income – GILTI).

Новые правила налогообложения на первом этапе будут иметь достаточно ограниченное применение и коснутся примерно 100 крупных компаний. Предлагаемый механизм их реализации остается непрозрачным, его применение будет сложно контролировать, так как фактически он потребует согласованного двойного налогового администрирования (в материнской юрисдикции и в юрисдикциях фактического получения прибыли). Важнейшим условием его реализации также является адаптация новых правил национальным законодательством всех поддерживающих данные новации стран, которые должны изменить свое налоговое законодательство и принять новые законы. Такую адаптацию намечено осуществить всего за 1 год – за 2022 г. Поэтому, имея в виду большое количество участников с разной готовностью к налоговой реформе, весьма вероятны серьезные проблемы, как в институциональных решениях, так и в правоприменительной практике.

Ставка минимального корпоративного налога в 15% ниже первоначально предлагавшейся США международной ставки в размере 21%. Сами США собираются повысить минимальную ставку до 28%. По оценкам экспертов американского Казначейства, доля прибыли американских МНП, которую они фактически выплачивают в виде федерального подоходного налога, составляла всего 7,8%. В результате эти компании являются самыми прибыльными в мире, а Соединенные Штаты собирают меньше корпоративных налогов, чем практически любая развитая экономика в ОЭСР [15].

Надо иметь в виду и различные исключения из новых правил международного налогообложения. В частности, GloBE допускает переходный период, когда компании смогут исключать из налоговых расчетов сумму дохода, эквивалентную 10% фонда заработной платы и 8% материальных активов. Разрешенный уровень будет постепенно снижаться в течение 10 лет, пока не достигнет минимальной отметки в 5% от фонда заработной платы и 5% от материальных активов. Данный компромисс, по мнению некоторых экспертов, был необходим, чтобы заставить Китай поддержать сделку [16].

Высока также вероятность того, что разночтения в оценке данных показателей приведут к возникновению многочисленных арбитражных разбирательств между МНП и юрисдикциями их налогового резидентства, которые могут длиться годами.

Есть определенные нюансы, которые необходимо принимать во внимание при оценке реального уровня корпоративного налогообложения, так как имеются существенные различия между налоговыми системами отдельных юрисдикций. Это касается, например, правила налоговой амортизации, различных надбавок и отчислений, влияющих на общий уровень корпоративного налогообложения. Так, в Венгрии действует местный налог на бизнес, что означает более высокую фискальную нагрузку на корпоративные доходы. В некоторых юрисдикциях действуют разные налоговые ставки и существуют льготные налоговые режимы с более низкими ставками для определенных групп компаний, видов экономической деятельности и территориальных анклавов (например, специальные экономические зоны). Могут быть и специальные договоренности между МНК и властями принимающих их инвестиции государств, предоставляющими дополнительные налоговые льготы.

Некоторые эксперты считают, что затраты на администрирование налоговых новаций и их корпоративный учет превысят выгоды от поступления ожидаемых платежей. Так, Г. Хафбауэр отмечает, что только налоговые юристы и бухгалтеры могут найти удовольствие в этом «дивном новом мире». Реформа приведет к гораздо большей налоговой путанице, чем установленный международный принцип

физического присутствия, который хорошо служил международной торговле в прошлом столетии. Страны, которые хотят облагать налогом потребление – косвенную цель цифровых налогов, должны вместо этого точно настроить свои системы налога на добавленную стоимость, не усложняя свои и без того сложные системы корпоративного налогообложения [17].

Необходимо адаптировать новые правила к законам по налогообложению цифровых услуг. Так, в Италии с 1 января 2020 г. были введены налоги на цифровые услуги, которые распространяются на зарубежные и национальные компании, чьи доходы (отдельно или суммарно с другими компаниями группы) составляют более 750 млн евро и выручка за оказанные цифровые услуги в Италии – более 5,5 млн евро. Похожие критерии для налогообложения цифровых компаний, введенного в 2020 г. в Испании: объем общей выручки – более 750 млн евро., но выручка в стране – более 3 млн евро, а ставка налога – 3%. Во Франции цифровой налог в 3% распространяется на выручку крупных технологических компаний, получаемую во французской юрисдикции, если она составляет более 25 млн евро. В Великобритании налог на цифровые услуги начал действовать с 1 апреля 2021 г.: он распространяется на такие технологические корпорации, как Amazon, Google и Facebook, и составляет 2% от прибыли, полученной от британских пользователей социальных сетей, поисковых служб и торговых онлайн-платформ [18]³. С 1 января 2022 г. Казахстан обязал зарубежные интернет-компании уплачивать НДС в размере 12% на их товары и услуги, реализуемые в казахстанской юрисдикции.

На сегодняшний день все участники GloBE, которые уже ввели или собираются ввести такие налоги, обязались отменить или отложить их применение. Но не факт, что это удастся синхронно реализовать на практике ввиду разных подходов к такому налогообложению.

Заключение

Полноценная национальная деофшоризация невозможна без глобальной деофшоризации и широкого международного сотрудничества. Новые правила международного налогообложения задуманы как масштабные изменения в глобальном управлении, затрагивающие такую чувствительную для каждого государства сферу, как налогообложение бизнеса в условиях его экстерриториальной деятельности с использованием цифровых технологий.

³ Скрынникова А. (2021). Зарубежные компании обяжут платить цифровой налог в России // Forbes. 8 июня. <https://www.forbes.ru/tehnologii/431465-zarubezhnye-kompanii-obyazhut-platit-cifrovoy-nalog-v-rossii>.

Данная договоренность ориентирована на изменение устаревших налоговых правил на нормы, соответствующие реалиям XXI в., в первую очередь в связи с современным уровнем глобализации экономической деятельности и возросшим влиянием цифровизации на ее дальнейшее развитие. Новые правила были поддержаны подавляющим большинством членов мирового сообщества, что не удавалось сделать в прошлом, также как и реализовать некоторые другие подобные идеи (налог Тобина). Это должно создать базовые предпосылки для ограничения недобросовестной налоговой конкуренции юрисдикций, то есть для деофшоризации глобальной экономики.

Данная реформа открывает качественно новый этап формирования глобальной налоговой системы и глобального управления в целом. В случае успеха ее реализации возможно введение других глобальных минимальных налогов, например, на дивиденды и доходы физических лиц. Такой тренд развития будет способствовать глобальной деофшоризации и стабилизации мировой экономики.

Однако широкий консенсус по налоговым вопросам сам по себе еще не гарантирует успех в реализации новых правил, для чего необходимо решить много проблем как на национальном, так и на международном уровнях. А это потребует большего времени для адаптации к новациям, чем предусматривает план GloBE.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Economist (2021). Paradise lost *Twilight* of the tax haven. 3 June. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2021/06/01/twilight-of-the-tax-haven?> (Accessed 02.02.2022).
2. OECD (2021). Addressing the Tax Challenges arising from the Digitalization of the Economy. July. Paris. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/addressing-the-tax-challenges-of-the-digital-economy_9789264218789-en. (Accessed 02.02.2022).
3. Djankov S. (2021). How do companies avoid paying international taxes? Available at: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/how-do-companies-avoid-paying-international-taxes>. (Accessed 02.02.2022).
4. Tobin J.A. Proposal for Monetary Reform // Eastern Economic Journal. 1978. Vol. 4. Iss. 3–4. P. 153–159.
5. Asen E. (2021). Financial Transaction Taxes in Europe. 4 February. <https://taxfoundation.org/financial-transaction-taxes-europe-2021/>.
6. Хейфец Б. Офшорные финансовые сети российского бизнеса // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 52–67. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-1-52-67>.
7. Asen E. (2021). The Decline of Corporate Tax Rates since 1980. Tax Foundation. <https://taxfoundation.org/publications/corporate-tax-rates-around-the-world/#Trends>.
8. Хейфец Б.А. Антиофшорное наступление мирового сообщества и российская политика // Финансы. 2010. № 2. С. 12–17.
9. TJN (2021). The State of Tax Justice 2021 Report. P. 8.
10. OECD (1998). Harmful Tax Competition. An Emerging Global Issue. Paris. https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/harmful-tax-competition_9789264162945-en.

11. OECD (2021) The automatic exchange of CRS information. <https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/exchange-relationships>.
12. OECD (2021). Addressing the Tax Challenges arising from the Digitalisation of the Economy. July. P. 9.
13. TJN (2021). The State of Tax Justice 2021 Report. November. P. 8.
14. TJN (2020). The State of Tax Justice 2020: Tax Justice in the time of COVID-19. November. P. 4.
15. U.S. Department of the Treasury (2021). The Made in America Tax Plan. 23 April. 17. https://home.treasury.gov/system/files/136/MadeInAmericaTaxPlan_Report.pdf.
16. O'Leary N. (2021). Minimum corporation tax rate will not abolish competition, EU says. 22 December. <https://www.irishtimes.com/business/economy/minimum-corporation-tax-rate-will-not-abolish-competition-eu-says-1.4762047>.
17. Hufbauer G. (2021). Dangers lurking in the OECD tax proposals. <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/d8-w9bm-a863>.
18. Скрынникова А. Зарубежные компании обяжут платить цифровой налог в России // Forbes. 2021. 8 июня. <https://www.forbes.ru/tehnologii/431465-zarubezhnye-kompanii-obyazhut-platit-cifrovoy-nalog-v-rossii>.
19. FSF (2000). Financial Stability Forum Releases Grouping of Offshore Financial Centers to Assist in Setting Priorities for Assessment. https://www.fsb.org/wp-content/uploads/pr_000526.pdf.
20. OECD (2000). Towards Global Tax Co-operation. Progress in Identifying Harmful Tax Practices. Paris. <https://www.oecd.org/ctp/harmful/2000progressreporttowardsglobaltaxco-operationprogressinidentifyingharmfultaxpractices.htm>.

REFERENCES

1. The Economist. (2021) Paradise lost Twilight of the tax haven. 3 June 2021. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2021/06/01/twilight-of-the-taxhaven?> (Accessed 02.02.2022).
2. OECD (2021). Addressing the Tax Challenges arising from the Digitalization of the Economy. July. Paris. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/addressingthe-tax-challenges-of-the-digital-economy_9789264218789-en (accessed 02.02.2022).
3. Djankov S. (2021). How do companies avoid paying international taxes? Available at: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/how-do-companiesavoid-paying-international-taxes> (accessed 02.02.2022).
4. Tobin J.A. Proposal for Monetary Reform // Eastern Economic Journal. 1978. Vol. 4. Iss. 3–4. P. 153–159.
5. Asen E. (2021). Financial Transaction Taxes in Europe. 4 February. <https://taxfoundation.org/financial-transaction-taxes-europe-2021>.
6. Kheifetz B. Offshore financial networks of Russian business // Voprosy ekonomiki. 2009. № 1. С. 52–67. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-1-52-67>. (In Russ.)
7. Asen E. (2021). The Decline of Corporate Tax Rates since 1980. Tax Foundation. <https://taxfoundation.org/publications/corporate-tax-rates-around-the-world/#Trends>.
8. Kheifetz B.A. Anti-offshore offensive of the world community and Russian Politics // Finance. 2010. № 2. Pp. 12–17. (In Russ.)
9. TJN (2021). The State of Tax Justice 2021 Report. P. 8.

10. OECD (1998). Harmful Tax Competition. An Emerging Global Issue. Paris. https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/harmful-tax-competition_9789264162945-en.
11. OECD (2021) The automatic exchange of CRS information. <https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/exchange-relationships>.
12. OECD (2021). Addressing the Tax Challenges arising from the Digitalisation of the Economy. July. P. 9.
13. TJN (2021). The State of Tax Justice 2021 Report. November. P. 8.
14. TJN (2020). The State of Tax Justice 2020: Tax Justice in the time of COVID-19. November. P. 4.
15. U.S. Department of the Treasury (2021). The Made in America Tax Plan. 23 April. 17. https://home.treasury.gov/system/files/136/MadeInAmericaTaxPlan_Report.pdf.
16. O'Leary N. (2021). Minimum corporation tax rate will not abolish competition, EU says. 22 December. <https://www.irishtimes.com/business/economy/minimumcorporation-tax-rate-will-not-abolish-competition-eu-says-1.4762047>.
17. Hufbauer G. (2021). Dangers lurking in the OECD tax proposals. <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/d8-w9bm-a863>.
18. Skrynnikova A. Foreign companies will have to pay digital tax. in Russia // Forbes. 2021. 08.06.2021. <https://www.forbes.ru/tehnologii/431465-zarubezhnye-kompanii-obyazhut-platit-cifrovoy-nalog-v-rossii>. (In Russ.).
19. FSF (2000). Financial Stability Forum Releases Grouping of Offshore Financial Centers to Assist in Setting Priorities for Assessment. https://www.fsb.org/wp-content/uploads/pr_000526.pdf.
20. OECD (2000). Towards Global Tax Co-operation. Progress in Identifying Harmful Tax Practices. Paris. <https://www.oecd.org/ctp/harmful/2000progressreporttowardsglobaltaxco-operationprogressinidentifyingandeliminatingharmfultaxpractices.htm>.

Дата поступления рукописи: 08.03.2022 г.

ABOUT THE AUTHOR

Khеyfets Boris Aronovich – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
bah412@rambler.ru

GLOBAL DEOFFSHORIZATION 4.0

The article analyses the impact of the Global Minimum Corporate Tax (GMCT), adopted in October of 2021, on the development of the global economy and deoffshorization policy. Author's interpretation of GMCT is given, fundamental difference with other concepts regulating only cross-border financial transactions (the Tobin tax) is shown. The stages of the international deoffshorization policy are identified in the article, and the fourth stage is designated as "Global deoffshorization 4.0". The main problems to be solved in the implementation of new tax rules are shown.

Keywords: *minimum corporate tax, international tax system, Tobin tax, offshore financial networks, global deoffshorization, digitalization, special administrative regions.*

JEL: F23, F53, G38, H21, H25, H26.

ФИНАНСЫ

В. ГАВРИЛОВ

студент магистратуры экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

М.А. ИВАНОВ

студент магистратуры экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

О.А. КЛАЧКОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры
математических методов анализа экономики экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

В.Ю. КОРОЛЕВ

доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой
математической статистики факультета вычислительной математики
и кибернетики МГУ имени М.В. Ломоносова

Я.А. РОЩИНА

кандидат экономических наук, доцент кафедры
математических методов анализа экономики экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

ВЛИЯНИЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ НОВОСТНЫХ ПОТОКОВ НА КОМПОНЕНТЫ ВОЛАТИЛЬНОСТИ ФОНДОВОГО РЫНКА РОССИИ

В работе моделируется волатильность доходностей ценных бумаг на российском фондовом рынке с помощью моделей условной авторегрессионной гетероскедастичности, учитывающих поступающие на рынок тематические новостные потоки. Для учета новостного фона в модель в качестве независимого регрессора включается числовой показатель, характеризующий число новостей по каждой из ключевых тем. Выделение тем и построение такого показателя производятся методами обработки естественного языка. Для оценки влияния новостного фона не на волатильность доходности в целом, а на ее компоненты в стандартные GARCH модели вводятся предположения о том, что случайные ошибки являются смесью двух нормальных распределений. Было показано, что одна из компонент имеет существенно больший вес, но меньшую волатильность. Мы интерпретируем это как то, что «распространенные» темы составляют привычный новостной фон и слабо влияют на волатильность, тогда как более редко встречающиеся (и, следовательно, несущие больше информации) темы влияют на волатильность сильнее.

Ключевые слова: фондовый рынок, новостная аналитика, компоненты волатильности, обработка естественного языка.

JEL: C32, C53, G17.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_93_111.

Введение

В данной работе оценивается влияние тематических новостных потоков на фондовый рынок России: рассматривается зависимость изменчивости доходности некоторого актива (волатильности доходности) от тематики новостей о финансах и фондовом рынке РФ.

Информационный фон может оказывать значимое влияние на реальные экономические процессы. В частности, в ряде академических работ показано, что настроения СМИ могут влиять на репродуктивное поведение населения. Например, в статье [9] автор приходит к выводу, что в период с 1974 по 1981 г. во Франции общественное мнение в отношении демографических процессов коррелировало с позицией, выраженной в средствах массовой информации. Также выводы о влиянии СМИ на рождаемость подтверждаются и в статье [28].

Макроэкономическая динамика также может быть связана с информационным фоном. Например, в работе [2] строится индикатор инфляционных ожиданий населения на основе комментариев к новостным сообщениям об инфляции в сообществах Ведомости, Коммерсант, РБК и Эксперт Онлайн в социальных сетях Вконтакте и Facebook в период 2014–2016 гг. Авторы показывают, что предложенный ими индикатор сильно коррелирует с классической мерой инфляционных ожиданий, построенной по опросам населения Центральным Банком России. Непосредственное влияние новостей на динамику инфляционных ожиданий в РФ обсуждается в работе [3].

Зависимость показателей фондовых рынков от новостей также исследовалась в академических работах. В основополагающей работе [32] доказано существование значимого влияния финансовых новостей из Wall Street Journal на фондовый рынок США (индекс Dow Jones), причем влияние является асимметричным: негативные новости оказывают большее влияние, чем позитивные. Аналогичные выводы получены и в работах [25; 5]. В книге [4] приведен обзор различных подходов к выделению факторов, определяющих волатильность, и к разложению волатильности на соответствующие компоненты.

В настоящей работе впервые на российских данных оценивается влияние новостного фона не на волатильность доходности финансовых индексов в целом, а на ее компоненты. Оценивание производится с помощью включения новостных характеристик в смешанные модели типа $MN(k)$ - $GARCH(p, q)$.

Расчеты проведены на данных 2021 г., в относительно спокойный период функционирования российского фондового рынка, поэтому содержательные выводы, к сожалению, нельзя напрямую экстраполировать на текущую ситуацию. Тем не менее предлагаемая в работе методология может быть повторена на данных нестабильного пери-

ода и является актуальной и для его анализа, поскольку позволяет в том числе моделировать воздействие большого числа новостей, посвященных конкретной теме, на высоковолатильную компоненту волатильности.

Работа организована следующим образом: в первой части обсуждается методология исследования, во второй части приводится описание данных и результаты эконометрического моделирования. Выводы и дальнейшие направления исследования в этой области приведены в заключении.

Методология исследования

Описание методологии исследования состоит из двух разделов. Сначала обсуждаются существующие модели волатильности и предлагается авторский вариант модели, в котором в качестве параметра выступает вектор $topics_t$, отвечающий за новостной фон в момент времени t . Во втором разделе описаны существующие подходы новостной аналитики и выбранный метод построения вектора $topics_t$.

Модели волатильности

Традиционная мера волатильности – скользящая дисперсия (среднее значение квадратичного отклонения доходности от ее среднего значения на отрезке времени из W наблюдений), то есть ряд вида:

$$\sigma_t^2 = \frac{1}{W} \cdot \sum_{i=t-W+1}^t (y_i - \bar{y})^2,$$

где: y_i – доходность некоторого актива в момент времени i .

Базовыми моделями волатильности являются модели ARCH [13] и GARCH [11].

Пусть ε_t – случайные ошибки в модели, описывающей динамику доходности некоторого актива y_t , тогда модель GARCH(p, q) имеет вид:

$$\begin{cases} \varepsilon_t = \sigma_t \cdot \eta_t, \quad \eta_t \sim iidN(0,1) \\ \sigma_t^2 = \omega + \sum_{i=1}^q \alpha_i \varepsilon_{t-i}^2 + \sum_{j=1}^p \beta_j \sigma_{t-j}^2 \end{cases}$$

В свою очередь модель ARCH(q) является упрощенной версией, в которой коэффициенты $\beta_j = 0$.

Существует множество модификаций данных моделей. Например, в работе [15] описаны следующие варианты:

- *Threshold GARCH* (TGARCH), *Exponential GARCH* (EGARCH) и *Asymmetric Power gARCH* (APARCH), в которых учитывается, в отличие от оригинальной GARCH, наблюдаемая на финансовых рынках асимметрия;

- GARCH-X, в которых в уравнении волатильности используются независимые регрессоры;
- GARCH-MIDAS, предложенные в работе [14], в которых содержится дополнительная макроэкономическая информация.

В работе [17] на данных фондовых рынков была протестирована предсказательная способность большого числа (более трехсот) моделей типа ARCH (в этот класс входят все модели, описанные выше). Авторы приходят к выводу, что простейшая модель GARCH(1,1) почти не имеет себе равных (в смысле использованных в статье функций потерь) при предсказании волатильности обменных курсов на отложенной выборке.

Современное развитие моделей GARCH происходит в предположении о том, что ε_t имеют смешанный закон распределения, в частности, представляют из себя смесь нескольких нормальных распределений. В работе [16] были предложены модели $MN(k)$ – GARCH(p, q) (Mixed Normal GARCH):

$$\begin{cases} \varepsilon_t \sim MN(p_1, \dots, p_k, \mu_1, \dots, \mu_k, \sigma_{1,t}^2, \dots, \sigma_{k,t}^2), \mathbb{E}\varepsilon_t = 0 \\ \sigma_{k,t}^2 = \omega_k + \sum_{i=1}^q \alpha_{ki} \varepsilon_{k,t-i}^2 + \sum_{j=1}^p \beta_{kj} \sigma_{k,t-j}^2 \end{cases}$$

Здесь плотность распределения ошибок ε_t представляет собой линейную комбинацию (с весами p_1, \dots, p_k) плотностей нормальных распределений с параметрами $(\mu_k, \sigma_{k,t}^2)$, $k = 1, \dots, K$.

При оценке моделей этого класса на дневных доходностях индекса NASDAQ Haas ([16]) приходит к выводу, что однокомпонентная модель (т. е. обычная GARCH) описывает данные хуже смешанных моделей.

Таким образом, в настоящей работе оценивается модель $MN(2)$ –GARCH(1,1) – X, где в качестве независимого регрессора выступает переменная новостного фона $topics_t$:

$$\begin{cases} y_t = a + b \cdot y_{t-1} + \varepsilon_t \\ \varepsilon_t \sim MN(p, 1-p, \mu_1, \mu_2, \sigma_{1,t}^2, \sigma_{2,t}^2), \mathbb{E}\varepsilon_t = 0 \\ \sigma_{k,t}^2 = \omega_k + \alpha_k \cdot \varepsilon_{t-1}^2 + \beta_k \cdot \sigma_{k,t-1}^2 + T_k' \cdot topics_{t-1}, k = 1, 2 \end{cases}$$

где: y_t – доходность некоторого актива, моделируется авторегрессионным процессом первого порядка AR(1); ε_t – случайные шоки, имеющие распределение смеси двух нормальных распределений (с весами p и $1-p$), дисперсии которых описываются моделями GARCH(1,1).

Авторская новизна заключается в том, что дисперсия каждой компоненты волатильности зависит от новостного фона. Это дает возможность проверить гипотезу о различном влиянии новостей на разные компоненты волатильности.

Новостная аналитика

Согласно определению в статье [5], новостная аналитика – это измерение количественных и качественных характеристик текстовых новостей и исследование их влияния на финансовые показатели. Таким образом, применение новостной аналитики позволяет исследовать влияние новостного фона на волатильность, включая числовой показатель, характеризующий новостной фон, в качестве независимого регрессора в эконометрические модели, оценивающие волатильность. Существует два основных подхода к построению такого числового показателя.

Первый подход состоит в подборе подходящих замещающих переменных и косвенной оценке новостного фона с его помощью. Если выбор был удачным, то изменения волатильности должны (частично) объясняться такой замещающей переменной, а значит ее включение в модель должно приводить к ослаблению GARCH-эффекта (снижению модулей коэффициентов β). В эмпирических исследованиях встречаются следующие варианты замещающих переменных:

- индикатор (бинарный) выхода макроэкономических новостей, например, в работах [12; 21];
- число газетных заголовков и финансовых отчетов, например, в работе [10];
- число анонсов по заданным фирмам и/или ценным бумагам, например, в работах [24; 19];
- наиболее «популярный» вариант – объем торгов, например, в работах [22] для акций двадцати компаний США, в [29] и [18] для индексов Австралийской фондовой биржи, в [26] для индекса Токийской фондовой биржи, в [27] для рынка фьючерсов, в [5] для двадцати компаний FTSE100;
- отклонения фактического объема торгов от прогнозного уровня по ARMA модели, например, в работе [7]. Однако стоит отметить, что включение авторами такой переменной не снизило колебания условной волатильности для рыночных индексов девяти рассматриваемых в работе стран, т. е. данный вариант замещающей переменной, в отличие от предыдущих, требует дальнейшего тестирования применимости;
- новостная интенсивность (число новостных сообщений), например, в работах [18; 5] (в обеих работах используются два варианта замещающих переменных).

Второй подход более трудоемкий и состоит в выделении ключевых тем новостного потока и отнесении каждой исходной новости к одной из выделенных тем. Тогда новостной фон в каждый момент времени характеризуется числом новостей по каждой теме (представляет из себя r -мерный числовой вектор, где r – число выделенных тем). В рамках

данного подхода возможна как обработка новостного фона «вручную», как это сделано, например, в [3], где авторы считают количество выступлений официальных лиц и учитывают тематику выступления (она также определяется вручную), так и автоматизация этого процесса. Такая автоматизация привлекательна возможностью учесть значительные массивы данных, а также легкостью реплицирования результатов (например, для проверки их устойчивости или для их сравнения на спокойном и активном новостных фонах).

В данной работе мы пользуемся вторым подходом в его автоматизированном варианте. Для обработки текста новостей используется его векторное представление с помощью модели упрощенного представления текста «Мешок слов» («Bag-of-words»). После этого из полученного набора («мешка») слов удаляются стоп-слова (предлоги, местоимения и т. д.), а все оставшиеся слова методом лемматизации приводятся к их нормальной (базовой) форме: существительные – к именительному падежу единственного числа; прилагательные – к именительному падежу единственного числа мужского рода; глаголы, причастия и деепричастия – к глаголу в инфинитиве несовершенного вида. Каждой i -ой новости ставится в соответствие вектор из R_k^+ : {Новость $_i$ } \rightarrow (x_1^i, \dots, x_k^i), где k – выбранное число базовых слов из словаря соответствующей направленности (на практике выбирают k от 500 до 1000), по следующему правилу. В качестве j -ой компоненты x_j^i берется мера TF - IDF значимости j -го базового слова в i -ой новости, характеризующая важность этого слова в i -ой новости, нормированная на его важность во всем массиве новостей. Данная мера вычисляется как произведение частоты встречаемости слова в новости (сомножитель TF , term frequency) на обратную частоту встречаемости слова во всем массиве новостей (сомножитель IDF , inverse document frequency).

$$TF \times IDF(j) = TF(j), j = 1, \dots, k.$$

Преимуществом (перед простым подсчетом частоты встречаемости) использования в качестве меры значимости слова меры $TF - IDF$ является то, что при этом большой вес получают слова с высокой частотой в пределах данной новости и одновременно с низкой частотой в остальных новостях. Таким образом, при равной встречаемости слова в новости большую значимость будет иметь более редкое «в целом» слово.

Результатом применения преобразования {Новость $_i$ } \rightarrow (x_1^i, \dots, x_k^i) ко всем n новостям является новостная матрица A ($n \times k$). Для выделения из нее ключевых тем новостного потока мы пользуемся методологией [31]. В рамках данной методологии исходная матрица A размера $n \times k$ (имеющая на практике очень большой ранг) аппроксимируется

некоторой матрицей A_r существенно (на порядки) меньшего заранее фиксированного ранга r (на практике не более 10) с помощью SVD-разложения, в котором у стоящей в центре матрицы оставляются r наибольших сингулярных чисел (остальные отбрасываются). Согласно теореме Экарта-Янга¹, полученная матрица A_r является наилучшей (в смысле L_2 нормы) среди матриц ранга r аппроксимацией исходной матрицы A . При этом норма разности $\|A - A_r\|_2$ (содержательно представляющая собой потери информации при такой аппроксимации) равна следующему по величине $(r + 1)$ -му сингулярному числу исходной матрицы. Таким образом, выбирая число r так, чтобы величина $(r + 1)$ -го сингулярного числа была приемлемо малой, мы получим аппроксимацию удовлетворяющей нас точности. При этом первым r сингулярным числам математически будут соответствовать вектора, по которым разложена исходная матрица, а содержательно – основные темы собранных новостей, другими словами, мы получим описание r основных тем новостного потока в виде набора описывающих каждую тему ключевых слов. Наконец, каждую исходную новость можно отнести к одной из выделенных тем, используя в качестве меры косинусное расстояние между векторами.

Описание данных и результаты моделирования

Мы используем данные о ежедневных значениях фондовых индексов, взятые с сайта [Финан.ру](http://финан.ру)² за период с 2021–03–06 до 2021–10–19. Для моделирования были выбраны ряды процентных доходностей индекса РТС, а также акций компаний трех разных отраслей (банки – СберБанк, SBER; телекоммуникации – МТС, MTSS; IT-технологии – Яндекс, YNDX). В качестве источника данных о новостях использовался сайт [finanz.ru](http://финанз.ру) – один из крупнейших провайдеров новостей о финансах и фондовом рынке РФ³. Для сбора и обработки новостей использовался язык программирования Python, а для оценки модели – язык Julia.

Оценивание выбранной спецификации модели происходит методом максимального условного правдоподобия аналогично тому, как это сделано в работах [16; 6].

Первая сложность, которая возникает в процессе оценивания модели, – выбор начальных значений волатильности $\sigma_{1,1}^2$ и $\sigma_{2,1}^2$, ненаблюдаемых в данных. Простейший способ решить эту проблему – положить начальные дисперсии равными некоторой константе и рас-

¹ Eckart C. The approximation of one matrix by another of lower rank // Psychometrika. 1936. Vol. 1. № 3. P. 211–218.

² Экспорт котировок – Российские индексы – RTSI (2021). [Финан.ру](http://финан.ру).

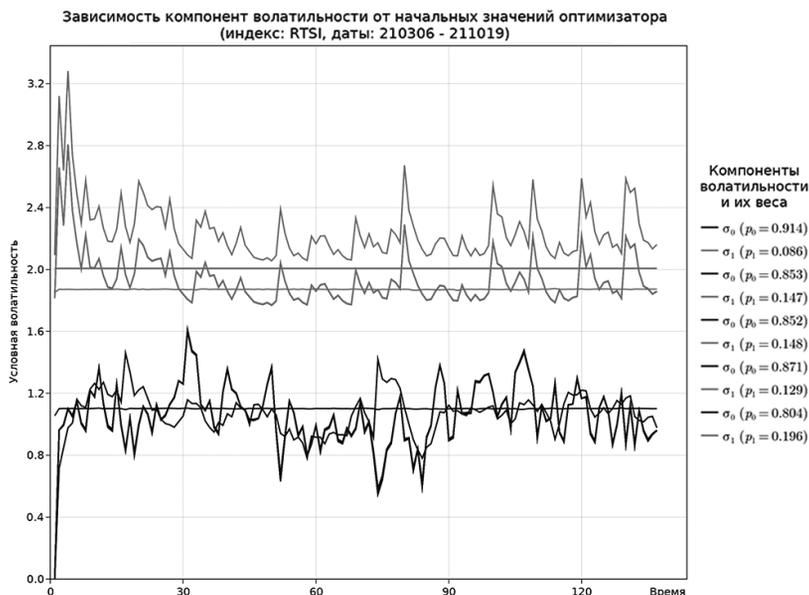
³ Экспорт финансовых новостей (2021). [finanz.ru](http://финанз.ру).

считывать, что коэффициенты при $\sigma_{1,t-1}^2$ и $\sigma_{2,t-1}^2$ (β_1 и β_2 соответственно) будут достаточно малы, чтобы воздействие произвольного первоначального выбора со временем сгладились. Второй способ, описанный в [15], состоит в том, чтобы положить $\sigma_{k,1}^2 = \omega_k$, иначе говоря, в предположении, что первое наблюдение распределено независимо от времени. Наконец, третий подход, также формализованный в [15], предполагает использование безусловных дисперсий, то есть $\mathbb{E}\sigma_{k,t}^2$. В данной работе используется третий подход.

Вторую сложность представляет непосредственно решение оптимизационной задачи в рамках реализации метода условного максимального правдоподобия – максимизация функции правдоподобия при заданных ограничениях на то, что веса смесей (p , $1 - p$) лежат от 0 до 1, на равенство нулю математического ожидания случайных ошибок модели ($\mathbb{E}\varepsilon_t = 0$), а также на стационарность процесса ($\alpha_k + \beta_k < 1$). В данной работе процесс оптимизации реализуется с помощью метода внутренней точки (библиотека `Optim.jl`), который частично инициализируются результатами работы EM-алгоритма, по аналогии с его применением в работе [8]. Стабильность оценок проверяется путем оптимизации правдоподобия с разных начальных точек допустимого множества задачи. На рис. 1 представлены оценки условной волатильности индекса RTSI в зависимости от начальных точек. Видно, что оценки зависят от начальных приближений – это типичная проблема смешанных моделей, вызванная тем, что их правдоподобие имеет множество локальных максимумов, к которым и сходятся оптимизационные алгоритмы. Однако для ряда RTSI во всех случаях компонента с большей волатильностью имеет намного меньший вес, а менее волатильная компонента во всех случаях имеет схожую динамику. Стабильность оценок также зависит от входных данных. Как показано на рис. 2, оценки для ряда YNDX практически не зависят от начальных значений.

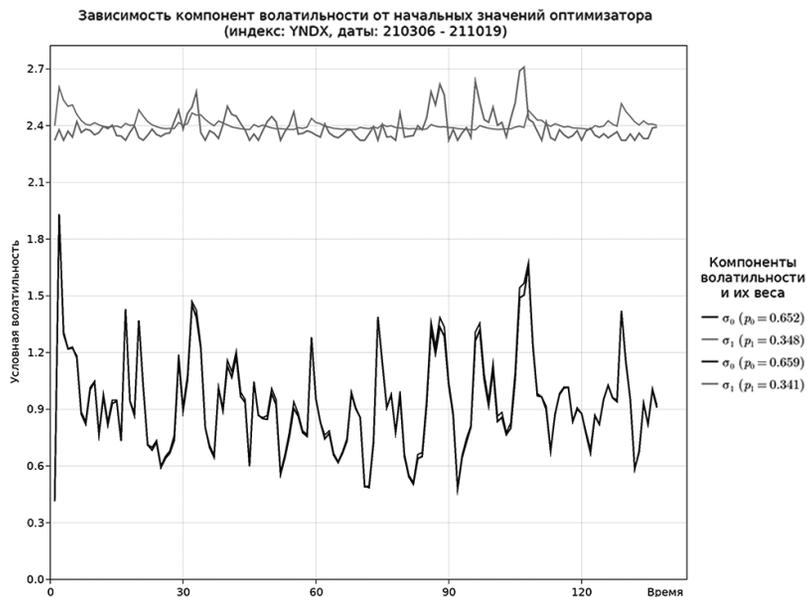
Всего было собрано 2380 новостей, выбрано $k = 1000$ базовых слов направленности экономика и финансы. Таким образом, исходная новостная матрица имела размер 23807×1000 . Построенная эмпирическая кривая отсортированных по убыванию сингулярных чисел SVD-разложения резко убывает до 6-го сингулярного числа (см. рис. 3).

Согласно описанной выше методологии, возьмем $r = 6$ и сформируем 6 основных тем новостей. Каждая тема представляет собой линейную комбинацию исходных 1000 слов словаря. Ключевые слова (было выбрано десять слов с наибольшим весом) выделенных тем приведены в табл. 1. Тема 1 скорее относится к «нефтяной» тематике, темы 2 и 6 описывают экономику РФ в целом, тема 3 близка к курсам валют и бирже, тема 4 касается геополитической обстановки, тема 5 относится к фондовому рынку.

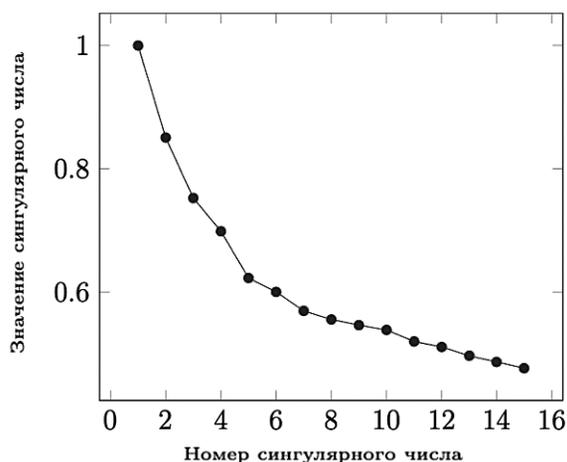
Источник: рассчитано авторами.

Рис. 1. Оценки условной волатильности индекса RTSI в зависимости от начальных точек – различных значений коэффициентов при лаге волатильностей компонент β_1 и β_2 при всех новостях T_1 и T_2 ; они варьируются по решетке от 10^{-1} до 10^{-4}

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 2. Оценки условной волатильности YNDX в зависимости от начальных точек – различных значений коэффициентов при лаге волатильностей компонент β_1 и β_2 при всех новостях T_1 и T_2 ; они варьируются по решетке от 10^{-1} до 10^{-4}

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 3. График убывания сингулярных чисел SVD-разложения новостной матрицы

Выделение в отдельную тему «нефтяной» темы 1 согласуется с результатами ряда работ, в которых доказывается влияние волатильности цен на нефть на волатильность фондовых индексов, в том числе для фондового рынка РФ (см., например, [1; 23]). Это выглядит вполне естественно, поскольку Россия является одним из крупнейших экспортеров нефти в мире. Аналогично, выделение в отдельную тему «геополитической» темы 4 согласуется, например, с исследованиями ([1; 30]), в которых авторам удалось показать существование воздействия геополитических изменений на российский фондовый рынок.

Ключевые слова тем приведены в таблице строчными (маленькими) буквами, поскольку они рассматриваются здесь просто как слова, полученные после применения модели упрощенного представления текста.

В табл. 2 приведены наиболее типичные новости для каждой темы.

Результаты оценивания⁴ приведены в табл. 3. Видно, что для каждого индекса первая компонента смеси имеет больший вес, чем вторая, причем наиболее весомая компонента имеет меньшую дисперсию. Это согласуется с традиционной интерпретацией смешанных моделей [20; 16]: компонента с относительно низкой дисперсией (и обычно с большим весом) может означать «обычное состояние экономики», а компоненты с большими дисперсиями (и более низкими весами) могут соответствовать всплескам волатильности, вызванным появлением важной новой информации.

⁴ Для начальных значений $\beta_1 = \beta_2 = T_1 = T_2 = 10^{-2}$.

Таблица 1

Ключевые слова основных тем

ТЕМА 1:	18704	ТЕМА 2:	752	ТЕМА 3:	670
СЛОВО	SCORE	СЛОВО	SCORE	СЛОВО	SCORE
год	0.3248	рф	0.5052	курс	0.3871
нефть	0.2226	цб	0.3042	рф	0.2967
цена	0.1875	банк	0.139	доллар	0.2612
рост	0.1665	млрд	0.1015	евро	0.2546
млн	0.1208	вырасти	0.0818	цб	0.2546
опек	0.0835	инфляция	0.0812	руб	0.2301
добыча	0.0825	ставка	0.0774	биржа	0.1485
баррель	0.0802	индекс	0.0666	московский	0.1413
ввп	0.0753	резерв	0.0585	понизить	0.0996
россия	0.0707	рубль	0.0576	повысить	0.0923
ТЕМА 4:	2164	ТЕМА 5:	1123	ТЕМА 6:	394
СЛОВО	SCORE	СЛОВО	SCORE	СЛОВО	SCORE
рф	0.2368	индекс	0.5697	руб	0.3834
год	0.2203	торг	0.3908	млрд	0.3619
нефть	0.1956	мосбиржа	0.366	вырасти	0.2719
россия	0.1916	ртс	0.3475	рф	0.246
цена	0.1879	открытие	0.2504	тасс	0.2215
рост	0.1814	дать	0.1505	год	0.2196
тасс	0.1808	снизиться	0.121	индекс	0.1679
сша	0.152	вырасти	0.1185	прибыль	0.159
газ	0.1357	тасс	0.0357	чистый	0.1477
северный	0.1148	пункт	0.0338	цб	0.1435

Источник: рассчитано авторами.

Таблица 2

Типичные новости по основным темам

Тема	Типичная новость
1	«Доктор апокалипсис» предсказал крах биткоина через 10 лет
2	ЦБ РФ выпускает памятную серебряную 2-рублевую монету, посвященную Н.А. Некрасову
3	ЦБ РФ повысил курс доллара на 27 июля до 74,1 руб., курс евро – до 87,32 руб.
4	ТАСС: РФ не исключает роста добычи нефти странами, не входящими в ОПЕК+, на фоне роста цен на нефть- Новак
5	Индекс Мосбиржи на открытии торгов вырос на 0,19%, индекс РТС – на 0,72%
6	ТАСС: Чистая прибыль «ЭНЕЛ РОССИИ» по МСФО за I полугодие выросла до 2 млрд руб. С 2,8 млрд руб. годом ранее – компания

Источник: рассчитано авторами.

Результаты оценивания моделей

Коэффициент	SBER	MTSS	YNDX	RTSI
AR(1): a	0,19937	0,12336	0,07454	0,20489
AR(1): b	-0,10956	-0,02262	0,03165	-0,00769
Смесь: p	0,55484	0,92112	0,65165	0,85209
Смесь: μ_1	0,05526	-0,08555	0,03315	-0,01823
Смесь: μ_2	-0,06888	0,99902	-0,06201	0,10501
GARCH: ω_1	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
GARCH: ω_2	0,60995	0,35728	5,39545	1,44413
GARCH: α_1	0,03584	0,03453	0,05953	0,00000
GARCH: α_2	0,37448	0,08016	0,00000	0,21836
GARCH: β_1	0,00000	0,27203	0,30624	0,31852
GARCH: β_1	0,62552	0,00000	0,00000	0,52839
Тема 1, режим 1: T_{11}	0,90001	0,00000	0,00000	0,12121
Тема 1, режим 2: T_{21}	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
Тема 2, режим 1: T_{12}	0,00000	1,98736	6,98004	0,00000
Тема 2, режим 2: T_{22}	0,00000	0,00000	9,35144	0,00000
Тема 3, режим 1: T_{13}	0,00000	0,00000	0,00000	16,15318
Тема 3, режим 2: T_{23}	0,00000	389,17110	0,00000	0,00000
Тема 4, режим 1: T_{14}	0,00000	0,13595	0,00000	0,00000
Тема 4, режим 2: T_{24}	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
Тема 5, режим 1: T_{15}	0,00000	0,45064	1,32596	4,78394
Тема 5, режим 2: T_{25}	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
Тема 6, режим 1: T_{16}	0,00000	1,63339	11,44925	0,00000
Тема 6, режим 2: T_{26}	0,00000	0,09182	0,00000	0,00000

Источник: рассчитано авторами.

Примечание: режим 1 соответствует первой компоненте волатильности в оцениваемой модели AR(1) – MN(2) – GARCH(1,1), режим 2 – второй компоненте.

Обратимся к коэффициентам при переменных новостей. Отметим, что по абсолютному значению наименьшими являются коэффициенты при теме 1, которая чаще всего встречается среди собранных новостей (18704 новости из 23807). Следовательно, более «редкие» темы 2–6 имеют более значительное влияние на волатильность компонент.

Для индекса РТС, характеризующего рынок в целом, от новостей зависит только волатильность первой компоненты, которая характери-

зует «обычное состояние экономики». При этом повышательное воздействие на нее оказывают новости по нефтяной тематике (тема 1), а также по темам 3 и 5, связанным с курсами валют и фондовым рынком. Для высокотехнологичной компании Яндекс на волатильность обеих компонент оказывает влияние новостной поток об экономике РФ в целом; кроме того, новости фондового рынка влияют на волатильность первой компоненты. Для компании МТС на обе компоненты влияют новости об экономике России; на первую компоненту повышательное воздействие оказывают геополитические новости, а также сообщения о фондовом рынке; вторая компонента зависит от новостей о курсах валют и бирже. Наконец, для компании банковского сектора СБЕР, новости влияют только на волатильность первой компоненты, причем влияние оказывают только новости, имеющие нефтяную тематику.

Если анализировать результаты, приведенные в табл. 3 «по горизонтали», то можно отметить, что на волатильность первой компоненты, которая имеет существенно больший вес, но меньшую среднюю дисперсию, влияют темы 2 и 6, соответствующие новостям по экономике России в целом, а также тема 5, характеризующая фондовый рынок. Данный результат согласуется с интуитивным представлением о том, что основная слабоволатильная компонента определяется общероссийскими новостями. Кроме того, можно отметить роль новостей фондового рынка – они сходны по важности с общероссийскими новостями. На волатильность меньшей по весу высоковолатильной компоненты также оказывают некоторое воздействие общие темы 2 и 6, но имеет влияние и тема 3, соответствующая изменениям курсов валют. Это также согласуется с интуитивным представлением о том, что меньшая высоковолатильная компонента определяется новостями динамично меняющейся сферы экономики.

Таким образом, в данной работе на российских данных еще раз подтверждается устоявшийся в англоязычной литературе вывод о том, что новостной фон оказывает влияние как на фондовый рынок в целом, так и на компании разных отраслей. Кроме того, нам удалось показать, что часть новостей имеет воздействие на «весомую», но низковолатильную компоненту, а некоторые специфические новости влияют на имеющую малый вес высоковолатильную компоненту.

Заключение

Любая попытка моделирования доходностей финансовых активов приводит к необходимости моделирования волатильности доходности. Одним из наиболее популярных современных направлений такого моделирования является применение GARCH моделей, причем в предположении о том, что случайные ошибки имеют смешан-

ный закон распределения (так называемых смешанных GARCH моделей). В данной работе мы следуем этому направлению, моделируя ошибки смесью двух нормальных распределений. При этом предметом нашего интереса служит возможность интерпретации новостей как внешних шоков, которые могут влиять на волатильность. Поэтому мы дополняем смешанные GARCH модели экзогенной переменной, отвечающей за тематику новостного фона, с целью оценки его влияния на волатильность фондового рынка России. Пользуясь тем, что применение смешанных моделей предполагает наличие двух компонент волатильности, мы оцениваем влияние тематики новостного фона на каждую из компонент. Было показано, что одна из них имеет значительно больший вес, но меньшую волатильность. Более часто встречающиеся темы имеют близкие к нулю коэффициенты, тогда как коэффициенты при реже встречающихся темах отделены от нуля. Это может говорить о том, что «распространенные» темы составляют привычный для участников рынка новостной фон и слабо влияют на волатильность, тогда как более редко встречающиеся (и, следовательно, несущие больше информации) темы влияют на волатильность сильнее. В частности, даже большой публикационный поток по «привычным» для участников рынка темам может не оказывать существенного влияния на волатильность доходностей активов. Поэтому инвесторам не стоит паниковать, видя большое число новостей, например, по экономике России в целом.

Однако нельзя полностью исключить возможности того, что обнуление некоторых коэффициентов в табл. 3 вызвано неограниченностью правдоподобия смеси нормальных распределений при нулевой дисперсии любой компоненты. В пользу первой версии говорит то, что в случае неограниченности правдоподобия обнулились бы и стандартные коэффициенты GARCH (ω , α , β), чего не наблюдается.

Стоит еще раз отметить, что результаты получены на относительно спокойном новостном фоне (на данных за 2021 г.). Повторение предложенной методологии на данных нестабильного периода является логичным направлением развития работы. Особый интерес представляет потенциальный рост относительного веса волатильной компоненты, а также проверка гипотезы о том, что «распространенные» темы слабее влияют на волатильность. Возможно, в условиях нестабильности, в том числе новостного фона, «распространенные» новости на «привычные» темы будут оказывать более значимое положительное «успокаивающее» воздействие.

Ограничением (и еще одним направлением дальнейшего развития) работы является определение темы по набору ее ключевых слов, проделанное нами вручную. Одним из возможных путей развития является переход к автоматизации такого определения, например, к при-

менению вероятностных тематических моделей⁵. Другим естественным продолжением работы является отказ от предпосылки о том, что количество компонент в гауссовской смеси равно двум, а также учет тональности новостей. Возможно, это поможет уловить более тонкое влияние новостного фона на фондовый рынок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганин А.Д. Волатильность российского фондового индекса: нефть и санкции // Вопросы экономики. 2020. № 2. С. 86–100.
2. Голощапова И.О., Андреев М.Л. Оценка инфляционных ожиданий российского населения методами машинного обучения // Вопросы экономики. 2017. № 6. С. 71–93.
3. Жемков М.И., Кузнецова О.С. Вербальные интервенции как фактор формирования инфляционных ожиданий в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 2 (42). С. 49–69.
4. Королев В.Ю. Вероятностно-статистические методы декомпозиции волатильности хаотических процессов. М.: Изд. МГУ, 2011.
5. Сидоров С., Дате П., Балаш В. Использование данных новостной аналитики в GARCH моделях // Прикладная эконометрика. 2013. № 29 (1). С. 82–96.
6. Alexander C., Lazar E. Normal mixture GARCH(1,1): Applications to exchange rate modelling // Journal of Applied Econometrics. 2006. 21(3). Pp. 307–336.
7. Arago V., Nieto L. Heteroskedasticity in the returns of the mainword stock exchange indices: Volume versus GARCH effects // International Financial Markets Institute and Money. 2005. 15. Pp. 271–284.
8. Ardia D., Bluteau K., Boudt K., Catania L., Trottier D.-A. Markov-Switching GARCH Models in R: The MSGARCH Package // Journal of Statistical Software. 2019. 91(4). Pp. 1–38.
9. Barrusse De Luca. Discussion on the return of «denatality» in France and its perception between 1974 and 1981 // Population and Economics. 2020. 4(3). P. 33–56.
10. Berry T. D., Howe K. M. Public information arrival // Journal of Finance. 1993. 49. Pp. 1331–1346.
11. Bollerslev T. Generalized Autoregressive Conditional Heteroskedasticity // Journal of Econometrics. 1986. Т. 31. No 3. Pp. 307–327.
12. Ederington L. H., Lee J. H. How markets process information: News releases and volatility // Journal of Finance. 1993. 48. Pp. 1161–1191.
13. Engle R. F. Autoregressive Conditional Heteroscedasticity with Estimates of the Variance of United Kingdom Inflation // Econometrica. 1982. Vol. 50. No. 4. P. 987.
14. Engle R. F., Ghysels E., Sohn B. Stock Market Volatility and Macroeconomic Fundamentals // Review of Economics and Statistics. 2013. Т. 95. No 3. Pp. 776–797.

⁵ См., например, обзор вероятностных тематических моделей К.В. Воронцова в гл. 5 пособия «Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных» (изд. НИУ ВШЭ, 2017 г.).

15. *Francq C., Zakoian J.-M.* GARCH Models: Structure, Statistical Inference and Financial Applications // Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. 2019. 2 edition.
16. *Haas M.* Mixed Normal Conditional Heteroskedasticity // *Journal of Financial Econometrics*. 2004. Т. 2. No 2. Pp. 211–250.
17. *Hansen P. R., Lunde A.* A Forecast Comparison of Volatility Models: Does Anything Beat a GARCH(1,1)? // *J. Appl. Econ.* 2005. Vol. 20. No 7. Pp. 873–889.
18. *Janssen G.* Public information arrival and volatility persistence in financial markets // *The European Journal of Finance*. 2004. 10. Pp. 177–197.
19. *Kalev P. S., Liu W.-M., Pham P. K., Jarnecic E.* Public information arrival and volatility of intraday stock returns // *Journal of Banking and Finance*. 2004. 28(6). P. 1447–1467.
20. *Kon, S. J.* Models of Stock Returns—A Comparison // *Journal of Finance*. 1984. 39(1). Pp. 147–165.
21. *Laakkonen H., Lanne M.* Asymmetric News Effects on Exchange Rate Volatility: Good vs. Bad News in Good vs. Bad Times // *Studies in Nonlinear Dynamics & Econometrics*. 2009. 14.
22. *Lamoureux C. G., Lastrapes W. D.* Heteroskedasticity in stock return data: Volume versus GARCH effects // *Journal of Business & Economic Statistics*. 1990. 2. Pp. 253–260.
23. *Lozinskaia A., Saltykova A.* Fundamental Factors Affecting the MOEX Russia Index: Retrospective Analysis // *CEUR Workshop Proceedings*. 2019. 2479. Pp. 32–45.
24. *Mitchell M. L., Mulherin J. H.* How markets process information: News releases and volatility // *Journal of Finance*. 1994. 49. Pp. 923–950.
25. *Mitra L., Mitra G.* Applications of news analytics in finance: A review // *The Handbook of News analytics in finance*. 2011. Pp. 1–36.
26. *Miyakoshi T.* ARCH versus information-based variances: Evidence from the Tokyo stock market // *Japan and the World Economy*. 2002. 14. Pp. 215–231.
27. *Najand M., Yung K.* A GARCH examination of the relationship between volume and variability in futures markets // *The Journal of Futures Markets*. 1991. 11. Pp. 613–621.
28. *Rabbi A. M. F.* Mass media exposure and its impact on fertility: Current scenario of Bangladesh // *Journal of Scientific Research*. 2012. Vol. 4. № 2. Pp. 383–383.
29. *Ragunathan V., Peker A.* Price variability, trading volume and market depth: Evidence from the Australian futures market // *Applied Financial Economics*. 1997. 7. Pp. 447–454.
30. *Rubtsov B., Annenskaya N.* Factor analysis of the Russian stock market // *Journal of Reviews on Global Economics*. 2018. Iss. 7 (Special Issue). Pp. 417–425.
31. *Sanjiv R.* News analytics: Framework, techniques, and metrics // *The Handbook of News analytics in finance*. 2011. Pp. 41–69.
32. *Tetlock Paul C.* Giving Content To Investor Sentiment: The Role Of Media In The Stock Market // *The Journal Of Finance*. 2007. Vol. Lxii. Pp. 1139–1168.

REFERENCES

1. *Aganin A.D.* Russian Stock Index volatility: Oil and sanctions. *Voprosy Ekonomiki*. 2020; (2): 86–100. (In Russ.).
2. *Goloshchapova I., Andreev M.* Measuring inflation expectations of the Russian population with the help of machine learning. *Voprosy Ekonomiki*. 2017; (6): 71–93. (In Russ.).
3. *Zhemkov M.I., Kuznetsova O.S.* Verbal Interventions as a Factor of Inflation Expectations in Russia // *The Journal of the New Economic Association*. 2019. No 2 (42). Pp. 49–69. (In Russ.).
4. *V. Yu. Korolev.* Probabilistic-statistical methods for the decomposition of the volatility of chaotic processes, 2011, Moscow: Moscow University Press. (In Russ.).
5. *S. P. Sidorov, P. Date, Balash V. A.* Using news analytics data in GARCH models // *Applied Econometrics*. 2013. V. 29, no. 1. Pp. 82–96. (In Russ.).
6. *Alexander C., Lazar E.* Normal mixture GARCH(1,1): Applications to exchange rate modelling // *Journal of Applied Econometrics*. 2006. 21(3). Pp. 307–336.
7. *Arago V., Nieto L.* Heteroskedasticity in the returns of the mainword stock exchange indices: Volume versus GARCH effects // *International Financial Markets Institute and Money*. 2005. 15. Pp. 271–284.
8. *Ardia D., Bluteau K., Boudt K., Catania L., Trottier D.-A.* Markov-Switching GARCH Models in R: The MSGARCH Package // *Journal of Statistical Software*. 2019. 91(4). Pp. 1–38.
9. *Barrusse De Luca.* Discussion on the return of «denatality» in France and its perception between 1974 and 1981 // *Population and Economics*. 2020. 4(3). P. 33–56.
10. *Berry T. D., Howe K. M.* Public information arrival // *Journal of Finance*. 1993. 49. Pp. 1331–1346.
11. *Bollerslev T.* Generalized Autoregressive Conditional Heteroskedasticity // *Journal of Econometrics*. 1986. T. 31. No 3. Pp. 307–327.
12. *Ederington L. H., Lee J. H.* How markets process information: News releases and volatility // *Journal of Finance*. 1993. 48. Pp. 1161–1191.
13. *Engle R. F.* Autoregressive Conditional Heteroscedasticity with Estimates of the Variance of United Kingdom Inflation // *Econometrica*. 1982. T. 50. No 4. Pp. 987.
14. *Engle R. F., Ghysels E., Sohn B.* Stock Market Volatility and Macroeconomic Fundamentals // *Review of Economics and Statistics*. 2013. T. 95. No 3. Pp. 776–797.
15. *Francq C., Zakoian J.-M.* GARCH Models: Structure, Statistical Inference and Financial Applications // Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. 2019. 2 edition. 492 c.
16. *Haas M.* Mixed Normal Conditional Heteroskedasticity // *Journal of Financial Econometrics*. 2004. T. 2. No 2. Pp. 211–250.
17. *Hansen P. R., Lunde A.* A Forecast Comparison of Volatility Models: Does Anything Beat a GARCH(1,1)? // *J. Appl. Econ*. 2005. T. 20. No 7. Pp. 873–889.
18. *Janssen G.* Public information arrival and volatility persistence in financial markets // *The European Journal of Finance*. 2004. 10. Pp. 177–197.
19. *Kalev P. S., Liu W.-M., Pham P. K., Jarnecic E.* Public information arrival and volatility of intraday stock returns // *Journal of Banking and Finance*. 2004. 28(6). Pp. 1447–1467.
20. *Kon, S. J.* Models of Stock Returns—A Comparison // *Journal of Finance*. 1984. 39(1). Pp. 147–165.
21. *Laakkonen H., Lanne M.* Asymmetric News Effects on Exchange Rate Volatility: Good vs. Bad News in Good vs. Bad Times // *Studies in Nonlinear Dynamics & Econometrics*. 2009. 14.

22. *Lamoureux C. G., Lastrapes W. D.* Heteroskedasticity in stock return data: Volume versus GARCH effects // *Journal of Business & Economic Statistics*. 1990. 2. P. 253–260.
23. *Lozinskaia A., Saltykova A.* Fundamental Factors Affecting the MOEX Russia Index: Retrospective Analysis // *CEUR Workshop Proceedings*. 2019. 2479. P. 32–45.
24. *Mitchell M. L., Mulherin J. H.* How markets process information: News releases and volatility // *Journal of Finance*. 1994. 49. P. 923–950.
25. *Mitra L., Mitra G.* Applications of news analytics in finance: A review // *The Handbook of News analytics in finance*. 2011. P. 1–36.
26. *Miyakoshi T.* ARCH versus information-based variances: Evidence from the Tokyo stock market // *Japan and the World Economy*. 2002. 14. P. 215–231.
27. *Najand M., Yung K.* A GARCH examination of the relationship between volume and variability in futures markets // *The Journal of Futures Markets*. 1991. 11. P. 613–621.
28. *Rabbi A. M. F.* Mass media exposure and its impact on fertility: Current scenario of Bangladesh // *Journal of Scientific Research*. 2012. T. 4. №. 2. C. 383–383.
29. *Ragunathan V., Peker A.* Price variability, trading volume and market depth: Evidence from the Australian futures market // *Applied Financial Economics*. 1997. 7. P. 447–454.
30. *Rubtsov B., Annenskaya N.* Factor analysis of the Russian stock market // *Journal of Reviews on Global Economics*. 2018. Issue 7 (Special Issue). P. 417–425.
31. *Sanjiv R.* News analytics: Framework, techniques, and metrics // *The Handbook of News analytics in finance*. 2011. P. 41–69.
32. *Tetlock Paul C.* Giving Content To Investor Sentiment: The Role Of Media In The Stock Market // *The Journal Of Finance*. 2007. Vol. Lxii. P. 1139–1168

Дата поступления рукописи: 25.02.2022 г.

ABOUT THE AUTHORS

Gavrilov Vadim – graduate student of the Economics Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
vad093@mail.ru

Ivanov Mikhail Aloisovich – graduate student of the Economics Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
mia.m5@yandex.ru

Klachkova Olga Alexandrovna – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Mathematical Methods of Analysis of Economics of the Economics Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
sparrow889@gmail.com

Korolev Viktor Yurievich – Dr. Sci. (Phys.-Math.), Professor, Head of the Statistics Department of the Faculty of Computational Mathematics and Cybernetics of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
vkorolev@cs.msu.ru

Roshchina Yanina Alexandrovna – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Mathematical Methods of Analysis of Economics of the Economics Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
janina-d@yandex.ru

IMPACT OF NEWS FLOWS ON COMPONENTS OF RUSSIAN STOCK MARKET VOLATILITY

The paper simulates the volatility of securities returns on the Russian stock market depending on thematic news flows, entering the market, applying conditional autoregressive heteroscedasticity models. To take into account the news background, the model includes a numerical indicator, characterizing the number of news on each of the key topics as an independent regressor. The selection of topics and the construction of such an indicator are carried out by natural language processing methods. To assess the impact of the news background not on the volatility of returns as a whole, but on its components, the standard GARCH models are subject to assumptions that random errors are a mixture of two normal distributions. It was shown that one of the components has a significantly larger weight but smaller volatility. Our interpretation is «common» themes form the usual news background and have a little effect on volatility, while more rare specific themes (and so more informative) have a stronger impact on volatility.

Keywords: *stock market, news analytics, volatility components, natural language processing.*

JEL: C32, C53, G17.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

И.В. МЕДВЕДЕВ

аспирант Института экономики и управления
Тверского государственного университета

ВЛИЯНИЕ ДЕФОРМАЦИИ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ НА ИНТЕГРАЦИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

Статья посвящена анализу экономико-теоретических оснований сближения национальных экономик, а также причин, которые вызывают деформацию наднациональных институтов. Для этой цели в работе проведен сравнительный анализ теоретических подходов к определению дисфункции институтов. В ходе исследования обосновывается необходимость введения термина «деформация» национальных экономик как процесса, приводящего к возникновению патологии и дальнейшей дисфункции наднационального института. Сделан вывод о том, что взаимосвязь национальных экономик посредством наднационального института интеграции приводит к тому, что запуск процесса деформации хотя бы на одном из анализируемых уровней (технико-экономическом или социально-экономическом) ведет к нарушению хозяйственных связей между странами и возникновению патологий наднационального института. В работе показано, что если «укорененные» деформации ядра интеграционного объединения зачастую неустранимы, то «приобретенные» деформации ядра интеграции можно устранить в случае их своевременного выявления, на ранних этапах создания интеграционного объединения. Трансформация института интеграции может носить как характер адаптации, так и полного изменения механизма перераспределения преимуществ интеграции, получаемых национальными экономиками от интеграционных процессов.

Ключевые слова: *деформация института, дисфункция института, экономические институты, институционально-эволюционный подход.*

JEL: A10, A12, E02, E14.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_112_130.

Введение

Вопросы экономической интеграции представляют интерес для ученых-экономистов прежде всего с позиции выявления закономерностей, которые позволяют проводить анализ и прогнозировать сближение национальных экономик, равно как и давать оценку причин нарушения или неэффективности интеграционных связей. В разное время вопросами интеграции занимались ученые, которые являлись представителями различных школ экономической теории, что обуславливает огромное разнообразие подходов и интерпретаций этого явления. Проблемы институционализации экономических интеграционных процессов, представляющих теоретическую основу для оценки причин трансформации экономических институтов интеграции, сформулированы в работах Д. Акерлофа, Д. Рикардо, П. Крутмана, Р.А. Манделла, У. Изарда, Ф. Махлупа, Я. Тинбергена и др. Особенности и проблемы трансформации национальных экономик с позиции институционального проектирования трансформационной экономики представлены в работах А.Я. Рубинштейна, В.М. Полтеровича, Л.А. Карасевой, О. Уильямсона, Р.С. Гринберга и др. Одним из возможных подходов к изучению интеграции национальных экономик является авторская трактовка структурно-уровневого анализа Л.А. Карасевой, который предполагает выделение отдельных уровней хозяйственной системы [1].

Важно подчеркнуть, что изучение интеграции национальных экономик с позиции движения факторов в виде товара, капитала и рабочей силы не обладает особой новизной, так как о теории сравнительных преимуществ и специализации стран говорили еще экономисты XVIII в., например, Д. Рикардо [2]. Однако реалии хозяйственной практики показали непродуктивность использования статической теории, предполагающей, что экономическая интеграция осуществляется в идеальных условиях, когда страны обладают эквивалентным экономическим потенциалом и равномерным отраслевым развитием, прежде всего потому что они не формулировали долгосрочных ориентиров экономического развития. В ответ на это стали развиваться эволюционные подходы к изучению интеграции. Примером может служить критика идей Д. Рикардо в рамках теории импортозамещающей индустриализации и тезиса Пребиша-Зингера, который был развит в ответ на ограниченность статических моделей наподобие теории сравнительных преимуществ [3]. Основным постулатом указанной гипотезы является снижение цен на первичные товары по сравнению с ценами на промышленные товары в долгосрочной перспективе, что приводит к ухудшению условий торговли. Стоит отметить, что первоначальная трактовка теории утратила свою актуальность для анализа торговли между развитыми странами, поскольку в настоящее время экспорт

готовых товаров из развитых стран значительно обогнал товары первичной обработки. Тем не менее современные проблемы интеграции развивающихся стран Африки или стран с переходной экономикой могут быть объяснены наличием дисбаланса в структуре экспорта, где преобладают товары первичной обработки, что ведет к ухудшению условий торговли и интеграции.

Например, для России и постсоветского пространства в целом характерно постепенное ухудшение условий торговли. Так, в России на 2021 г. доля топливно-энергетического сектора в товарной структуре экспорта составляла около 60%¹. Подобная структура экономики определила особенности экономической интеграции, где материальной основой функционирования наднационального института стал механизм перераспределения ресурсной ренты, что позволило обеспечить заинтересованность как со стороны крупнейшей экономики в лице России, так и со стороны стран – партнеров по Таможенному Союзу (позже – стран Евразийского Экономического Союза, ЕАЭС). Сложившаяся конъюнктура высоких цен на сырьевые товары и наличие механизма перераспределения преимуществ интеграции стали основой роста показателей внешней торговли, инвестиций в основной капитал и прямые иностранные инвестиции, а также обеспечивали высокие темпы роста национальных экономик, входящих в объединение, что, однако, не способствовало диверсификации производства в странах-участницах.

Деформация и дисфункция институтов: сравнение теоретических подходов

Отсутствие стимулов к модернизации и диверсификации национальных экономик, равно как и уязвимость механизма перераспределения ресурсов к внешним шокам, фактически означает, что трансформация Таможенного Союза в ЕАЭС представляет собой формальный переход к экономическому союзу без наличия реальных оснований к углублению экономической интеграции.

Для дальнейшего анализа данного феномена представляется введение термина «деформация института», под которым мы понимаем изменение взаимного положения институтов экономической системы, которое вызывает искажение их первоначальной формы, – по аналогии с деформацией физических тел. Под дисфункцией понимается нарушение, расстройство функций какого-либо органа, системы, экономического института, преимущественно качественного характера – по аналогии с дисфункцией организма в биологии. Различие дисфункции и деформации проявляется в том, что процесс деформации

¹ Товарная структура экспорта. Данные ФТС. <https://customs.gov.ru/folder/519>.

не всегда сопряжен с неэффективностью (дисфункцией) институтов, которые требуют модификации (пример: подмена экономической составляющей интеграции национальных экономик политическим мотивом и дальнейшее усиление политического мотива в ущерб экономическому развитию всех заинтересованных стран). Здесь нельзя однозначно утверждать о дисфункции институтов, так как на первых этапах все институты продолжают выполнять свою первоначальную функцию, однако их положение постепенно меняется, что ведет к искажению первоначальной цели и в конечном итоге вызывает изменение формы одной или нескольких хозяйственных систем национальных экономик (нескольких – в случае исследования деформации наднациональных институтов). Когда деформация достигает критического уровня и деформированные институты утрачивают большую часть полезных функций, то мы имеем дело с дисфункцией (некорректной работой), что сопряжено с необходимостью модификации или полной трансформации этих институтов в зависимости от степени дисфункции. Резюмируя вышесказанное, деформацию можно представить как «накопление ошибок», которые в случае несвоевременного выявления и корректировки на ранних этапах начинают увеличиваться, что в конечном итоге приводит к дисфункции институтов и экономических систем как окончательного результата деформации.

Проблеме дисфункции экономических институтов посвящено сравнительно небольшое количество работ. Здесь можно выделить цикл работ О.С. Сухарева [4; 5]. Подробный анализ и последовательные выводы О.С. Сухарева о связи дисфункции правил и институциональной эффективности представляются крайне важной составляющей изучения управления, подготовки решений, институциональных коррекций при регулировании экономических отношений на макроэкономическом уровне. Представляется, что используемые О.С. Сухаревым методы исследования дисфункции экономических институтов можно с уверенностью применять для изучения базовых институтов экономической интеграции, влияющих на функционирование и динамику макроэкономических агрегатов в рамках отдельной хозяйственной системы национальной экономики, как только формирующегося нового направления исследований [6, с. 37]. Подобный подход потенциально способен прогнозировать дисфункции внутри отдельной хозяйственной системы национальной экономики, которая может являться доминирующей и в значительной степени определить характер интеграции в рамках категорий, предложенных У.Ж. Алиевым, где дисфункции институтов интеграции могут привести к переходу от мягкой и симбиозно-ситуативной к жесткой интеграции. В результате такого перехода может произойти подмена цели наднационального института (экономический мотив заменяется политическим) [7].

В продолжение дискуссии о дисфункции и «деформации» институтов большой интерес представляет работа А.В. Верникова по исследованию и диагностике патологии институтов, где через частный пример анализа банковских вкладов выдвигаются и доказываются гипотезы дисфункции экономических институтов в целом. В качестве типов патологии институтов А.В. Верников выделяет избыточность, неэффективность и дисфункцию институтов. К основным причинам, которые приводят к патологии институтов, является нецелевое использование, ошибки при внедрении, захват института группами заинтересованных лиц, атрофия и институциональный конфликт. Хотя многие из выдвинутых гипотез А.В. Верникова могут быть использованы для обоснования «деформации» интеграционных связей между национальными экономиками, существует необходимость уточнения ряда предложенных А.В. Верниковым категорий. Так, атрофия институтов и институциональный конфликт не могли быть идентифицированы в работе А.В. Верникова по причине особенностей приведенного примера банковских вкладов [8, с. 37], однако указанные гипотезы могут быть идентифицированы на примерах нарушения интеграционных связей. Экономическая интеграция на африканском континенте (например, Экономическое сообщество западноафриканских государств – ЭКОВАС) являет собой типичный пример рассогласования формальных и неформальных институтов экономической интеграции, где наднациональный институт в лице Всемирного банка не справился с задачей обеспечения безопасности и прозрачности трансграничных обменов. Также необходимо учитывать, что исследования дисфункции финансовых институтов относятся к сфере институционального окружения, которое в большей степени подвержено изменениям и адаптации и в меньшей степени зависит от «укорененных» институтов, оказывающих значительное влияние на характер экономической интеграции. Атрофия или невостребованность институтов также до определенной степени может служить обоснованием патологий, связанных с форсированием интеграции национальных экономик (см. пример СНГ). Однако как характеризовать ситуацию, при которой институт остается востребованным, но по причине внешних эффектов перестает выполнять свои функции? Что, если мы имеем дело не с ошибками внедрения, адаптации или захвата института, а с чем-то иным? Возможно ли говорить не о результате, а о процессе («деформации»), который приводит к патологии и дальнейшей дисфункции институтов и экономических систем? Этот вопрос представляет интерес с позиции «ex ante» анализа, где процесс деформации вызывает патологию и дисфункцию института как окончательный результат «деформации». В этой связи целесообразно уточнить термин «деформация» применительно к исследованию наднационального института.

Деформация наднационального института: значение термина

В экономической теории институты – это совокупность формальных и неформальных правил, определяющих деятельность экономических агентов, а также соответствующих механизмов контроля за их соблюдением и защитой. Под формальными институтами понимается совокупность юридических, бюрократических и политических правил. Традиции, обычаи, религия относятся к неформальными институтам. Экономические институты не равноценны, что можно увидеть на примере иерархии институтов О. Уильямсона, которая представляет собой четырехуровневую систему (см. табл. 1).

Таблица 1

Иерархия институтов О. Уильямсона

Уровень	Частота изменений	Суть
Встроенные (укорененные) институты	100–1000 лет	На указанном уровне рассматриваются неформальные институты в виде традиций, привычек, религии, которые являются продуктом спонтанных действий экономических субъектов, не поддаются точным вычислениям, не подвержены быстрому изменению и адаптации.
Институциональная среда (окружение)	10–100 лет	Уровень представлен формальными правилами, которые включают в себя политические, юридические и бюрократические институты, которые формируют «правильное» институциональное окружение.
Управление и «правила игры»	1–10 лет	На данном уровне создаются контракты и соглашения, которые формируют «правильную» структуру государственного управления.
Распределение ресурсов и занятость	Постоянный характер изменений	Уровень представляет собой правила движения капитала, которые формируют «правильную» структуру маржинальной торговли.

Источник: составлено автором по: [9].

Каждый из представленных уровней иерархии является объектом изучения представителей различных школ экономической теории. Так, если первый уровень иерархии отражен в работах Д. Норта, Д.Д. Уоллиса, Б. Венгайста [10], то второй уровень является объектом

изучения экономистов, специализирующихся на теории прав собственности. Яркими представителями данной школы являлись Р. Коуз [11] и Г. Демесец [12]. Третий уровень иерархии, на котором происходит управление в общем плане, составляет суть экономики транзакционных издержек, где «транзакция – это единица экономического анализа, а управление – это попытка создать порядок, тем самым смягчив конфликт и достигнув взаимной выгоды» [9]. Анализ государственной политики часто осуществляется на втором и третьем уровне иерархии (хотя таможенные институты включается О. Уильямсоном в первый уровень иерархии [13, с. 597]). Четвертый уровень является полем для исследований представителей неоклассической экономической теории. Также некоторые исследователи выделяют нулевой уровень иерархии, где идет изучение психологических аспектов действий экономических субъектов (имеются в виду эволюционная психология [14] и экспериментальная экономика [15]).

Особенность изучения наднациональных институтов экономической интеграции заключается в том, что во внимание должны приниматься не только сама система национальной экономики и ее корпоративная структура, но и ее взаимодействие с внешней средой, поскольку последняя является ключевым фактором обеспечения эффективной («правильной») интеграции национальных экономик [16]. Под «правильной» (идеальной) структурой автором понимаются экономические отношения, которые на момент создания интеграционных связей не подвержены деформации, а также получают надлежащее институциональное оформление и закрепление.

Если рассматривать интеграцию через иерархию О. Уильямсона, то для перехода на следующий этап экономической интеграции требуются не только объективные экономические и социальные основания, но и согласованная работа институтов на всех уровнях иерархии. Исследованию эффектов международной торговли как объективно системообразующего фундамента интеграционных связей посвящено множество эмпирических исследований. Большая часть работ посвящена «ex post» анализу международной торговли в рамках сформированных наднациональных институтов, где, например, с помощью гравитационных моделей взаимной торговли оцениваются потери и выигрыши от экономической интеграции. Можно выделить работу С. Байера и Дж. Бергстранда [17], где было доказано пятикратное увеличение объемов торговли при наличии формальных соглашений о зоне свободной торговли. Ярким примером, доказывающим важность качества экономических институтов, которые напрямую влияют на интеграцию, являются работы М. Счиффа и Л. Винтерса [18], где описывается 4 из 9 случаев, когда по причине некачественных институтов экономические обмены между странами не увеличились или даже

сократились. Хотя подобные эмпирические исследования являются необходимой составляющей прогнозирования взаимной торговли между странами, следует учитывать, что некоторый рост товарообмена сам по себе не является показателем более высокой степени экономической интеграции. Так, относительно небольшой объем взаимной торговли можно представить как полную интеграцию между заинтересованными странами (потому что возможна ситуация, когда все возможности увеличения выгоды от взаимной торговли были использованы). В то же время большой объем взаимной торговли можно оценивать как неполную интеграцию, если рассматривать данный вопрос в рамках большого числа нереализованных возможностей для эффективного разделения труда [19].

В этой связи большой интерес вызывает формирование и трансформация интеграционных объединений. То, что экономическая интеграция происходит поэтапно от зоны свободной торговли к экономическому и валютному союзу, является общеизвестным фактом. Однако как происходит выравнивание национальных экономик с перспективой дальнейшего углубления интеграции? В этой связи основной сложностью видится выделение базовых институтов, которые являются основой обеспечения интеграционных связей. В основе любого наднационального института, который имеет потенциал перехода на следующей этап интеграции, должна существовать основа для выравнивания национальных экономик, где участники заинтересованы в получении преимуществ, пускай и с определенными негативными следствиями в виде частичной утраты автономии (например, в проведении денежно-кредитной политики с поддержанием фиксированного курса). По этой причине можно говорить о роли механизма перераспределения «выигрыша» как основы функционирования наднационального института, который, в свою очередь, обеспечивает выравнивание национальных экономик на технико-экономическом, социально-экономическом и впоследствии институциональном уровне².

Однако по мере углубления интеграции, механизм перераспределения ресурсов неизбежно подвергается процессу деформации, что может быть связано как с моральным устареванием самого механизма, так и с воспроизводством формальных соглашений об интеграции без их дальнейшей практической реализации. На укорененном уровне это приводит к рассогласованию между формальными и неформальными институтами, которые препятствуют надлежащему информенту контрактов и соглашений. В результате на институциональном уровне формальные соглашения воспроизводят сами себя и переходят

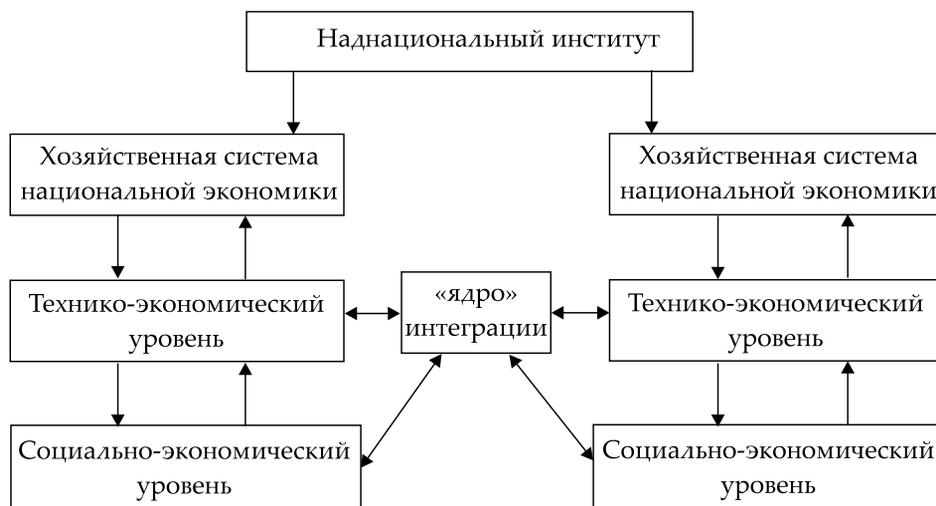
² В указанном случае автор определяет механизм перераспределения ресурсов как первичный компонент «ядра» наднационального института.

на следующий этап интеграции или останавливаются, или носят формальный характер.

В этой связи автором предлагается ввести понятие «ядра» наднационального института: формирование и оформление интеграционных связей между несколькими хозяйственными системами происходит на базе «ядра» интеграции национальных экономик, которое является совокупностью связей всех хозяйствующих субъектов в масштабе единого наднационального института. «Ядро» наднационального института состоит из механизма перераспределения ресурсов и его институционального закрепления, что обуславливает возможности для выравнивания и развития всех участников экономической интеграции. Наличие «ядра» наднационального института дает возможности для углубления экономической интеграции, при которой потребности национальных экономик соотносятся с возможностями наднационального института обеспечить развитие и выравнивание нескольких интегрирующихся хозяйственных систем национальных экономик, что обуславливает устойчивость подобных гетерогенных систем. В связи с этим представляется полезным изучение «ядра» наднациональных экономик через призму структурно-уровневого анализа для того, чтобы определить, на каком этапе начинается процесс деформации, который приводит к дисфункции и патологии институтов как конечного результата деформации. Рассмотрим авторскую трактовку функционирования условного наднационального института с позиции структурно-уровневого анализа (см. рис. 1).

В национальной экономике «структура хозяйственной системы предполагает выделение трех крупных структурных уровней: технико-экономического, социально-экономического, которые формируют фундамент экономической системы, и хозяйственного, на котором происходит закрепление функционирования системы. Структура хозяйственного уровня включает в себя организационно-экономический, институциональный и собственно хозяйственный подуровни. На хозяйственном уровне социально-экономические отношения опосредуются объективно необходимыми организационными отношениями, определяющими институциональные формы их функционирования. Собственно хозяйственный подуровень – уровень непосредственного хозяйствования» [1]. Формирование и оформление интеграционных связей между несколькими хозяйственными объединениями происходит на базе «ядра» интеграции национальных экономик, которое является совокупностью связей всех хозяйствующих субъектов в масштабе единого наднационального института. На рис. 1 можно увидеть, что технико-экономический и социально-экономический уровни хозяйственной системы являются взаимозависимыми и формируют «ядро» межгосударственного образования. На базе «ядра» создаются интеграцион-

ные связи между несколькими хозяйственными системами. Дисфункции на технико-экономическом и социально-экономическом уровнях хозяйственной системы одной или нескольких хозяйственных систем национальных экономик запускает процесс деформации «ядра» наднационального института, который перестает выполнять свою первоначальную функцию сближения национальных экономик.

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Функционирование наднационального института с позиции структурно-уровневого анализа

ПРИМЕР: Примером деформации «ядра» интеграции может служить межгосударственное объединение СНГ. Наличие дисфункций, как на технико-экономическом, так и на социально-экономическом уровне внутри национальных экономик интегрирующихся стран, приводит к тому, что при наличии единого технико-экономического комплекса не удастся создать механизм, который позволил бы опосредовать и скорректировать негативные последствия от экономической интеграции для стран, имеющих наиболее низкий уровень экономического развития. В результате происходит «атрофия» или уменьшение востребованности подобного наднационального института, так как создание единого экономического пространства без соответствующих механизмов перераспределения преимуществ от функционирования интеграционного объединения затрагивает наиболее острую проблему, касающуюся нарушения автономии новых государств на постсоветском пространстве без наличия видимых преимуществ при интеграции (или реинтеграции, если анализировать СНГ как наднациональный институт «сближения» бывших советских республик, где обеспечение экономического развития новых государств на постсовет-

ском пространстве являлось одной из приоритетных целей при создании организации [20]).

Однако остается вопрос, на каких этапах деформация «ядра» наднационального института наиболее пагубно влияет на экономическую интеграцию. В табл. 2 приведено влияние факторов технико-экономического, социального-экономического и институционального уровней на формирование «ядра» наднационального института.

При анализе основных критериев создания «ядра» интеграционного объединения мы имеем возможность выявить «укорененную» и «приобретенную» деформацию «ядра» наднационального института. Под «укорененной» деформацией понимается формирование «ядра» интеграционного объединения путем форсирования интеграционных процессов или «жесткого характера интеграции» [7, с. 17], когда имеющиеся дисфункции в системе доминирующей национальной экономики или глобального финансового института запускают процесс деформации создающегося наднационального института. При наличии «укорененной деформации» дисфункция заложена в саму структуру наднационального института. Под «приобретенной» деформацией «ядра» интеграционного объединения автор понимает устаревание механизма перераспределения ресурсов, который остается востребованным, но по объективным причинам не может служить способом выравнивания национальных экономик в рамках созданного наднационального института и перестает отвечать возможностям и реальным потребностям в экономической интеграции.

ПРИМЕР: в качестве примера «укорененной» деформации можно привести интеграцию в СНГ или интеграцию в рамках Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС). Нарушение интеграционных связей в ЭКОВАС вызвано деформацией «ядра» интеграции национальных экономик. Разрыв между реальной потребностью в интеграции и принимаемых мерах ее обеспечения привели к тому, что схема интеграции национальных экономик, составленная на основании указаний Всемирного Банка для интеграционных объединений Африки, носила исключительно формальный характер и несколько не меняла сложившуюся ситуацию. Подобный подход сохранил статус африканского континента как наименее проницаемого для трансграничных экономических обменов [21]. Невозможность обеспечить подписанные договоренности закономерным образом привела к усилению неформальных институтов интеграции, связанных с нерегулируемой приграничной торговлей.

К основным причинам развития такого типа интеграции относятся деформации на социально-экономическом и впоследствии институциональном уровне формирования «ядра» интеграции, если таковая не смогла устранить дисфункции внутри национальных экономик в виде

Таблица 2

Основные факторы формирования «ядра» наднационального института

Факторы	Содержание	Проекция факторов на интерес, заграгивающей создание, развитие и дальнейшее функционирование интеграционного объединения	технико-экономический	социально-экономический	институциональный
Природные ресурсы	Представлен ресурсным потенциалом интегрирующихся стран и их специализацией в рамках сложившихся производственных цепочек, а также возможностью углубления имеющихся хозяйственных связей	Наличие единого технико-экономического комплекса, восстановление производственных, культурных, исторических связей (примеры: ЕАЭС/СНГ). Безопасность и либерализация торговых связей (примеры: САДК/SACU) Чистая торговая интеграция (НАФТА/МЕРКОСУР/ГТП)	Наличие единого технико-экономического комплекса, а также общих культурных и исторических связей формируют общественный запрос в воссоздании ранее существовавших экономических связей. Развитие интеграционных связей опосредуется прозрачностью трансграничных обменов, что включает в себя развитие «укорененных» таможенных институтов для углубления торговой интеграции	Включают в себя механизмы опосредования отношений между национальными экономиками, которые выражаются в институционализации экономических интересов хозяйствующих субъектов в рамках единого наднационального института в ходе процесса создания набора формальных и неформальных норм, правил и статусов для обеспечения интеграции национальных экономик.	

Продолжение табл. 2

Факторы	Содержание	Проекция факторов на интерес, затрагивающий создание, развитие и дальнейшее функционирование интеграционного объединения		
		техничко-экономический	социально-экономический	институциональный
Трудовые ресурсы	Представлены демографическими факторами, социально-экономическим, этнографическим положением населения и его «качеством»	Наличие общего языка, уровня образованности населения при сильной дифференциации уровня жизни между двумя или несколькими интегрирующимися странами инициируют запуск интеграционных процессов в рамках движения рабочей силы	Дифференциация уровня жизни населения обуславливает миграцию населения из регионов в областные центры, из областных центров в мегаполисы или соседние страны, имеющие более высокий уровень экономического развития.	Включает в себя ассимиляцию населения и адаптацию неформальных и формальных правил и норм в соответствии с новым общественным укладом.
Исторические предпосылки	Представлены наличием «укорененных» культурных, хозяйственных и исторических связей между интегрирующимися национальностями экономикami	На данном уровне происхождения формирования единого технико-экономического комплекса на основе совокупности культурных, исторических, хозяйственных связей	Исторические предпосылки обуславливают готовность общества к углублению интеграционных связей (от чистой торговой интеграции к экономическому союзу и военно-политическому блоку)	Включает в себя наличие общих «укорененных» институтов, обеспечивающих «правильную» интеграцию национальных экономик

Окончание табл. 2

Факторы	Содержание	Проекция факторов на интерес, затрагивающий создание, развитие и дальнейшее функционирование интеграционного объединения	
		техническо-экономический	социально-экономический
Экономические факторы	Представлены экономико-географическим положением, транспортным, транспортной освоенностью территории	Географическое расположение и транспортная освоенность территорий являются одними из ключевых факторов в обеспечении торговой интеграции и встраивания национальной экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости	Положительный эффект от создания международных транспортных коридоров с социально-экономической точки зрения является залогом устойчивого развития регионов интегрирующихся национальных экономик
Технологии	Представлены продуктами IT рынка и наукоемкими отраслями производства	Использование новых технологий в торговой и финансовой интеграции (финтех, регтех и т.д.)	Включает в себя адаптацию институциональной среды, включая контракты и их инфорсмент к новому технологическому укладу, что будет опосредовано совершенно новым институциональным дизайном, который будет отличаться от уже сложившейся системы экономических отношений.

Источники: разработано и составлено автором по: [16; 20].

бедности населения, высокой доли государственного регулирования, связанной с высокими административными барьерами, а также опасения более молодых, политически и экономически слабых государств потери контроля над территориями в случае успешного развития интеграции.

Пример: наглядным примером «приобретенной» деформации «ядра» может служить интеграция в рамках наднационального института Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС). В отличие от СНГ, Таможенный Союз и его дальнейшая трансформация в ЕАЭС основывалась на фундаменте в виде конкретного механизма обеспечения технико-экономического сотрудничества, который определял интерес и экономическую целесообразность функционирования интеграционного объединения. В результате, начиная с самого момента своего создания, Таможенный Союз демонстрировал уверенный рост показателей внешней торговли, инвестиций в основной капитал и прямые иностранные инвестиции, а также высокие темпы роста ВВП стран-участниц. Однако после преобразования Таможенного Союза в ЕАЭС эффективность формата начала снижаться. К основным причинам снижения эффективности интеграции в ЕАЭС можно выделить:

- изменение внешней конъюнктуры, связанной с ценами на нефть, что привело к необходимости модернизации текущего механизма перераспределения ресурсной ренты, так как для главного игрока ЕАЭС в лице Российской Федерации продажа энерго-ресурсов в страны ЕАЭС без экспортной пошлины при относительно низких ценах на нефть стало обременением для российского бюджета, что также снизило заинтересованность РФ в присоединении к ЕАЭС новых членов;
- на макроуровне интеграция в ЕАЭС иницируется доминирующей экономикой и зачастую носит в большей степени политический, а не экономический характер и тем самым опосредует «жесткий» характер интеграции;
- отсутствие отраслевого характера экономической интеграции. Под отраслевой интеграцией понимается сбалансированность экономической интеграции на микро- и макроуровне, которая позволяет участникам интеграционного объединения интегрироваться в глобальные цепочки добавленной стоимости. В ЕАЭС и СНГ наблюдается схожая ситуация, связанная с низкой степенью специализации стран и их интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости;
- форсирование интеграции. Под форсированием интеграции понимается искажение, которое происходит, если попытка инициации интеграционных процессов происходит искусственно по принципу командно-административной системы, когда формально задана более высокая планка экономической интеграции, чем реальные

возможности и заинтересованность сторон. Эту ситуацию можно наблюдать при становлении ЕАЭС. Несмотря на первичный интерес стран к механизму перераспределения ресурсной ренты и общей таможенной территории, объективно не сформировалась потребность в дальнейшей унификации финансовой системы и создании общих рынков. В результате формально имея более продвинутый вид экономической интеграции, ЕАЭС функционирует по большей части как таможенный союз, что приводит к разрыву между функционированием формальных институтов экономической интеграции в ЕАЭС и объективными потребностями экономик стран, входящих в организацию (подробнее см. [20]).

Таким образом, «формирование нового институционального дизайна в интеграции как целенаправленного изменения институтов, предполагающее присутствие в экономической системе агентов, которые разрабатывают и реализуют план трансформации» [22], связано с трансформацией «ядра» интеграционных объединений, которые могут иметь значительное количество «приобретенных» и «укорененных» деформаций.

Заключение

Несмотря на наличие многих глубоких и подробных исследований дисфункции экономических институтов, не всегда удается определить, на каком этапе развития экономической интеграции наднациональный институт перестает выполнять свои функции. Подобная задача затрудняется тем, что долговременный процесс деформации затрагивает сразу несколько хозяйственных систем национальных экономик и определяет успешность их функционирования, а происходящая в дальнейшем постепенная стагнация наднационального института не всегда может быть объяснена имеющимися категориями или будет требовать множества уточнений. Естественно, существующие патологии и дисфункции интегрирующихся национальных экономик на разных уровнях хозяйственной системы оказывают значительное влияние на экономические интеграционные процессы, и определение механизма перераспределения ресурсов или «ядра» наднационального института позволит прогнозировать перспективы (развитие или стагнацию) межгосударственного образования. Применение структурно-уровневого подхода позволяет провести анализ и выявить уровни наднационального института, на которых происходит деформация интеграционных связей, а также определить, является ли данная деформация укорененной или приобретенной. Подобный подход будет способствовать предотвращению (или корректировке) процесса «деформации» ядра наднационального института.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карасева Л.А.* Метод структурных уровней в познании экономических отношений: монография. Тверь: Тверской Государственный университет, 2011.
2. *Карпов А.Л.* Теория конкурентного преимущества: абсолютное и сравнительное преимущество, эмпирическая проверка // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2005. № 4. С. 34–40.
3. *Найденова Н.В., Шкрябина А.Е.* Эволюция теорий и концепций внешней торговли в экономических исследованиях XX века // Вестник СГСЭУ. 2018. № 4 (73). С. 36–39.
4. *Сухарев О.С.* Дисфункция правил и институциональная эффективность // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 2. С. 433–450.
5. *Сухарев О.С.* Теория экономической дисфункции. М.: Машиностроение, 2001.
6. *Сухарев О.С.* Теория институциональных и экономических дисфункций российской школы: ретроспективы и перспектива // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2021. Т. 16. № 1. С. 19–38.
7. *Алиев У.Ж.* Базовый понятийно-категориальный аппарат общей теории интеграции: введение к системному построению // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2. РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2018. С. 16–19.
8. *Верников А.В.* Диагностика патологии института (на примере гарантирования банковских вкладов) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 27–47.
9. *Tadelis S., Williamson O.* Transaction Cost Economics. SSRN Scholarly Paper (Rochester, NY: Social Science Research Network, March 12, 2012). <https://papers.ssrn.com/abstract=2020176>.
10. *North D., Wallis J., & Weingast B.* Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. doi:10.1017/CBO9780511575839.
11. *Coase R.* The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–44.
12. *Demsetz H.* Toward a Theory of Property Rights // Amer. Econ. Rev. 1967. 57:2. Pp. 347–359.
13. *Williamson O.* The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38. No. 3. P 595–613. <https://doi.org/10.1257/jel.38.3.595>.
14. *Seiffert-Brockmann J.* Evolutionary Psychology: A Framework for Strategic Communication Research// International Journal of Strategic Communication. 2018. 12:4. P. 417–432. DOI: 10.1080/1553118X.2018.1490291.
15. *Smith V.L.* Experimental Economics: Induced Value Theory// The American Economic Review, American Economic Association. 1976. Vol. 66. No. 2. Pp. 274–79. <http://www.jstor.org/stable/1817233>.
16. *Медведев И.В.* Роль российских компаний в экономических интеграционных проектах «Один Пояс – Один Путь»: Теоретические и методологические основания // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 4. С. 185–201.
17. *Baier S.L., Bergstrand J.H.* Do Free Trade Agreements Actually Increase Members' International Trade// Journal of International Economics. 2007. Vol. 71 (1). Pp. 72–95.
18. *Schiff M., Winters L.A.* Regional Cooperation, and the Role of International Organizations and Regional Integration// Policy Research. Working Paper, 2872. The World Bank, 2002.

19. *Machlup F.* A History of Thought on Economic Integration. Palgrave Macmillan UK. 1977.
20. *Медведев И.В.* Теоретические и методологические основы экономических интеграционных процессов на постсоветском пространстве в рамках ЕАЭС // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 4 (48). С. 183–191.
21. *Рыжова Н.П.* Роль институтов в международной экономической интеграции // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 72–88.
22. *Полтерович В.М.* Стратегии модернизации, институты и коалиции. Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 4–24. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-4-4-24>.

REFERENCES

1. *Karaseva L.A.* Method of structural levels in the knowledge of economic relations: monograph. Tver, 2011. (In Russ.).
2. *Карпов А.Л.* Competitive Advantage Theory: Absolute and Comparative Advantage, Empirical Testing // Bulletin of Omsk University. Series "Economics". 2005. No. 4. Pp. 34–40. (In Russ.).
3. *Naydenova N.V., Shkryabina A.E.* Evolution of theories and concepts of foreign trade in economic research of the 20th century // Vestnik SGSEU. 2018. No 4 (73). Pp. 36–39. (In Russ.).
4. *Sukharev O.S.* Rule Dysfunction and Institutional Efficiency // Journal of Economic Theory. 2020. Vol.17. No 2. Pp. 433–450. (In Russ.).
5. *Sukharev O.S.* Economic dysfunction theory. M.: Mechanical engineering, 2001. (In Russ.).
6. *Sukharev O.S.* The Theory of Institutional and Economic Dysfunctions of the Russian School: Retrospectives and Prospects // Bulletin of the Perm University. Series: Economy. 2021. Vol. 16. No. 1. Pp. 19–38. (In Russ.).
7. *Aliev U.* The basic conceptual and categorical apparatus of the general theory of integration: an introduction to system construction // Greater Eurasia: Development, security, cooperation. Yearbook. Iss. 1. Part 2 / RAN. INION. Dep. scientific cooperation. M., 2018. Pp. 16–19. (In Russ.).
8. *Vernikov A.V.* Institutional pathology and its diagnostics (the case of deposit insurance) // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021. No 2. Pp. 27–47. (In Russ.).
9. *Tadelis S., Williamson O.* Transaction Cost Economics. SSRN Scholarly Paper (Rochester, NY: Social Science Research Network, March 12, 2012). <https://papers.ssrn.com/abstract=2020176>.
10. *North D., Wallis J., & Weingast B.* Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. DOI:10.1017/CBO9780511575839.
11. *Coase R.* The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–44.
12. *Demsetz H.* Toward a Theory of Property Rights. Amer. Econ. Rev. 1967. 57:2. Pp. 347–359.
13. *Williamson O.* The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead, Journal of Economic Literature. 2000. V. 38. No. 3. Pp 595–613. <https://doi.org/10.1257/jel.38.3.595>.
14. *Seiffert-Brockmann J.* Evolutionary Psychology: A Framework for Strategic Communication Research, International Journal of Strategic Communication. 2018. 12:4. Pp. 417–432. DOI: 10.1080/1553118X.2018.1490291.

15. *Smith V.L.* Experimental Economics: Induced Value Theory. The American Economic Review, American Economic Association. 1976. Vol. 66. No. 2. Pp. 274–279. <http://www.jstor.org/stable/1817233>.
16. *Medvedev I.V.* The role of Russian companies in economic integration projects «ONE BELT ONE ROAD»: theoretical and methodological ground // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No4. Pp. 185–201. (In Russ.).
17. *Baier S.L., Bergstrand J.H.* Do Free Trade Agreements Actually Increase Members' International Trade. Journal of International Economics, 2007. Vol. 71 (1). Pp. 72–95.
18. *Schiff M., Winters L.A.* Regional Cooperation, and the Role of International Organizations and Regional Integration. Policy Research. Working Paper, 2872. The World Bank, 2002.
19. *Machlup F.* A History of Thought on Economic Integration. Palgrave Macmillan UK. 1977.
20. *Medvedev I.V.* Theoretical and methodological bases of economic integration in the post-soviet countries in the framework of EAEU // Bulletin of the Tver State University. Series: Economics and Management. 2019. No 4 (48). Pp. 183–191. (In Russ.).
21. *Ryzhova N. P.* The role of institutions in international economic integration // Spatial Economics. 2013. No 1. Pp. 72–88. (In Russ.).
22. *Polterovich V.M.* Modernization strategies, institutions and coalitions. Questions of Economics. 2008. № 4. Pp. 4–24. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-4-4-24>. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 30.11.2021 г.

ABOUT THE AUTHOR

Medvedev Ilya Vitalievich – postgraduate student of the Institute of Economics and Management of the Tver State University, Tver, Russia
ilya13092@yandex.ru

IMPACT OF THE DEFORMATION OF SUPRANATIONAL INSTITUTIONS ON THE INTEGRATION OF NATIONAL ECONOMIES

The article is devoted to the analysis of the theoretical foundations for the convergence of national economies, as well as the reasons that cause the deformation of supranational institutions. For this purpose, a comparative analysis of theoretical approaches to the determination of institutional dysfunction has been carried out in the work. The study substantiates the need to introduce the term «deformation» of national economies as a process leading to the occurrence of pathology and further dysfunction of the supranational institution. It is concluded that due to interconnection of national economies through the supranational institution of integration start of the deformation process either at technical and economical levels or at social and economical ones leads to an erosion of economic ties between countries and pathologies of the supranational institution. The paper shows that if the «rooted» deformations of the core of an integration association often can't be eliminated, then the «acquired» deformations of the core of integration can be eliminated if they are timely detected (not long after an integration association was established). The transformation of the integration institution can be either adaptation or a complete redistributing the benefits of integration received by national economies from integration processes.

Keywords: *deformation of the institution, dysfunction of the institution, economic institutions, institutional evolutionary approach.*

JEL: A10, A12, E02, E14.

Е.С. РОМАНЧУК

аспирант, младший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

СОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОЭСР И МНОГОСТОРОННИХ ИНСТИТУТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

В последние годы Узбекистан стал одним из основных получателей средств официальной помощи развитию, направляемых в государства постсоветского пространства. В данной статье проанализирована структура этой помощи, ее динамика по годам и приведены основные мотивы развитых государств (доноров) в их стремлении помогать экономическому развитию Узбекистана. С учетом того вклада, который различные доноры вносят в официальную помощь развитию, они разделены на три группы: азиатские государства; страны, расположенные вне региона; международные институты, включая многосторонние банки развития. По итогам проведенного анализа был сделан вывод о том, что в краткосрочной перспективе наиболее результативным для Узбекистана представляется сотрудничество с КНР, а в долгосрочной перспективе, принимая во внимание необходимость проведения в стране структурных реформ, больше выгод принесет взаимодействие с многосторонними институтами развития, Японией, Республикой Корея и европейскими государствами.

Ключевые слова: официальная помощь развитию, ОЭСР, Узбекистан, многосторонние институты.

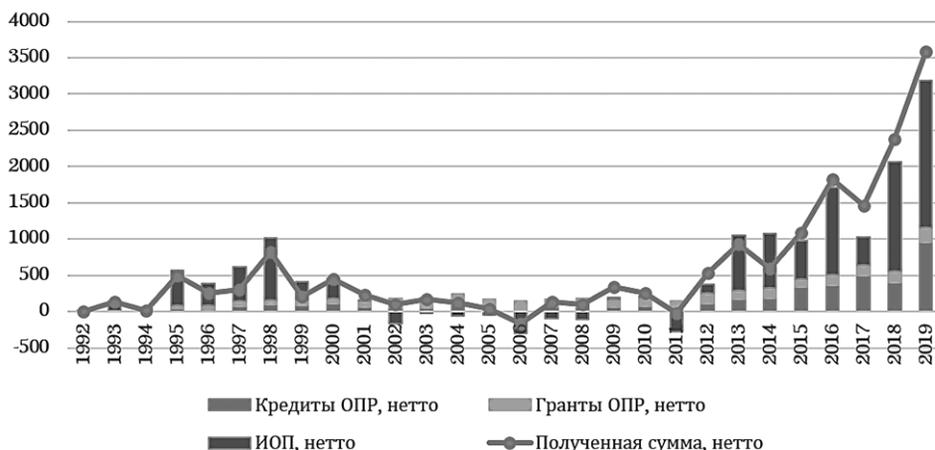
JEL: F34, F35.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_131_152.

Идея о том, что более сильные нации несут особую ответственность по отношению к более слабым государствам, получила развитие в шестидесятых годах прошлого века одновременно с созданием Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и с началом сбора и обработки данных о потоках ресурсов, направляемых в развивающиеся страны. С этого времени стало возможным оценить вклад в мировое развитие каждого государства, подающего сведения в ОЭСР, и отследить активность по данному направлению в разрезе

отдельных развивающихся государств и регионов. Стоит отметить, что особенностью статистических данных по объемам помощи является временной лаг, с которым они публикуются. В частности, поэтому в настоящей статье приводятся данные за период до 2019 г. включительно, так как сформированных и выверенных специалистами ОЭСР итоговых данных по каждому донору и стране-реципиенту за 2020–2021 гг. пока нет.

Показатели последнего из доступных годов по странам постсоветского пространства, свидетельствующие, что Республика Узбекистан получила 3,6 млрд долл. США или около трети поступивших в регион средств в рамках официальной помощи развитию (далее – ОПР)¹, заставляют задуматься о том, с чем может быть связан оптимизм государств-членов ОЭСР в отношении этой страны и их желание помогать ей больше остальным. Стремительность роста объемов разного рода иностранной помощи Узбекистану за последние два года лучше всего иллюстрирует график на рис. 1. Так, сумма помощи, поступившая в Узбекистан в 2019 г., была в 2,5 больше помощи в 2017 г. При этом увеличение поступлений денежных средств в страну происходит как за счет роста объемов кредитов и грантов ОПР, так и благодаря наращиванию объемов поступлений иных источников помощи.

Источник: составлено автором по данным Creditor Reporting System (CRS). <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 05.04.2022).

Рис. 1. Динамика иностранной помощи Республике Узбекистан, млн. долл. США

¹ Рассчитано автором на основании данных, опубликованных в ежегодном сборнике ОЭСР [4]. Всего в страны постсоветского пространства поступило порядка 11,3 млрд долл. США

Большие объемы «дешевых» инвестиций в развитие Узбекистана делают актуальным рассмотрение вопросов о том, какие страны и институты, в каких объемах и с какой целью помогают республике.

Но прежде стоит пояснить значение используемой в данной статье терминологии. Государства-члены ОЭСР с развитой экономикой в обязательном порядке ежегодно отчитываются об объемах помощи, предоставленной развивающимся государствам в целях развития. Некоторые страны, не входящие в ОЭСР, и многосторонние организации публикуют отчеты об объемах выдаваемой ими ОПР на добровольной основе. Согласно классификации ОЭСР, в группу «ОПР» попадает информация о средствах, выделенных в виде грантов, а также льготные кредиты со сроком погашения более одного года, включающие субсидиарный элемент в размере не менее 25%. В случае, если выполняется один из двух критериев (размер субсидиарной части или цели использования), то эти операции учитываются среди «иных официальных потоков» (ИОП) [1, р. 872].

Мотивы доноров и эффективность иностранной помощи

В теоретической литературе, посвященной анализу иностранной помощи развивающимся государствам, как, например, в известной работе Р. Риддела «Действительно ли работает иностранная помощь?», обычно приводят следующие мотивы стран-доноров: помощь развивающимся странам в развитии (экономический рост и сокращение масштабов нищеты), укрепление исторических связей, борьба с терроризмом, защита прав человека и другие [2, pp. 91–92]. В то же время, как указывал другой американский исследователь С. Ланкастер [3], за актом оказания развитым государством помощи может скрываться сочетание как гуманитарных, так и эгоистичных мотивов, при этом в определенные моменты времени и в отношении конкретных получателей и контекстов акцент смещается.

П. Франциссо, С.Б. Мореира и Й. Саиано [4] обобщили возможные мотивы действий развитых государств по оказанию помощи развивающимся странам и предложили сгруппировать их в пять крупных категорий: идеологические, политические, коммерческие, охранительные (*англ.* securitarian) и культурные. Дж. Сакс отмечает, что с идеологической точки зрения ОПР воспринимается развитыми государствами как моральный долг, связанный с солидарностью богатых стран с более бедными странами в рамках сочувствия к отдельным народам [5]. В этом смысле сильное влияние, по мнению Р. Раджана и А. Субраманиана, могут оказывать бывшие колониальные связи [6].

Политический мотив проявляется в использовании ОПР для укрепления национального влияния и престижа развитого государства как

в отношении получателей помощи, так и в среде сообщества доноров. Ф. Бикенбах, А. Мбели и П. Нунненкамп, проанализировав основания предоставления двусторонней и многосторонней помощи развивающимся государствам за период 1995–2015 гг., пришли к выводу, что это делается не всегда «на основе заслуг», т.е. не только нуждающимся странам с «относительно хорошим [государственным] управлением» [7]. Промышленно развитые страны могут использовать помощь для покупки «военной поддержки или голосов в международных органах, поддержке дружественных правительств, вознаграждении стран, которые открыты для экспорта доноров, или, в более общем плане, “покупке” услуг у правительства получателя в обмен на помощь» [8, р. 734]. Также нередки случаи использования донором помощи с целью поощрения его национальной культуры в стране-реципиенте, включая его язык. Так, Ф. Пакеман, проанализировав стратегии и виды содействия, предоставляемого Францией и Великобританией их бывшим колониям, указывает на сильное языковое влияние доноров и их права в государствах-получателях помощи. Также тесное сотрудничество Франции с ее бывшими колониями обеспечивается, по мнению автора, за счет продолжения функционирования в Африке валютных зон с привязкой к евро [9].

Стимулом для оказания помощи может стать наличие значительных коммерческих связей между донорами и реципиентами. В этом случае ОПР предоставляется реципиенту для оплаты поставляемых компаниями страны-донора товаров и оказываемых услуг, что прежде всего способствует расширению возможностей для развитого государства. Э. Лундсгаарде, Ч. Бреуниг и А. Пракаш проанализировали мотивы предоставления помощи развитыми государствами с 1980 по 2002 гг. и выявили, что в этот период преобладала логика «помощь после торговли» [10], т.е. во главу угла ставилось укрепление существующих двусторонних торговых связей со странами-получателями.

В XXI веке иностранная помощь стала активно использоваться не только как политический или экономический инструмент, но и как способ повышения национальной безопасности доноров, особенно в отношении угроз, связанных с терроризмом, незаконным оборотом запрещенных веществ, незаконной иммиграцией и торговлей людьми. Иными словами, как утверждал Р. Риддел, доноры предоставляют помощь развивающимся странам для того, чтобы обезопасить себя от конкретных угроз, исходящих от определенных бенефициаров [11]. В продолжение данной логики П. Кольер и А. Хеффлер утверждали, что иностранная помощь может сыграть значительную роль в предотвращении конфликтов, а также в улучшении перспектив постконфликтного мира и процветания [12].

В дополнении к изложенному выше стоит отметить еще две особенности иностранной помощи. Первую заметили Э. Фрот и Дж. Сантисо, назвав ее стадным поведением: когда бенефициар получает больше помощи от одного конкретного донора, он может в равной степени привлечь больше помощи от других [13]. Вторую особенность выявили Э. Дабла-Норрис, С. Миною и Л. Занна: пожертвования на оказание помощи значительно сокращаются, когда доноры испытывают резкие спады в экономике [14].

Дебаты об эффективности иностранной помощи ведутся давно. Авторы, пишущих работы по данной тематике, можно условно разделить на три группы. Первую группу представляют те, которые утверждают, что иностранная помощь обеспечивает необходимый капитал для стимулирования развивающихся стран к самоподдерживающемуся экономическому росту [15], а адресная помощь может способствовать искоренению нищеты в этих государствах [16].

Ко второй группе относятся критики иностранной помощи, как например, Х. Дукулиагос, М. Палдам [17], а также Д. Мойо, который утверждает, что помощь «увечивает цикл нищеты и подрывает устойчивый экономический рост» страны [18, р. 28]. Третью группу составляют ученые, считающие, что помощь может быть эффективной при определенных условиях (например, К. Гомани и др. [19]). Эффективность зависит от используемого донорами для распределения помощи метода и таких характеристик государства-получателя, как качество государственного управления, институциональный потенциал страны и прочее [20]. Структурная уязвимость страны-реципиента к внешним потрясениям также имеет значение [21].

Азиатские доноры Узбекистана

Оценка реальной активности доноров в той или иной стране осложняется тем, что крупнейшие экономики мира, такие как Бразилия, Индия, Индонезия, Китай и ЮАР, не отчитываются перед ОЭСР [22]. Группы исследователей из разных стран пытаются определить размер помощи развивающимся государствам, поступающей из этих стран, но полученные ими данные не всегда точно отражают картину по тому или иному донору. В частности, интерес представляют расчеты экспертов в рамках проекта AIDDATA. В списке из 25 государств, получивших наибольший объем средств, которые можно было бы классифицировать как ОПР, в период с 2000 по 2017 гг., Узбекистан занимает 12-е место с суммой поступлений в размере 2,24 млрд долл. США [23, pp. 19–20].

В январе 2020 г. открылся первый в Центрально-Азиатском регионе офис экономического сотрудничества КНР [24], что свидетельствует о приоритетности Узбекистана в центральноазиатской политике Пекина.

По состоянию на середину 2021 г. из 24,2 млрд долл. США долг Узбекистана перед китайскими финансовыми институтами (Эксимбанком Китая и Государственным банком развития КНР) составлял 4,2 млрд долл. США или 17,3% от всего объема внешнего долга [25]. Китайский капитал инвестируется в широкий спектр проектов, включая традиционную и возобновляемую электроэнергию, нефтехимию, строительство и текстильную промышленность, а также в быстро развивающиеся цифровую инфраструктуру и телекоммуникации [26].

Исходя из незначительной доли Узбекистана во внешнеторговом обороте Китая, равной 0,12% (табл. 1), интересы последнего вряд ли можно объяснить торговыми вопросами. В то же время географическое положение Поднебесной играет значительную роль. Центрально-Азиатский регион выступает как буферная зона между Афганистаном и Синьцзян-Уйгурским автономным округом, входящим в состав КНР, а также служит «сухопутным транзитным узлом для всего континента» [27]. В видении китайских экспертов экономическое развитие считается основой сохранения стабильности и безопасности как в отдельной стране, так и в регионе в целом [28]. Поэтому политические мотивы Пекина подкрепляются кредитами его финансовых институтов.

Таблица 1

Показатели значимости ключевых торговых партнеров во внешней торговле Узбекистана в 2020 году

	Экспорт из РУ*, млн долл. США	Доля от экспорта из РУ, %	Доля от импорта в страну назначения, %	Импорт в РУ, млн долл. США	Доля от импорта в РУ, %	Доля от экспорта из страны назначения, %	Внешнеторговый оборот, млн долл. США	Доля от всего товарооборота РУ, %	Доля от внешнеторгового оборота страны назначения, %
Китай	1282	9,77	0,06	4426	22,18	0,17	5708	17,25	0,12
Россия	1162	8,85	0,50	4080	20,44	1,21	5242	15,84	0,92
Казахстан	732	5,58	1,92	2091	10,48	4,45	2824	8,54	3,32
Республика Корея	20	0,15	0,00	1935	9,69	0,38	1955	5,91	0,21
Турция	949	7,23	0,43	1073	5,37	0,63	2022	6,11	0,52
Германия	22	0,17	0,00	692	3,47	0,05	714	2,16	0,03

*РУ – Республика Узбекистан.

Рассчитано по: Trade Map – Trade statistics for international business development. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 05.04.2022).

Расширение финансового сотрудничества Узбекистана с Китаем за последние пять лет объясняется появившимися возможностями для институтов развития КНР, связанными с пересмотром узбекской долговой политики и стремительным наращиванием государственного внешнего долга республики. Значительно снижает риск возможного невозврата инвестиций, вложенных в проекты на территории республики, включение в соглашения о предоставлении кредитов положения, позволяющего кредитору расторгнуть контракт и потребовать немедленного погашения в случае значительных изменений законодательства или политики в стране-должнике, а также нормы «без Парижского клуба», которая прямо обязывает заемщика исключить долг из реструктуризации в Парижском клубе официальных двусторонних кредиторов и из любого сопоставимого режима задолженности [29].

В отличие от Пекина Токио старается жестко придерживаться западных либеральных и демократических норм. При этом Япония предоставляет ОПР Узбекистану больше других доноров, отчитывающихся перед ОЭСР (см. рис. 2). Приоритетными сферами направления японской помощи Узбекистану являются: модернизация существующей транспортной и энергетической инфраструктуры, подготовка кадров для государственного и частного секторов экономики, институциональное строительство и оказание помощи бедным и социально уязвимым слоям общества [30].

Источник: составлено автором по данным Creditor Reporting System (CRS). <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 05.04.2022).

Рис. 2. Соотношение взносов развитых государств (слева) и многосторонних институтов (справа) в ОПР Узбекистану

Большая часть японских ресурсов направляется в сферу электроэнергетики. Через Японский банк международного сотрудничества (*англ.* Japan Bank for International Cooperation) реализованы такие проекты как строительство Шуртанского газохимического комплекса и реконструкция Ферганского нефтеперерабатывающего завода [34]. Одним из крупнейших проектов, профинансированных за счет займа Японского агентства по международному сотрудничеству (*англ.* Japan International Cooperation Agency), стал проект, предусматривающий строительство двух энергоблоков Туракурганской ТЭС. Его стоимость составила около 1,2 млрд долл. США, из которых около 60% было предоставлено агентством, остальные – Фондом реструктуризации и развития Узбекистана и АО «Узбекэнерго». Строительство двух парогазовых установок осуществлял консорциум японских компаний японских Mitsubishi Corporation и Mitsubishi Hitachi Power Systems, партнером по строительству ряда компонентов стала турецкая Calik Enerji Sanayi ve Ticaret AS [32]. Указанные компании также участвовали в модернизации Навойской ТЭЦ, стоимостью 550 млн долл. США, из которых заём Японского агентства составил 300 млн долл. США [33].

В 2019 г. на реализацию второй фазы Навойской ТЭЦ агентством одобрено предоставление Республике Узбекистан двух кредитов по линии ОПР на беспрецедентно большую сумму, эквивалентную 1 176 млн долл. США. Еще два кредита на сумму, эквивалентную 335,8 млн долл. США, будут потрачены на «создание безопасной и автономной системы эксплуатации, технического обслуживания и управления существующими электростанциями путем модернизации оборудования и поставки запасных частей, а также развития потенциала персонала по эксплуатации и техническому обслуживанию»².

В итоге показатели взятых развитыми странами обязательств (*англ.* Commitments) в отношении помощи Узбекистану в 2019 году увеличились более чем в 38 раз по сравнению с предыдущим годом (рис. 3).

Обращает на себя внимание тот факт, что такому масштабному инвестированию японских институтов в сферу электроэнергетики Узбекистана предшествовало ее тщательное изучение в 2000-х годах, а также работа с другими организациями, финансирующими проекты в данной области. Например, в 2010–2015 гг. Японское агентство по международному сотрудничеству профинансировало модернизацию Талимарджанской ТЭС на 300 млн долл. США. Общая стоимость проекта составила 1,28 млрд долл. США, из которых 350 млн долл. США выделил Азиатский банк развития (АБР). Он же осуществлял администрирование кредита агентства.

² Данные взяты из статистической базы ОЭСР. <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 15.12.2021).

ских предприятий в странах Центральной Азии (автомобильный завод Daewoo, Daewoo Unitel, Kabool Textiles и т.д.) в качестве «побочного эффекта» привели к более широкому участию корейского правительства в делах Центральной Азии.

Помощь стран, расположенных вне региона

Наряду с Китаем, Японией и Республикой Корея в развитие Узбекистана инвестируют и европейские государства. С точки зрения тех изменений, которые сопровождают помощь из Европы, она представляется самой заметной в республике. Приоритетами Европейского Союза (ЕС) являются как продвижение общечеловеческих ценностей – соблюдение прав человека, развитие гражданского общества и верховенство закона, так и укрепление безопасности в «Большой Центральной Азии», включающей Афганистан [38, р. 2].

Установка Европейского парламента «увязывать предоставление помощи Узбекистану из внешних финансовых инструментов ЕС и кредитов ЕИБ [Европейского инвестиционного банка] и ЕБРР [Европейского банка реконструкции и развития] с продолжением прогресса в реформировании [страны]» [39], которой вынуждены следовать европейские государства и их институты развития, определяет необходимость узбекских властей идти на уступки для получения выгод от сотрудничества с ЕС. Так, для получения преференциального доступа узбекских товаров на европейский рынок по системе GSP+ Правительство Республики Узбекистан должно было не просто подписать 27 международных конвенций в отношении защиты прав человека, охраны окружающей среды и борьбы с коррупцией [43]³, но и подтвердить их соблюдение внутри страны.

В 2019 г. совокупная помощь Узбекистану Германией, Францией и Швейцарией составила 574 млн долл. США (или около трети помощи, поступившей от развитых стран) (подробнее см. табл. 2).

Наиболее активной по узбекскому направлению является Французская Республика. В ходе визита Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева в эту страну в 2018 г. было подписано 17 документов в инвестиционной сфере на сумму около 4 млрд евро, включая Соглашение о сотрудничестве с Французским агентством развития (*фр.* Agence Française de Développement) на сумму чуть более 1 млрд евро,

³ Подробный перечень приведен в Annex VII к Regulation (Eu) No 978/2012 Of The European Parliament And Of The Council. Applying a scheme of generalised tariff preferences and repealing Council Regulation (EC) No 732/2008. 25 October 2012. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32012R0978&from=EN#d1e32-58-1> (дата обращения: 15.12.2021).

Таблица 2

Помощь развитию Узбекистана, предоставляемая развитыми государствами (нетто), млн долл. США

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Бельгия	-0	4	3	-2	4	-1	6	0	4	43
Франция	1	-14	70	38	32	33	-1	30	4	191
Германия	-16	-32	58	80	53	126	73	30	298	200
Япония	-83	-174	-9	221	10	89	1 024	253	606	455
Республика Корея	185	24	-36	26	403	154	119	31	27	460
Нидерланды	7	н/д	н/д	н/д	-531	2	19	501	-2	98
Швейцария	1	37	-27	66	4	3	3	9	64	183
США	15	6	17	28	20	7	12	4	14	31
Иные развитые государства	42	64	22	-91	89	2	65	-1	1	32
Иные страны	47	14	9	7	4	9	70	4	45	85

Источник: составлено автором по данным <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 05.04.2022).

а также 5 торговых контрактов на сумму 23 млн долл. США [41]. Результатом углубления двусторонних взаимоотношений государств стал приход в страну четырех крупнейших французских компаний – Renault, Veolia, Suez и Total [42].

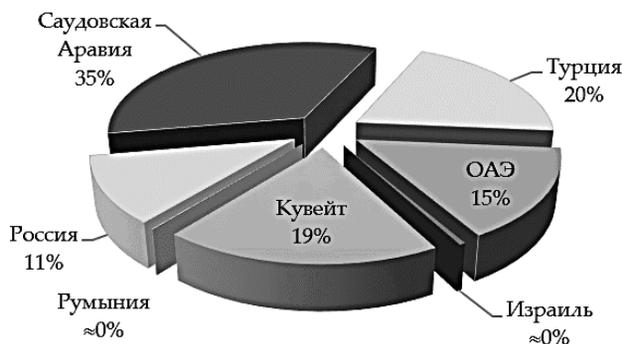
Немецкая корпорация международного сотрудничества (нем. Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH) на конец 2021 года имела скромный проектный портфель в Узбекистане: 19 текущих проектов с объемом снятого финансирования в 71,4 млн евро⁴. Однако его неоспоримым преимуществом стал «точечный подход» с акцентом на проведение исследований и подготовку технико-экономической документации по проектам. В частности, совместно с иностранными партнерами и национальными властями центральноазиатских государств немецкая корпорация проводит цифровизацию транспорта, внедряя «зеленые коридоры» – систему «экспресс-полос», позволяющую быстро пересекать границы для перевозок TIR⁵ с использованием цифровых гарантий.

⁴ Данные взяты с официального сайта организации: <https://www.giz.de/projekt/region/2/countries/UZ> (дата обращения: 15.12.2021).

⁵ Carnet TIR – документ таможенного транзита, дающий право перевозить грузы через границы государств в опломбированных таможенной кузовах автомобилей или контейнерах с упрощением таможенных процедур.

Необходимо отметить, что Швейцарская Конфедерация чувствует особую ответственность за судьбу Узбекистана (в 2019 году она предоставила ей помощь на сумму 183 млн долл. США), поскольку представляет интересы республики, а также некоторых других центральноазиатских государств в Советах директоров институтов Группы Всемирного банка, Международного валютного фонда и ЕБРР. В основе швейцарского стратегического подхода к работе со странами Центральной Азии лежит гидродипломатия – использование воды в качестве инструмента сотрудничества и мира, что включает в том числе совместное управление водной инфраструктурой и совместные инвестиции в нее [43; Р. 16]. Кроме того, Швейцария не оставляет без внимания сферу внешнеторгового сотрудничества. Например, в октябре 2021 г. были подписаны документы о присоединении Узбекистана к финансируемой Швейцарской Конфедерацией Глобальной программе содействия торговле (*англ.* Global Trade Facilitation Program), оказывающей помощь странам в приведении их торговой практики в соответствие с Соглашением ВТО об упрощении процедур торговли [44].

Помощь доноров из мусульманских государств – Саудовской Аравии, Турции, Кувейта и ОАЭ – не так существенна, как вложения азиатских крупных держав или европейцев: в 2019 году размер ОПР приблизился к цифре в 60 млн. долл. США (рис. 4). Отношения Узбекистана с исламским миром и его представителями Пакистаном и Саудовской Аравией, которые считаются источником возможных фундаменталистских волнений, всегда оставались сдержанными. После распада СССР ислам стал «обязательным эталоном идентичности, из которого нынешние элиты черпают свою легитимность» (первый президент Республики Узбекистан Ислам Каримов приносил присягу на священном для мусульман писании – Коране) [45], но не более.

Источник: составлено автором по данным <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 05.04.2022).

Рис. 4. Помощь развитию, предоставляемая Узбекистану, государствами – не членами ОЭСР (нетто)

Сложности состоят и с данными по объемам донорских средств, предоставляемых развивающимся государствам Россией. В соответствии с информацией, представленной на официальном сайте ОЭСР, за последние 10 лет ежегодный объем ОПР, выделенный Российской Федерацией развивающимся государствам, составлял в среднем 550,4 млн долл. США, что значительно меньше значений ОПР от ОАЭ (ежегодно в среднем 3 086,7 млн долл. США), Саудовской Аравии (3 763,8 млн долл. США) и Турции (4 616,4 млн долл. США). При этом более трети (35,7%) средств российской ОПР за указанный период направлено на Кубу, пятая часть (20,8%) – в Киргизию, менее десятой части (8,1%) – в КНДР, а 10% – остались без уточнения места назначения. Российская помощь предоставлялась развивающимся государствам исключительно в качестве грантов ОПР и только «по ранее возникшим обязательствам». Годы принятия на себя нашей страной обязательств в отношении развивающихся государств в базе статистической информации ОЭСР найти не удалось.

С 2007 г. по 2019 г. Россия предоставила Узбекистану в совокупности 14,9 млн долл. США (0,27% от всего объема ОПР), из них 9,62 млн долл. США были выделены в 2019 г., а в 2018 г. и 2017 г. – 2,3 и 0 млн долл. США соответственно. По предварительным данным, в 2020 г. Узбекистан получил от России грант в размере 5,8 млн долл. США. Уточнить назначение помощи не представляется возможным, поскольку во всех случаях в колонке под названием «тип помощи» ставится «Мероприятия проектного типа» (англ. “Project-type interventions”), в колонке с наименованием сектора – «Сектор не уточнен» (англ. “Sectors not specified”). Сопоставляя сообщения российских СМИ, можно предположить, что за 2019 год отражена безвозмездная техническая помощь Узбекистану для создания системы работы с налогоплательщиками в Узбекистане, обучения сотрудников налоговых органов и пр. [46].

Содействие развитию Узбекистана со стороны многосторонних институтов

Многосторонние институты, особенно Группа Всемирного банка (ВБ)⁶ и АБР, так же, как и ключевые доноры Узбекистана, увеличили объемы инвестируемых в развитие республики средств (рис. 5). Но если АБР планомерно наращивал свое присутствие в стране, но ВБ расширил сотрудничество исключительно в 2018–2019 гг., когда были подготовлены концепции будущих реформ и начата их имплементация.

⁶ В данном случае речь идет о двух институтах, входящих в Группу Всемирного банка: Международном банке реконструкции и развития и Международной ассоциации развития.

ция. Конкурентным преимуществом АБР является его более полное понимание особенностей Центральной Азии, возможности в части предоставления грантов на различные цели, включая подготовку технико-экономического обоснования проектов, а также умение «подстраиваться» под конкретные нужды заемщиков.

Как показало исследование К. Гуффлера и др., многосторонние доноры оказываются более влиятельными и более полезными, чем двусторонние доноры [39]. Хотя их помощь в большинстве случаев удовлетворяет только одному из двух критериев ОПР, объем средств по линии ИОП, выделяемых многосторонними институтами Узбекистану, практически равен вложениям развитых государств по той же линии. Вместе с тем участие многосторонних банков развития в крупных проектах на территории Узбекистана стимулирует частных инвесторов вкладывать средства в эту страну.

Источник: составлено автором по данным <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 05.04.2022).

Рис. 5. Помощь развитию, предоставляемая Узбекистану многосторонними институтами (нетто), млн. долл. США

В этой связи показательным является не объем выделяемых в каждом году средств, а размер взятых развитой страной или многосторонним институтом обязательств. Несмотря на то, что графики на рисунках 1 и 4 иллюстрируют одну и ту же тенденцию, а именно, прирост помощи в геометрической прогрессии, с точки зрения планирования будущих финансовых потоков страны более информативным является график на рис. 3. Опираясь на его показатели, можно достаточно уверенно утверждать, что в ближайшие несколько лет Узбекистан продолжит получать значительные объемы помощи.

Исходя из данных, представленных в табл. 3 и графиках на рис. 3, можно сделать следующие выводы. Во-первых, о значительном влиянии фактора социально-политической стабильности при принятии развитыми государствами решения о выделении средств Узбекистану (и в этом смысле показательным является «переходный» 2016 г.); во-вторых, о проциклическом подходе многосторонних банков развития, выражающемся в увеличении доли ОПР в общей ИПР в спокойные, с точки зрения внутренней политики, годы – 2010, 2013 и 2017; и наконец, о том, что с увеличением общего размера предоставляемой Узбекистану помощи, доля в ней ОПР снижается.

Таблица 3

Доля ОПР в общем объеме иностранной помощи Узбекистану по отдельным категориям доноров, %

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Официальные доноры	59	39	38	42	53	48	61	35	42	58
Страны – члены ОЭСР	100	85	100	71	77	73	99	80	100	100
Многосторонние институты	5	12	4	4	13	17	58	21	15	19
Региональные банки развития	33	0	15	13	7	12	2	17	22	27
Азиатский банк развития	67	0	49	100	45	53	5	41	51	44
Группа Всемирного банка	100	62	40	96	59	62	48	88	48	26

Источник: Рассчитано данным <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 05.04.2022).

В заключение считаем необходимым еще раз обратиться к табл. 1, в которой приведены данные по внешнеторговому взаимодействию республики с 6-ю основными ее партнерами, на которые приходится до 72% всего импорта республики и 32% ее экспорта. Исходя из показателей доли Узбекистана в экспортно-импортных операциях указанных государств, можно заключить, что торговля с республикой не является ключевым приоритетом ни для одной из этих стран, кроме соседнего Казахстана. Между тем, как было показано выше, мотив расширения двустороннего экономического сотрудничества остается ключевым для азиатских государств. Европейские страны, в свою очередь, делают больший упор на выстраивание внутрорегиональных связей Узбекистана с граничащими с ним государствами, но при этом также проявляют готовность и к увеличению инвестиционного сотрудничества.

Политические аспекты играют существенную роль в предоставлении Узбекистану иностранной помощи. Уступчивость Ташкента в части соблюдения международных норм, а также его стремление идти на сближение с европейскими и азиатскими странами, наряду со стабильностью внутри государства, порождают у доноров желание вкладывать значительные суммы в развитие республики, о чем свидетельствуют цифры международной статистики. В краткосрочной перспективе Узбекистану выгодно сотрудничество с КНР, но с точки зрения долгосрочного взаимодействия наиболее интересными представляются перспективы, которые открываются при сотрудничестве республики с Японией, Республикой Корея и европейскими странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Geographical Distribution of Financial Flows to Developing Countries 2021. OECD, 2021. https://read.oecd-ilibrary.org/development/geographical-distribution-of-financial-flows-to-developing-countries-2021_a50961e5-en-fr#page872 (дата обращения: 05.04.2022).
2. Riddell R.C. Does foreign aid really work? New York: Oxford University Press, 2008.
3. Lancaster C. Foreign Aid: Diplomacy, Development, Domestic Politics. London: University of Chicago Press, 2007.
4. Francisco P., Moreira S.B., Caiado J. Identifying differences and similarities between donors regarding the long-term allocation of official development assistance // Development Studies Research. 2021. Vol. 8:1. Pp. 181–198.
5. Sachs J. The end of Poverty. New York: Penguin Books, 2005.
6. Rajan R.G., Subramanian A. Aid and Growth: What Does the Cross-Country Evidence Really Show? // Review of Economics and Statistics 90, 2008. <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true%7B%7Ddb=bth%7B%7DAN=34867990%7B%7Dsite=ehost-live> (дата обращения: 05.04.2022).
7. Bickenbach F., Mbelu A., Nunnenkamp P. Is Foreign Aid Concentrated Increasingly on Needy and Deserving Recipient Countries? An Analysis of Theil Indices, 1995–2015 // World Development. 2019. Vol. 115. Pp. 1–16.
8. Sarah Blodgett Bermeo. Aid Allocation and Targeted Development in an Increasingly Connected World // International Organization. 2017. Vol. 71 (4). Pp. 735–766.
9. Pacquement F. Le système d'aide au développement de la France et du Royaume-Uni : points de repère sur cinquante ans d'évolutions depuis la décolonisation // International Development Policy. Revue internationale de politique de développement. 2010. Vol. 1. Pp. 55–80. <https://journals.openedition.org/poldev/114> (дата обращения: 05.04.2022).
10. Lundsgaarde E., Breunig C., Prakash A. Instrumental Philanthropy: Trade and the Allocation of Foreign Aid // Canadian Journal of Political Science. 2010. Vol. 43. Pp. 733–761.
11. Riddell R.C. Does Foreign Aid Really Work? An Updated Assessment. Acton: Australian National University – Development Policy Centre, 2014.
12. Collier P., Hoeffler A. Violent Conflict / in Global Problems: Global Solutions, ed. by B. Lomberg. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Pp. 129–156.

13. *Frot E., Santiso J.* Herding in Aid Allocation // *Kyklos*. 2011. Vol. 64(1). Pp. 54–74.
14. *Dabla-Norris E., Minoiu C., Zanna L.F.* Business Cycle Fluctuations, Large Macroeconomic Shocks, and Development Aid // *World Development*. 2015. Vol. 69. Pp. 44–61.
15. *Clunies-Ross A., Forsyth D., Huq M.* Development economics (1st ed.). Berkshire: McGraw-Hill Higher Education, 2009.
16. *Arndt C., Jones S., Tarp F.* Assessing foreign aid's long-run contribution to growth and development // *World Development*. 2015. Vol. 69. Pp. 6–18.
17. *Doucouliagos H., Paldam M.* Aid effectiveness on accumulation: A meta study // *Kyklos*. 2006. Vol. 59(2). Pp. 227–254.
18. *Moyo D.* Dead aid: Why aid is not working and how there is a better way for Africa. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2009.
19. *Gomanee K., Morrissey O., Mosley P., Verschoor A.* Aid, government expenditure, and aggregate welfare // *World Development*. 2005. Vol. 33(3). Pp. 355–370.
20. *Riddell R.C.* Does foreign aid really work? New York: Oxford University Press, 2008.
21. *Guillaumont P., Chauvet L.* Aid and Performance: A Reassessment // *Journal of Development Studies*. 2001. Vol. 37(6). Pp. 66–92.
22. Other official providers not reporting to the OECD. <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/18b00a44-en/index.html?itemId=/content/component/18b00a44-en#section-d1e57224> (дата обращения: 05.04.2022).
23. *Malik A., Parks B., Russell B., Lin J., Walsh K., Solomon K., Zhang S., Elston T., Goodman S.* Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13,427 Chinese development projects. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2021.
24. *Yau Tsz Yan.* Chinese Business Briefing: Yuan Welcome, But Flights Cancelled. *Eurasianet*, 4 February 2020. <https://eurasianet.org/chinese-business-briefing-yuan-welcome-but-flights-cancelled> (дата обращения: 05.04.2022).
25. Ўзбекистон Республикаси давлат қарзи ҳолати ва динамикаси шарҳи Ўзбекистон Республикаси Молия вазирлиги. 2021 йилнинг I ярим йиллиги. https://www.mf.gov.uz/media/file_uz/davlat_karzi/2021/nashrlar/Iyarim_2021.pdf (дата обращения: 05.04.2022)
26. *Hashimova U.* Uzbekistan Increasingly Turns to China for Development Loans // *Eurasia Daily Monitor*. 2019. Vol. 16. <https://jamestown.org/program/uzbekistan-increasingly-turns-to-china-for-development-loans> (дата обращения: 05.04.2022).
27. *Umarov T.* China Looms Large in Central Asia. *Carnegie Moscow Centre*, 30.03.2020. <https://carnegiemoscow.org/commentary/81402> (дата обращения: 05.04.2022).
28. *Wang Y.* Offensive for defensive: the belt and road initiative and China's new grand strategy // *Pacific Review*. 2016. Vol. 29. Pp. 455–463.
29. *Custer S., Sethi T., Solis J., Lin J., Ghose S., Gupta A., Knight R., Baehr A.* (2019). Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing's toolkit to influence South and Central Asia. Williamsburg, VA. AidData at William & Mary, 2019.
30. Политика страновой помощи Республике Узбекистан, март 2017 года. Официальный сайт Посольства Японии в Республики Узбекистан. <https://www.uz.emb-japan.go.jp/files/000306082.pdf> (дата обращения: 05.04.2022).
31. *Madimarov A., Aripova M.* Uzbekistan – Japan: traditional friendship and mutually beneficial cooperation. Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan. *Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan*, 27.07.2020. <http://isrs.uz/en/maqolalar/>

- uzbekistan-i-aronia-sotrudnicestvo-osnovannoe-na-vzaimovgodnyh-interesah (дата обращения: 05.04.2022).
32. На Туракурганской ТЭС произошло аварийное отключение. *Газета.uz*. 20.11. 2020. <https://www.gazeta.uz/ru/2020/11/20/turakurgan/> (дата обращения: 05.04.2022).
 33. Mitsubishi выиграла тендер на строительство Туракурганской ТЭС. *Газета.uz*. 26.10.2016. <https://www.gazeta.uz/ru/2016/10/26/tes> (дата обращения: 05.04.2022).
 34. *Rakhimov M., Sung Dong Ki*. Uzbekistan and South Korea: towards a special relationship // The Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program Joint Center, 10 JUNE 2016. <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13369-uzbekistan-and-south-korea-towards-a-special-relationship.html> (дата обращения: 05.04.2022).
 35. *Guffler K., Harutyunyan A., DiLorenzo M., Sethi T., Eppler M., Heinelt M.S.* Development Cooperation from a Partner Perspective. How can Germany and other donors perform better in the eyes of their partner countries? German Institute for Development Evaluation (DEval), Bonn, 2020.
 36. *Dadabaev T.* Chinese, Japanese, and Korean Inroads into Central Asia: Comparative Analysis of the Economic Cooperation Roadmaps for Uzbekistan. East-West Center, 2019.
 37. *Dadabaev T.* Transcontinental Silk Road Strategies: Comparing China, Japan and South Korea in Uzbekistan. Abingdon, Oxon, UK: Routledge, 2019.
 38. *Peyrouse S.* A Donor Without Influence. The EU in Central Asia. *PONARS Eurasia Policy Memo* No. 478. 2017. www.ponarseurasia.org/memo/donor-without-influence-european-union-central-asia (дата обращения: 05.04.2022).
 39. European Parliament recommendation of 26 March 2019 to the Council, the Commission and the Vice-President of the Commission / High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy on the new comprehensive agreement between the EU and Uzbekistan. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0224_EN.html (дата обращения: 05.04.2022).
 40. Commission Delegated Regulation (EU) 2021/576 of 30 November 2020 amending Annex III to Regulation (EU) No 978/2012 to include the Republic of Uzbekistan among the countries benefiting from tariff preferences under the GSP+ // *Official Journal of the European Union*, 2021. Vol. 64. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L:2021:123:TOC> (дата обращения: 05.04.2022).
 41. Постановление Президента Республики Узбекистан от 28.11.2018 № ПП-4037 «О мерах по дальнейшему расширению и укреплению двустороннего сотрудничества между Республикой Узбекистан и Французской Республикой». https://nrm.uz/contentf?doc=605089_postanovlenie_prezidenta_respubliki_uzbekistan_ot_28_11_2018_g_n_pp-4037_o_merah_po_dalneysheму_rasshireniyu_i_ukrepleniyu_dvustoronnego_sotrudnichestva_mejdu_respublikoy_uzbekistan_i_francuzskoy_respublikoy&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (дата обращения: 05.04.2022).
 42. *Grynspan E.* En Ouzbékistan, les groupes français parient sur l'ouverture économique du pays. *Le monde*. 06.11.2021.
 43. Swiss Cooperation Strategy Central Asia 2017–2021. Bern, 2017. https://www.eda.admin.ch/dam/deza/en/documents/laender/swiss-cooperation-strategy-central-asia-2017-2021_en.pdf (дата обращения: 05.04.2022).

44. Uzbekistan joins the Global Trade Facilitation Program. *The Tashkent Times*. 17.02.2021. <https://tashkenttimes.uz/economy/6420-uzbekistan-joins-the-global-trade-facilitation-program> (дата обращения: 05.04.2022).
45. Mission effectuée au Kazakhstan, en Ouzbékistan et au Turkménistan. Rapport d'information 412 (97-98) – commission des affaires économiques. https://www.senat.fr/rap/r97-412/r97-412_mono.html (дата обращения: 05.04.2022).
46. Россия выделит \$8,2 млн на совершенствование налоговой системы Узбекистана. *Газета.uz*. 17.07.2019. <https://www.gazeta.uz/ru/2019/07/17/tax-reform/> (дата обращения: 05.04.2022).

REFERENCES

1. Geographical Distribution of Financial Flows to Developing Countries 2021. OECD, 2021. https://read.oecd-ilibrary.org/development/geographical-distribution-of-financial-flows-to-developing-countries-2021_a50961e5-en-fr#page872 (accessed: 05.04.2022).
2. Riddell R.C. Does foreign aid really work? New York: Oxford University Press, 2008.
3. Lancaster C. Foreign Aid: Diplomacy, Development, Domestic Politics. London: University of Chicago Press, 2007.
4. Francisco P., Moreira S.B., Caiado J. Identifying differences and similarities between donors regarding the long-term allocation of official development assistance // Development Studies Research. 2021. Vol. 8:1. Pp. 181–198.
5. Sachs J. The end of Poverty. New York: Penguin Books, 2005.
6. Rajan R.G., Subramanian A. Aid and Growth: What Does the Cross-Country Evidence Really Show? // Review of Economics and Statistics 90, 2008. <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true%7B&%7Ddb=bth%7B&%7DAN=34867990%7B&%7Dsite=ehost-live> (accessed: 05.04.2022).
7. Bickenbach F., Mbelu A., Nunnenkamp P. Is Foreign Aid Concentrated Increasingly on Needy and Deserving Recipient Countries? An Analysis of Their Indices, 1995–2015 // World Development. 2019. Vol. 115. Pp. 1–16.
8. Sarah Blodgett Bermeo. Aid Allocation and Targeted Development in an Increasingly Connected World // International Organization. 2017. Vol. 71 (4). Pp. 735–766.
9. Pacquement F. The development aid system of France and the United Kingdom: benchmarks on fifty years of developments since decolonization // International Development Policy. International journal of development policy. 2010. Vol. 1. Pp. 55–80. <https://journals.openedition.org/poldev/114> (accessed: 05.04.2022). (in Fr.).
10. Lundsgaarde E., Breunig C., Prakash A. Instrumental Philanthropy: Trade and the Allocation of Foreign Aid // Canadian Journal of Political Science. 2010. Vol. 43. Pp. 733–761.
11. Riddell R.C. Does Foreign Aid Really Work? An Updated Assessment. Acton: Australian National University – Development Policy Centre, 2014.
12. Collier P., Hoeffler A. Violent Conflict. / in Global Problems: Global Solutions, ed. by B. Lomberg. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Pp. 129–156.
13. Frot E., Santiso J. Herding in Aid Allocation // Kyklos. 2011. Vol. 64(1). Pp. 54–74.
14. Dabla-Norris E., Minoiu C., Zanna L.F. Business Cycle Fluctuations, Large Macroeconomic Shocks, and Development Aid // World Development. 2015. Vol. 69. Pp. 44–61.

15. *Clunies-Ross A., Forsyth D., Huq M.* Development economics (1st ed.). Berkshire: McGraw-Hill Higher Education, 2009.
16. *Arndt C., Jones S., Tarp F.* Assessing foreign aid's long-run contribution to growth and development // *World Development*. 2015. Vol. 69. Pp. 6–18.
17. *Doucouliagos H., Paldam M.* Aid effectiveness on accumulation: A meta study // *Kyklos*. 2006. Vol. 59 (2). Pp. 227–254.
18. *Moyo D.* Dead aid: Why aid is not working and how there is a better way for Africa. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2009.
19. *Gomanee K., Morrissey O., Mosley P., Verschoor A.* Aid, government expenditure, and aggregate welfare // *World Development*. 2005. Vol. 33(3). Pp. 355–370.
20. *Riddell R.C.* Does foreign aid really work? New York: Oxford University Press, 2008.
21. *Guillaumont P., Chauvet L.* Aid and Performance: A Reassessment // *Journal of Development Studies*. 2001. Vol. 37(6). Pp. 66–92.
22. Other official providers not reporting to the OECD. <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/18b00a44-en/index.html?itemId=/content/component/18b00a44-en#section-d1e57224> (дата обращения: 05.04.2022).
23. *Malik A., Parks B., Russell B., Lin J., Walsh K., Solomon K., Zhang S., Elston T., Goodman S.* Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13,427 Chinese development projects. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2021.
24. *Yau Tsz Yan.* Chinese Business Briefing: Yuan Welcome, But Flights Cancelled. *Eurasianet*, 4 February 2020. <https://eurasianet.org/chinese-business-briefing-yuan-welcome-but-flights-cancelled> (дата обращения: 05.04.2022).
25. Description of the state debt situation and dynamics of the Republic of Uzbekistan (I half of the 2021 year). Ministry of Finance of the Republic of Uzbekistan. https://www.mf.gov.uz/media/file_uz/davlat_karzi/2021/nashrlar/Iyarim_2021.pdf (accessed: 05.04.2022) (in Uzb.)
26. *Hashimova U.* Uzbekistan Increasingly Turns to China for Development Loans // *Eurasia Daily Monitor*. 2019. Vol. 16. <https://jamestown.org/program/uzbekistan-increasingly-turns-to-china-for-development-loans> (accessed: 05.04.2022).
27. *Umarov T.* China Looms Large in Central Asia. *Carnegie Moscow Centre*, 30.03.2020. <https://carnegiemoscow.org/commentary/81402> (accessed: 05.04.2022).
28. *Wang Y.* Offensive for defensive: the belt and road initiative and China's new grand strategy // *Pacific Review*. 2016. Vol. 29. Pp. 455–463.
29. *Custer S., Sethi T., Solis J., Lin J., Ghose S., Gupta A., Knight R., Baehr A.* (2019). Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing's toolkit to influence South and Central Asia. Williamsburg, VA. AidData at William & Mary, 2019.
30. Policy of country assistance to the Republic of Uzbekistan, March 2017. *Official website of the Embassy of Japan in the Republic of Uzbekistan*. <https://www.uz.emb-japan.go.jp/files/000306082.pdf> (accessed: 05.04.2022). (In Russ.).
31. *Madimarov A., Aripova M.* Uzbekistan – Japan: traditional friendship and mutually beneficial cooperation. Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan. *Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan*, 27.07.2020. <http://isrs.uz/en/maqolalar/uzbekistan-i-aponia-sotrudnicestvo-osnovannoe-na-vzaimovygodnyh-interesah> (accessed: 05.04.2022).

32. An emergency shutdown occurred at the Turakurgan thermal power plant. *Gazeta.uz*. 20.11.2020. <https://www.gazeta.uz/ru/2020/11/20/turakurgan> (accessed: 05.04.2022). (In Russ.).
33. Mitsubishi won the tender for the construction of the Turakurgan thermal power plant. *Gazeta.uz*. 26.10.2016. <https://www.gazeta.uz/ru/2016/10/26/tes> (дата обращения: 05.04.2022). (In Russ.).
34. *Rakhimov M., Sung Dong Ki*. Uzbekistan and South Korea: towards a special relationship // The Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program Joint Center, 10 JUNE 2016. <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13369-uzbekistan-and-south-korea-towards-a-special-relationship.html> (accessed: 05.04.2022).
35. *Guffler K., Harutyunyan A., DiLorenzo M., Sethi T., Eppler M., Heinelt M.S.* Development Cooperation from a Partner Perspective. How can Germany and other donors perform better in the eyes of their partner countries? German Institute for Development Evaluation (DEval), Bonn, 2020.
36. *Dadabaev T.* Chinese, Japanese, and Korean Inroads into Central Asia: Comparative Analysis of the Economic Cooperation Roadmaps for Uzbekistan. East-West Center, 2019.
37. *Dadabaev T.* Transcontinental Silk Road Strategies: Comparing China, Japan and South Korea in Uzbekistan. Abingdon, Oxon, UK: Routledge, 2019.
38. *Peyrouse S.* A Donor Without Influence. The EU in Central Asia. *PONARS Eurasia Policy Memo* No. 478. 2017. www.ponarseurasia.org/memo/donor-without-influence-european-union-central-asia (дата обращения: 05.04.2022).
39. European Parliament recommendation of 26 March 2019 to the Council, the Commission and the Vice-President of the Commission / High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy on the new comprehensive agreement between the EU and Uzbekistan. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0224_EN.html (дата обращения: 05.04.2022).
40. Commission Delegated Regulation (EU) 2021/576 of 30 November 2020 amending Annex III to Regulation (EU) No 978/2012 to include the Republic of Uzbekistan among the countries benefiting from tariff preferences under the GSP+ // *Official Journal of the European Union*, 2021. Vol. 64. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L:2021:123:TOC> (accessed: 05.04.2022).
41. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan dated 28.11.2018 No. PP-4037 "On measures to further expand and strengthen bilateral cooperation between the Republic of Uzbekistan and the French Republic". https://nrm.uz/contentf?doc=605089_postanovlenie_prezidenta_respubliki_uzbekistan_ot_28_11_2018_g_n_pp-4037_o_merah_po_dalneyshemu_rasshireniyu_i_ukrepleniyu_dvustoronnego_sotrudnichestva_mejdu_respublikoy_uzbekistan_i_francuzskoy_respublikoy&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (accessed: 05.04.2022). (In Russ.).
42. *Grynszpan E.* In Uzbekistan, French groups are betting on the economic opening of the country. *Le monde*. 06.11.2021. (In Fr.).
43. Swiss Cooperation Strategy Central Asia 2017–2021. Bern, 2017. https://www.eda.admin.ch/dam/deza/en/documents/laender/swiss-cooperation-strategy-central-asia-2017-2021_en.pdf (accessed: 05.04.2022).

44. Uzbekistan joins the Global Trade Facilitation Program. *The Tashkent Times*. 17.02.2021. <https://tashkenttimes.uz/economy/6420-uzbekistan-joins-the-global-trade-facilitation-program> (accessed: 05.04.2022).
45. Mission to Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan. Information report 412 (97-98) – Committee on economic affairs. https://www.senat.fr/rap/r97-412/r97-412_mono.html (accessed: 05.04.2022). (In Fr.).
46. Russia will allocate \$8.2 million to improve the tax system of Uzbekistan. *Gazeta.uz*. 17.07.2019. <https://www.gazeta.uz/ru/2019/07/17/tax-reform> (accessed: 05.04.2022). (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 20.12.2021 г.

ABOUT THE AUTHOR

Romanchuk Ekaterina Sergeevna – postgraduate student, Junior Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
kate.romanchuk@ya.ru

SUPPORT OF THE OECD MEMBER STATES AND MULTILATERAL INSTITUTIONS TO THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

In the last few years, Uzbekistan has become one of the main recipient of official development assistance funds, addressed to the states of post-Soviet space. This article analyzes the structure of this support, the dynamics and the key motives of developed states to support the economic development of Uzbekistan. The donors are divided into three groups depending their contribution: Asian states; countries outside the region, and international institutions, including multilateral development banks. It was concluded that cooperation with the People's Republic China (the PRC), seems to be the most effective for Uzbekistan in the short term. In the long term, taking into account a need for structural reforms in the country, cooperation with multilateral development institutions, as well as with Japan, Republic of Korea and European states will bring more benefits.

Keywords: *official development assistance, OECD, Uzbekistan, multilateral institutions.*

JEL: F34, F35.

Ю.В. ВОЛОГОВА

младший научный сотрудник Центра инновационной экономики
и промышленной политики ФГБУН Институт экономики РАН

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: СОСТОЯНИЕ И АНАЛИЗ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

В статье анализируется состояние инновационного развития России с учетом задач, поставленных в Стратегии инновационного развития до 2020 г. Оцениваются изменения в российской инновационной экосистеме в период 2010–2020 гг. Выявлены основные области инновационной среды, в которых не преодолено существенное отставание от стран-лидеров. Определены основные направления усиления государственной поддержки в целях повышения уровня технологического развития России.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, инновационное развитие, технологическое лидерство, институты развития.

JEL: O11, O14, O32, O33, O43, O47.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_153_168.

Задачи модернизации российской экономики и ее перехода на инновационный тип экономического роста ставятся в нашей стране на протяжении нескольких последних десятилетий [1]. Основные целевые показатели и ориентиры инновационного развития страны были отражены в Стратегии инновационного развития на период до 2020 г.¹ (далее – Стратегия). Сегодня, когда действие данного документа завершено, уместно подвести итоги его реализации с точки зрения выполнения поставленных задач и оценки достигнутого уровня инновационности российской экономики. Не менее важно оценить динамику изменений в сфере инноваций за период 2010–2020 гг. и комплексно рассмотреть ход инновационных процессов в различных отраслях экономики, что необходимо для разработки мер по их поддержке со стороны государства.

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. <http://static.government.ru/media/files/4qRZEpm161xctpb156a3ibUMjILtn9oA.pdf>.

Основными задачами в сфере инноваций, согласно Стратегии, были следующие: развитие технологических инноваций, системы льготного заемного финансирования инноваций, расширение применения результатов интеллектуальной деятельности; развитие инфраструктуры поддержки инновационной сферы малого и среднего предпринимательства (МСП); расширение венчурного рынка России (рост доли частного капитала в инновационном предпринимательстве, выход на второе место в Европе по объему предложения денег и объему венчурных сделок за год); формирование инфраструктуры наноиндустрии (подготовка кадров, коммерциализация проектов, координация деятельности); развитие и поддержка экспорта высокотехнологичной продукции; создание в России конкурентоспособной среды развития и коммерциализации внутренних инноваций².

Анализируя динамику показателей инновационного развития за период реализации Стратегии, можно видеть, что, несмотря на положительную динамику, по большинству из них плановые значения не были достигнуты [3]. Так, прирост доли инновационной продукции в промышленности составил 1,5%, тогда как, согласно Стратегии, он должен был составить 20,1%. Доля новых для рынка сбыта инновационных товаров промышленности увеличилась с 0,4 до 0,9% вместо запланированных 8%. Относительное число организаций, осуществляющих технологические инновации, возросло с 7,7 до 23%, хотя плановое значение составляло 25%. Рост аналогичных организаций в составе промышленного сектора не достиг планового значения в 40% и к концу 2020 г. составил только 21,5% (см. табл. 1).

Уровень инновационной активности организаций сократился за рассматриваемый период с 9,5 г. до 9,1%. Хотя аналогичный показатель для организаций промышленного производства увеличился с 11% в 2010 г. до 16,2% в 2020 г., его значение более чем втрое ниже планового. Только по показателю «Доля новых для мирового рынка товаров промышленного производства» был достигнут плановый уровень – в 2020 г. эта доля составила 0,3%.

За период 2010–2019 гг. значительно выросли затраты на инновационную деятельность организаций. На конец 2019 г. они составили более 1,95 трлн руб., увеличившись в текущих ценах в 3,7 раза. Между тем рост инвестиций в инновации в России не сильно коррелирует с их интенсивностью. Если говорить об уровне интенсивности затрат на технологические инновации в организациях промышленного производства, то в 2010–2020 гг. он оставался практически неизменным.

² Составлено автором на основе: Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г.». <http://static.government.ru/media/files/4qRZEpm161xctpb156a3ibUMjILtn9oA.pdf>.

Таблица 1

Основные показатели инновационной деятельности России в 2010–2020 гг.

Наименование показателя	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2020 план	% выпол- нения
Доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции, %	4,9	7,8	8,2	8,4	6,0	6,4	25	25,6
Доля инновационных товаров, работ, услуг, новых для рынка сбыта организаций, в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства, %	0,4	1,1	1,1	1,0	0,9	0,9	8	11,3
Доля новых для мирового рынка инновационных товаров (работ, услуг) в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства, %	0,03	0,1	0,0	0,1	0,2	0,3	0,28	107,1
Доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем количестве организаций, % в том числе:	7,7	9,1	8,8	7,3	19,8	23,0	25	92,0
добывающие, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, %	9,4	9,9	9,7	9,2	18,5	21,5	40	53,8
Уровень инновационной активности организаций, %	9,5	10,3	9,9	8,4	12,8	9,1*	–	–
Совокупный уровень инновационной активности организаций промышленного производства, %	11,0	11,1	10,9	10,5	15,6	16,2	60	27,0
Затраты на инновационную деятельность (в действующих ценах), млрд руб.	411	915	1 232	1 298	1 485	1 954*	–	–
Интенсивность затрат на технологические инновации организаций промышленного производства, %	1,9	1,8	2,1	1,8	1,5	1,9	2,5	76,0

Окончание табл. 1

Наименование показателя	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2020 план	% выпол- нения
Внутренних затрат на исследования и разработки, % от ВВП	1,3	1,03	1,07	1,10	1,0	1,1	2,5-3	40,0
Коэффициент изобретательской активности, %	2	2	1,65	1,83	1,7	1,63	2,8	58,2
Доля организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем количестве организаций, %	56,0	76,6	81,2	81,8	86,5	93,0	98	94,9
Доля организаций, имеющих веб-сайт, в общем количестве организаций, %	24,0	37,8	40,3	45,9	50,9	44,2	90	49,1
Доля сектора высшего образования во внутренних затратах на исследования и разработки, %	8,4	9,3	9,8	9,1	9,7	9,9	15	66,0
Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг организаций промышленного производства, %	5,5	12,1	11,5	8,4	6,6	6,2	15	41,3
Сальдо экспорта-импорта технологий, млн долл.	-1	-1,4	-1,2	-1,2	-1,7	-0,2	0,3	-

* Данные за 2019 г.

Источник: составлено и рассчитано автором по: Целевые индикаторы реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/ind_2020/pril.xls; Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. https://ac.gov.ru/uploads/_Projects/PDF/strategiya-innovacionnogo-razvitiya-broshyura-pdf.pdf; Индикаторы инновационной деятельности: 2021: стат. сборник / Л.М. Гохберг, Г.А. Грачева, К.А. Дитковский и др. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. <https://www.hse.ru/primarydata/i/2021>.

К концу 2020 г. данный показатель составил 1,9% (см. табл. 1), хотя, согласно Стратегии, должен был увеличиться до 2,5%. При этом доля затрат на инновации в общем объеме отгруженной продукции в 2019 г. составила 2,1% (в 2010 г. – 1,6%)³. Но надо отметить, что по интенсивности инновационных затрат Россия немного обходит такие развитые страны, как, например, Франция (2%) и Норвегия (1,8%).

Среди источников финансирования инноваций преобладали собственные средства организаций. Их доля в 2019 г. составляла 56,3%. Затраты федерального бюджета – 23,2%. Доля финансирования из других источников незначительна: средств внебюджетных фондов – 0,1%, венчурных фондов 0,004% (см. табл. 2).

Таблица 2

**Структура затрат на инновационную деятельность
по источникам финансирования в 2019 г. (%)**

Собственные средства организаций	Федеральный бюджет	Бюджеты субъектов РФ	Внебюджетные фонды (ИР)	Иностранные инвестиции	Венчурные фонды	Прочие средства
56,3	23,2	1,2	0,1	0,6	0,004	18,5

Источник: составлено автором по: Индикаторы инновационной деятельности: 2021: стат. сборник / Л.М. Гохберг, Г.А. Грачева, К.А. Дитковский и др.; НИУ «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. <https://www.hse.ru/primarydata/ii2021>.

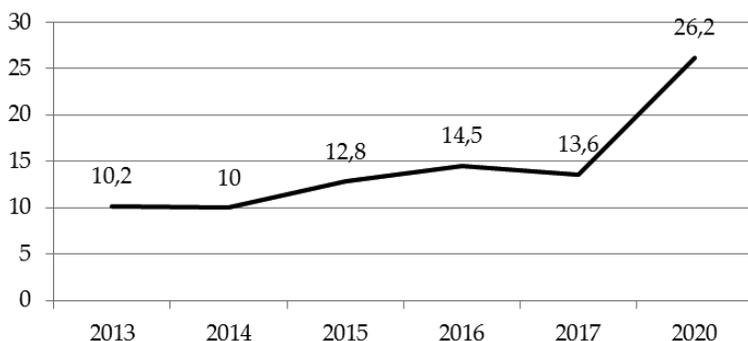
В 2019 г. 28,1% от общего числа организаций, имевших затраты на инновационную деятельность, получили финансирование из средств бюджетов всех уровней. Наибольшую долю бюджетного финансирования в 2019 г. имели организации, осуществляющие деятельность в области здравоохранения, информационных технологий, НИОКР, сельского хозяйства, производства летательных (в т. ч. космических) аппаратов, кораблей, судов и лодок. Сравнивая данные по странам, имеющим высокую инновационную активность, можно отметить, что во многих из них процент организаций, получивших бюджетное финансирование на инновации, значительно выше, чем в России. Например, во Франции, Норвегии и Канаде этот показатель составляет 46,9, 40,5 и 37,6% соответственно.

³ Здесь и далее, если не указано иное, данные о инновационной деятельности приведены по: Индикаторы инновационной деятельности: 2021: статистический сборник / Л.М. Гохберг, Г.А. Грачева, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. <https://www.hse.ru/primarydata/ii2021>.

Уровень инновационной активности малых предприятий за рассматриваемый период вырос незначительно. В 2019 г. он составил 5,8%, увеличившись по отношению к 2011 г. на 0,7 процентных пункта. Но даже и этот незначительный рост данного показателя обусловлен прежде всего, изменением методологии учета: с 2019 г. при его расчете стали учитывать все инновации, а не только технологические как это было ранее. Затраты на инновации среди малых предприятий в 2019 г. относительно 2011 г. увеличились в текущих ценах в 1,8 раза. Однако интенсивность инноваций осталась практически неизменной, составив 1% в 2019 г. против 0,9% в 2011 г.

Общие затраты на инновационную деятельность российских организаций увеличились в текущих ценах за период 2010–2020 гг. почти в 4 раза. Но при этом инновационная активность организаций, включая и малые предприятия, за период 2010–2020 гг. не показала существенного роста. В 2019 г. сохранялось более чем шестикратное отставание России от многих развитых экономик мира. Например, в Канаде уровень инновационной активности составлял 79,3% (2017 г.), в Швейцарии – 72,6% (2016 г.), Португалии – 66,9%, Финляндии – 64,8%.

Доля высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта увеличилась к 2020 г. до 26,2% против 10,2% в 2013 г. (см. рис.). Однако аналогичный показатель для организаций промышленного производства положительной динамики не показал. В 2020 г. он составил лишь 6,2%, хотя, согласно Стратегии, должен был составить 15%. Сальдо экспорта-импорта технологий весь период 2010–2020 гг. оставалось отрицательным. В 2020 г. оно составило минус 0,2 млн долл. при плановом значении 0,3 млн долл. Таким образом, несмотря на в целом положительную динамику экспорта инновационной продукции, стратегические показатели не были достигнуты. Россия по-прежнему больше импортирует технологии, чем экспортирует их.

Источник: составлено автором по: данные Росстата; ЕМИСС. Государственная статистика. <https://fedstat.ru/indicator/50204>.

Рис. Доля высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта, %

Особое место в поддержке инновационных процессов занимают инновационные институты развития (ИР) и венчурные фонды [2; 6; 7]. По данным Росказначейства, расходы бюджета на ИР в 2006–2020 гг. превысили 965 млрд руб.⁴ Но при этом нужно учитывать, что значимое бюджетное финансирование в рассматриваемом периоде прежде всего получали организации таких сфер деятельности, как информационные технологии, здравоохранение и научные исследования [5].

В табл. 3 представлены основные показатели рынка венчурных инвестиций за период 2011–2020 гг., касающиеся исключительно российских компаний (более 50% объема продаж продукта/услуг реализуется на территории Российской Федерации). Как видим, венчурный рынок России в 2012 г. резко увеличился: по объему инвестиций – более чем в 2 раза, по их числу – более чем в 4 раза. До 2018 г. количество совершенных сделок увеличивалось. Однако в 2019–2020 гг. оно сократилось вдвое, и при этом объемы инвестиций имели преимущественно отрицательную тенденцию вплоть до 2020 г. Также в 2011–2020 гг. наблюдалось сокращение доли финансирования проектов на ранних стадиях – как по числу сделок, так и в общем объеме инвестиций. Примечательной особенностью венчурного рынка России является высокая доля поддерживаемых ИКТ проектов, которая составляла в среднем почти 70% за 2015–2020 гг. При этом более половины существующих фондов ориентированы исключительно на ИКТ проекты.

В период с 2012 г. по 2018 г. доля участия в инвестициях государственных и частично государственных фондов упала с 49,6 до 19%. Доля участия по величине венчурных инвестиций, которая в 2013 г. составляла 43,5%, сократилась до 26,3% в 2018 г. Но одновременно с резким сокращением объемов и числа венчурных инвестиций в 2019–2020 гг. доля участия в инвестициях фондов с государственным капиталом значительно увеличилась, достигнув в 2020 г. 61,1% по числу сделок и 56,1% по величине инвестиций.

Таким образом, можно говорить о сокращении в 2011–2020 гг. венчурных инвестиций российских и зарубежных фондов. Среди основных факторов, повлиявших на это сокращение, эксперты (см., например: [4]) выделяют следующие: недостаток предложения капитала со стороны фондов в большинстве приоритетных отраслей, кроме ИКТ; ориентацию на финансирование более поздних стадий проектов; дефицит качественных проектов, вызывающий переориентацию российских фондов на иностранные рынки; неразвитость законодательной базы (регулируется общим законодательством, хотя требует собственного подхода в части налогового права, защиты прав инвесторов

⁴ Институты развития провалили инновации / Ведомости. Экономика. 2 марта 2021 г. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/03/01/859742-instituti-razvitiya>.

Таблица 3

Венчурное инвестирование российских и зарубежных фондов 2011–2020 гг.*

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Число венчурных инвестиций, в том числе:	32	136	188	219	185	205	182	189	103	95
на посевной и начальной стадии	–	–	–	–	113	121	93	99	31	29
на ранней стадии	–	–	–	–	45	48	55	30	25	14
на стадии расширения	–	–	–	–	21	34	31	34	32	44
% инвестиций на стадии расширения в общем числе	–	–	–	–	11,4	16,6	17,0	18,0	31,1	46,3
ИКТ	–	–	–	–	123	150	128	141	70	58
% ИКТ в общем числе инвестиций	–	–	–	–	66,5	73,2	70,3	74,6	68,0	61,1
Биотехнологии и медицина	–	–	–	–	20	20	12	9	8	9
Промышленные технологии	–	–	–	–	19	22	25	22	20	20
Другое	–	–	–	–	21	13	16	17	5	8
с участием государственных фондов	–	–	–	–	59	53	45	36	46	58
% участия фондов с госкапиталом	–	49,6	47,5	26,6	31,9	25,9	24,7	19,0	44,7	61,1
Объем венчурных инвестиций, млн долл., в том числе:	160	374	284	152	145	129	126	160	131	139
на посевной и начальной стадии	–	–	–	–	23	16	23	16	8	6
на ранней стадии	–	–	–	–	36	28	40	26	24	6
на стадии расширения	–	–	–	–	83	81	61	113	96	114
% инвестиций на стадии расширения в общем объеме	–	–	–	–	57,2	62,8	48,4	70,6	73,3	82,0
ИКТ	–	–	–	–	110	99	73	117	83	89
% ИКТ в общем объеме инвестиций	–	–	–	–	75,9	76,7	57,9	73,1	63,4	64,0

Окончание табл. 3

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Биотехнологии и медицина	-	-	-	-	23	12	5	8	10	28
Промышленные технологии	-	-	-	-	7	10	24	13	30	16
Другое	-	-	-	-	4	8	23	22	9	6
с участием государственных фондов	-	-	-	-	36	27	37	42	58	78
% участия фондов с госкапиталом	-	29,1	43,5	26,7	24,8	20,9	29,4	26,3	44,3	56,1

*учитываются венчурные инвестиции, осуществленные с участием российских и зарубежных фондов исключительно в российские компании.

Источник: рассчитано автором по: «Обзор рынка прямых и венчурных инвестиций за 2020 год» <http://www.rvca.ru/upload/files/lib/RVCA-yearbook-2020-Russian-PE-and-VC-market-review-ru.pdf>.

и интеллектуальной собственности). Стоит также отметить, что созданный государством такой институт в сфере поддержки венчурного бизнеса, как ОАО «РВК», не смог стать драйвером его развития. Как и у остальных фондов, деятельность данного института развития была направлена преимущественно на ИКТ сектор и на поздние стадии финансирования проектов. Не оказала деятельность ОАО «РВК» заметного влияния и на развитие венчурной инфраструктуры. В то же время среди основных трендов развития венчурного рынка России с учетом иностранных и частных инвестиций, не представленных в табл. 3, в 2019–2020 гг. можно выделить следующие⁵:

- рост объема венчурных инвестиций за счет нескольких крупных сделок с привлечением иностранного и частного капитала (иностранные инвестиции – проект Miro, VEB Ventures – «Доктор рядом», стартап NtechLab, инвестиции Р. Абрамовича и партнеров в компанию «110 Industries»);
- рост объема иностранных инвестиций (за счет возможного развития российских стартапов на международном рынке в условиях роста среднего объема инвестиций);
- сокращение числа корпоративных инвестиций (тенденция к объединению корпораций для поиска инноваций);
- рост активности частных инвесторов в 2020 г.;
- сокращение объема государственных инвестиций в условиях реформирования институтов развития.

Одна из задач Стратегии инновационного развития была связана с укреплением отрасли «наноиндустрия». За последние годы нанотехнологии перешли из разряда революционных технологий в инструментальные средства и используются во многих сферах. Распространение нанотехнологической инициативы в России началось с 2007 г. с принятием Стратегии развития наноиндустрии и созданием АО «РОСНАНО» – основного института развития, обеспечивающего поддержку данной отрасли.

Среди стран мира лидерами по объему государственных инвестиций в наноиндустрию являются США – более 1,8 млрд долл. США в 2020 г.⁶, Япония – около 1,5 млрд долл.⁷, Южная Корея – 3,1 млрд долл., Германия – более 0,5 млрд евро⁸. Что касается России, то в 2007 г.

⁵ Венчурный рынок России в 2020 году. <https://incrossia.ru/understand/vc-2020/>.

⁶ The National Nanotechnology Initiative Supplement to the President's 2021 Budget, Октябрь 2020. <https://www.nano.gov/nanodashboard>.

⁷ Nanotechnology and Materials R&D in Japan, CRDS, 2018. <https://www.jst.go.jp/crds/pdf/en/CRDS-FY2017-XR-02.pdf>.

⁸ «The nanotechnology and nanomaterials global opportunity report», Future Markets, октябрь 2016. <https://www.marketresearch.com/Future-Markets-Inc-v3760/Nanotechnology-Nanomaterials-Global-Opportunity-10246489/>.

правительство РФ внесло 130 млрд руб. для обеспечения деятельности корпорации АО «РОСНАНО»⁹.

Одним из показателей развития nanoотрасли является количество профильных публикаций в научно-технических журналах и патентов. Россия входит в топ-10 стран, публикующих исследования в области нанотехнологий: с 2010 по 2020 г. вышли 52003 таких работ. Лидерами в этой области являются Китай – 505 009 публикаций, США – 282 290, Индия – 130 941. В первую десятку входят также Ю. Корея (88 350), Германия (85 211), Иран (78 839), Япония (77 573), Франция (59 657) и Англия (53 215)¹⁰.

Крупнейшими национальными игроками в области прикладных исследований в сфере нанотехнологий являются Китай – количество патентов составляет более 85 тыс., США – 34 тыс. патентов, Южная Корея – 20 тыс. патентов и Япония – 13 тыс. патентов. Россия, также как и по публикациям, входит в десятку стран – лидеров по объемам патентования в области нанотехнологий с общим числом выданных патентов 3113¹¹.

В целом к 2020 г. в результате деятельности АО «РОСНАНО» в федеральный бюджет за весь период работы этого акционерного общества поступило 132 млрд руб., что в полном объеме возместило вклад государства, сделанный в 2007 г. Объемы продаж российской продукции nanoиндустрии существенно выросли за 2011–2020 гг. – они увеличились более чем в 11 раз. За период 2015–2020 гг. объемы экспорта данной отрасли увеличились более чем в 2 раза (см. табл. 4). Однако количество компаний, выпускающих продукцию, связанную с нанотехнологиями, сократилось за 2014–2020 гг. с 576 до 505¹².

Основные показатели развития инфраструктуры nanoотрасли, предусмотренные проектами, осуществление которых возложено на Фонд инфраструктурных и образовательных программ (далее – Фонд), соответствуют плановым значениям¹³. Например, количество созданных в рамках проектов Фонда стартапов увеличилось с 557 в 2016 г. до 852 в 2020 г., что соответствует плану. Совокупная выручка инфраструктурных проектов увеличилась с 2 087 млн руб. в 2016 г. до 11 366 млн руб. (по плану установлено 7 400 млн руб.). Количество образователь-

⁹ Годовой отчет за 2009 год ГК «Роснанотех». https://www.rusnano.com/upload/normativedocs/ROSNANO_AR-2009_Rus.pdf.

¹⁰ Годовой отчет АО «РОСНАНО» за 2020 г. https://www.rusnano.com/upload/iblock/a94/flwki17f3hl3m2is9snxm3m1qu5syvkj/ROSNANO-AO_Annual_Report_2020_RUS.pdf.

¹¹ Там же.

¹² По данным годовых отчетов АО «РОСНАНО». <https://www.rusnano.com/about/godovye-otchety>.

¹³ По данным годовых отчетов Фонда инфраструктурных и образовательных программ (группа «РОСНАНО»). <https://fiop.site/o-fonde/godovye-otchety>.

Таблица 4

Показатели развития наноиндустрии в России

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Объем продаж российской продукции наноиндустрии, млрд руб.	154,8	210,7	417,6	759,6	1 019,1	1 579,9	1 596,0	1 963,2	2 000,0	1 800,0
Объем экспорта российской продукции наноиндустрии, млрд руб.	–	–	–	–	195,0	290,5	306,0	547,0	541,0	417,0
Количество компаний, выпускающих продукцию, связанную с нанотехнологиями	–	–	–	576	567	547	560	550	524	505

Источник: рассчитано автором по: годовые отчеты АО «РОСНАНО». <https://www.rusnano.com/about/godovyye-otchety>.

ных программ в области нанотехнологий с 2016 г. увеличилось на 70 и составило 217, что также соответствует плановым значениям. В рамках институциональной поддержки развития nanoиндустрии достигнуты плановые значения по количеству разработанных стандартов, документов и методик.

Оценивая развитие nanoиндустрии России в целом за период 2011–2020 гг., нужно отметить прежде всего увеличение объемов продаж российской продукции и объемов экспорта. Но при этом, несмотря на положительную динамику, сохраняется существенное отставание от ведущих мировых экономик и ряда развивающихся стран. Так, количество публикаций по вопросам nanoиндустрии в Китае в 9,7 раз больше, чем в России, в США – в 5,4 раза, в Индии – в 2,5 раза. По числу выданных патентов Китай превосходит Россию более чем в 27 раз, США – почти в 11 раз, Южная Корея – в 6,4 раза, Япония – в 4,2 раза. Таким образом, деятельность АО «РОСНАНО», хотя и оказала некоторое положительное влияние на основные показатели развития nanoиндустрии, но пока не позволила стране выйти на передовые позиции в мире.

Характеризуя позицию России по уровню инновационности и конкурентоспособности в сравнении с другими странами, можно опираться на различные рейтинги, связанные с технологическим развитием. Несмотря на относительную субъективность и различие в подходах к их составлению, общая оценка позиций России говорит о существенном отставании от стран – лидеров в сфере инноваций. По большинству рейтингов Россия не входит в число первых 20–30 стран. Так, в Мировом рейтинге наиболее инновационных стран (Global Innovation Index 2021) Россия находится на 45-м месте из 132¹⁴, в Мировом рейтинге цифровой конкурентоспособности 2021 (World Digital Competitiveness Rankings) – на 42-м месте из 64¹⁵, по Индексу глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index 4.0 2019 Rankings) страна оказалась на 43-м месте из 141¹⁶. При этом стоит отметить, что по отдельным показателям международных рейтингов Россия занимает достаточно высокие позиции: например, по охвату населения высшим образованием, по численности выпускников высших учебных заведений научных и инженерных специальностей (направлений подготовки), численности занятых в области НИОКР

¹⁴ Global Innovation Index 2021. https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2021/GII_2021_results.pdf

¹⁵ World Digital Competitiveness Rankings. <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/>.

¹⁶ Global Competitiveness Report 2019. https://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf.

(в т. ч. женщин с ученой степенью). Высоки и благоприятны для дальнейшего развития позиции России по показателям масштабов рынка, особенно внутреннего [8]. Также и уровень инновационной активности в части патентования, научных публикаций и цитирования в России значительно выше, чем во многих странах.

Проведенный анализ позволил определить следующие основные направления инновационного развития, требующие, на наш взгляд, усиления государственной поддержки:

- увеличение доли новых для рынка сбыта инновационных товаров (работ/услуг) промышленного производства;
- увеличение числа организаций, занимающихся инновационной деятельностью;
- совершенствование системы финансирования и софинансирования инноваций организаций (в т. ч. с участием институтов развития);
- создание дополнительных возможностей для появления новых качественных проектов в сфере инноваций;
- увеличение предложения капитала в приоритетных отраслях (помимо ИКТ);
- развитие экспорта товаров инновационной промышленности, а также импортозамещение последних;
- законодательное, институциональное и инфраструктурное развитие (в т. ч. в части налогового права, защиты прав инвесторов и интеллектуальной собственности).

Представляется важным, чтобы новые стратегические решения были направлены не только на поддержку частных компаний по отдельным научно-технологическим направлениям, но и на реализацию крупных проектов, обеспечивающих комплексное решение задач технологической модернизации российской экономики и развитие новых высокотехнологичных производств. Такие проекты должны быть увязаны с национальными целями развития России, обеспечивать структурную модернизацию экономики в направлении перехода к новой инновационной модели развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Власкин Г.А.* Государственное регулирование инновационной сферы: назревшие решения // *Управленческие науки*. 2015. № 1. С. 32–43.
2. *Вологова Ю.В.* Финансовые институты инновационного развития в стратегии перехода России к технологическому лидерству // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2019. № 3. С. 168–181.
3. *Воронцова Ю.В.* Проблемы развития национальной инновационной системы РФ // *Журнал «Теоретическая экономика»*. 2020. № 2. С. 26–33.
4. *Голитцова Н.Н., Абдуллаев А.М.* Финансирование инновационной организации при помощи первичного размещения монет // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2018. № 2. (28) С. 4–9.
5. *Доржиева В.В., Ильина С.А.* Финансовые институты развития как фактор структурной модернизации экономики: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2020.
6. *Иванова Л.* Институты развития как органичный элемент управления экономическими процессами // *Общество и экономика*. 2019. № 9. С. 20–31.
7. *Ленчук Е.Б.* Финансовые институты развития в решении задач технологической модернизации и инновационного развития // *Федерализм*. 2015. № 4 (80). С. 7–24.
8. *Михайлова А.Е., Земецкий Ю.В., Немиленцев М.К.* Основные тенденции и особенности инновационного развития российской экономики // *Петербургский экономический журнал*. 2020. № 1. С. 56–63.

REFERENCES

1. *Vlaskin G.A.* State regulation of innovation sphere in the era of sanctions: urgent solutions // *Management sciences*. 2015. No. 1. Pp. 32–43. (In Russ.).
2. *Vologova Yu.V.* Financial institutions of innovative development in the strategy of Russia's transition to technological leadership // *Bulletin of the Institute of Economics RAS*. 2019. No. 3. Pp. 168–181. (In Russ.).
3. *Voroncova Ju.V.* Problems of development of the national innovation system of the Russia // «*Theoretical economy*». 2020. № 2. P. 26–33. (In Russ.).
4. *Golitsova N. N., Abdullayev A. M.* Financing of innovative organizations by using IPO coins // *Innovative economy: prospects for development and improvement*. 2018. № 2. (28) Pp. 4–9. (In Russ.).
5. *Dorzhiyeva V.V., Ilyina S.A.* Development financial institutions as a factor of the structural modernization of economy: Scientific report. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. (In Russ.).
6. *Ivanova L.* Development institutions as an inherent part of economic process management // *Society and Economics*. 2019. No. Pp. 20–31. (In Russ.).
7. *Lenchuk E.B.* Financial institutions of development in the solution of the tasks of technological modernization and innovative development // *Federalism* 2015. No. 4. Pp. 7–24. (In Russ.).
8. *Mihajlova A.E., Zemenckij Ju.V., Nemilencev M.K.* Main trends and features of the innovative development of the Russian economy // *Saint-Petersburg Economic Journal*. 2020. № 1. Pp. 56–63. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 21.12.2021 г.

ABOUT THE AUTHOR

Vologova Yulia Viktorovna – Junior Researcher at the Center for Innovative Economics and Industrial Policy, of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
yuliya-vologova@yandex.ru

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY: STATUS
AND ANALYSIS OF STATE SUPPORT MEASURES

The article analyzes the state of innovation development of Russia focusing on the tasks of «The Strategy for Innovative Development of Russia until 2020». The actual change in the innovation ecosystem in the period 2010–2020 are assessed. The main areas of innovative environment where there is still a significant gap vs leading countries are identified. Main directions to increase state support in order to upgrade technological development of Russia were revealed.

Keywords: *scientific and technological development, innovative development, technological leadership, development institutions.*

JEL: O11, O14, O32, O33, O43, O47.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Д.В. ЗЕЛЕНОБОРСКАЯ

кандидат экономических наук,
ученый секретарь ФГБУН Институт экономики РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В 2021 ГОДУ

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_169_174.

В 2021 г. Институт экономики Российской академии наук проводил научно-исследовательскую деятельность в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.).

Основные результаты научной деятельности

В коллективной монографии «Россия и постсоветские страны: вопросы экономических отношений» (Отв. ред. А.Г. Пылин // М.: ИЭ РАН, 2021) исследована роль России в социально-экономическом развитии постсоветских стран «пояса соседства» и Монголии с учетом сложившихся форм, механизмов и рисков взаимного сотрудничества; дана оценка влиянию стран – соседей на российскую экономику и политику. Рассчитаны показатели связанности экономик России и рассматриваемых государств, а также проведена типология стран по характеру связанности, что имеет большое значение для выработки подходов к углублению евразийской интеграции и реализации заявленного проекта «Большого евразийского партнерства». Проанализированы сложившиеся модели экономического сотрудничества России со странами «пояса соседства» в контексте разнонаправленных трендов их развития, обусловленных влиянием меняющейся внешнеэкономической конъюнктуры и растущей конкуренцией на постсоветском про-

странстве со стороны Евросоюза и Китая. Выделены основные каналы влияния России на рассматриваемые страны с учетом сложившихся институтов взаимного сотрудничества и структур их экономики.

Коллективная монография «Российско-вьетнамские отношения в современном мире» (Отв. ред. Л.Б. Вардомский, И.А. Коргун // М.: ИЭ РАН, 2021) посвящена вопросам двусторонних отношений России и Вьетнама, анализу истории экономического взаимодействия двух стран на протяжении последних трех десятилетий; исследованию возможностей и проблем диверсификации связей в контексте интеграционных процессов на постсоветском пространстве и в регионе АТР, трансформации модели экономического развития Вьетнама. Особое внимание уделено вопросам российско-вьетнамского энергетического сотрудничества.

В коллективной монографии «Пандемия COVID-19: социально-экономические вызовы и ответные меры в странах Центрально-Восточной Европы в условиях европейской интеграции» (Отв. ред. Н.В. Куликова // М.: ИЭ РАН, 2021) рассматриваются связанные с пандемией COVID-19 тенденции и риски в Центрально-Восточной Европе, принимаемые правительствами стран региона меры по сдерживанию распространения инфекции, экономические и социальные последствия этих мер, а также сбоев в работе трансграничных производственно-сбытовых цепочек для экономики региона, помощь Европейского союза и российское участие в преодолении вызванных пандемией кризисных ситуаций в странах ЦВЕ, перспективы их развития в постковидном будущем.

В коллективной монографии «Экономическая безопасность России в новой реальности» (Под ред. А.Е. Городецкого, И.В. Каравачевой, М.Ю. Льва // М.: ИЭ РАН, 2021) представлено комплексное исследование изменений в системе вызовов и угроз национальной безопасности в экономической и социальной сферах в преддверии и в условиях развития пандемического кризиса 2019–2021 гг. Дана оценка природы пандемического кризиса, его соотношения с глобальным трансформационным кризисом. Определены подходы к разрешению возникшего на базе пандемической ситуации противоречия социальных и экономических интересов в развитии современного общества. Обосновано возрастание значимости социальной составляющей экономической безопасности в новой пост-пандемической реальности. Разработан ряд возможных направлений модернизации и трансформации системы экономических регуляторов на государственном уровне, позволяющих соединить технологическую и социально-экономическую модернизацию. Определены ориентиры развития теории экономической безопасности и регулятивных методов обеспечения экономической безопасности на федеральном и субфедеральном уровнях.

В сборнике научных трудов «Труд и качество жизни населения России (к 100-летию со дня рождения Е.И. Капустина)» (Отв. ред. И.В. Соболева. М.: ИЭ РАН, 2021) рассмотрены теоретические и методологические подходы к исследованию человеческого потенциала, уровня и качества жизни населения; исследованы вопросы социально-экономического неравенства и трудовых отношений в современном обществе, а также актуальные проблемы состояния рынка труда в условиях пандемии.

В 2021 г. сотрудниками ИЭ РАН опубликовано более 400 научных статей в журналах, индексируемых в информационно-аналитических системах научного цитирования («Сеть науки» (Web of Science), Scopus, Российский индекс научного цитирования).

Научно-организационная деятельность ИЭ РАН

В целях координации научных исследований и активизации внедрения результатов научно-исследовательских разработок в практику Институтом экономики в 2021 г. был проведен ряд научно-организационных мероприятий:

Конференции и симпозиумы:

- Международная научная конференция «Причины усиления социально-политической турбулентности в странах «поояса соседства» России и ее последствия для РФ» (Москва, 24 марта; совместно с Евразийским информационно-аналитическим консорциумом);
- Международная научная конференция «Национальные стратегии и общая повестка к постковидному восстановлению в странах БРИКС: на пути к устойчивому развитию» (Москва, 30 марта; совместно с Национальным комитетом по исследованию БРИКС);
- Международная научно-практическая конференция «V Сенчаговские чтения: новые вызовы и угрозы экономике и социуму России» (Москва, 19–21 апреля);
- II Октябрьская международная конференция по проблемам теоретической экономики «Человеческие качества и человеческое поведение в экономической теории» (Москва, 18–19 мая; совместно с Журналом Новой экономической ассоциации и НИУ ВШЭ);
- Международная научная конференция «Тридцать лет после распада СФРЮ: современные проблемы взаимоотношений республик бывшей Югославии» (Москва, 21 мая);
- Международная конференция «Приоритеты постковидного восстановления в странах АСЕАН: новые перспективы для сотрудничества с Россией» (Москва, 3 июня; совместно с НИУ ВШЭ);
- Научная конференция «100 лет новой экономической политике и социалистический рынок: история и современность» (Москва, 9 июня);

- Международная научная конференция «Россия и Китай: совместное развитие и модернизация» (Москва, 24 июня; совместно с Отделением общественных наук РАН и Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук);
- Международная конференция «30 лет постсоветской трансформации в России и странах СНГ: взгляд из Восточной Азии» (Москва, 12 октября);
- XIV Пушинский симпозиум по эволюционной экономике «Гетеродоксальная экономика и экономический рост» (Москва, 12 октября);
- III Октябрьская международная научная конференция по проблемам теоретической экономики «Экономическая теория и методология: до и после маржиналистской революции» (Москва, 20–21 октября; совместно с Журналом Новой экономической ассоциации и НИУ ВШЭ);
- Международная научно-практическая конференция «Россия на постсоветском пространстве: проблемы, риски, перспективы» (Москва, 28 октября; совместно с Филиалом Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации и Институтом Европы РАН);
- Научная конференция молодых ученых «Проблемы и перспективы регионального развития и международного сотрудничества регионов» (Москва, 2 ноября);
- Международная научная конференция «30 лет без СССР: итоги и уроки» (Москва, 23 ноября);
- Ежегодная научная конференция молодых ученых «Россия в глобальной экономике: новые вызовы и угрозы» (Москва, 25 ноября);
- Международная молодежная конференция «Страны БРИКС в международной торговле в условиях цифровизации и постковидного восстановления мировой экономики» (Москва, 25 ноября; совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом);
- Научная конференция «Эволюция академической экономической науки в России» (Москва, 1–2 декабря; совместно с Отделением общественных наук РАН, Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центральным экономико-математическим институтом РАН и Институтом проблем рынка РАН);
- Международная научная конференция, посвященная памяти С.П. Глинкиной: «Социально-экономические аспекты коронакризиса: ситуация в Европе» (Москва, 7 декабря);
- Международная научная конференция «Итоги 30 лет трансформации экономик постсоветских государств: основные тренды и перспективы развития» (Москва, 23 декабря).

Круглые столы:

- Программа «Рыжкова – Абалкина». Неиспользованный шанс или нереализованная иллюзия? (Москва, 27 апреля);
- К 100-летию юбилею образования Госплана (Москва, 10 июня);
- К 90-летию со дня рождения П.В. Савченко (Москва, 7 октября);
- Межкорейские отношения в эпоху санкций и интересы России (19 октября);
- Креативные индустрии в России: тенденции и перспективы развития (Москва, 26 октября);
- Труд и качество жизни в СССР и в современной России: что приобрели и что потеряли. К 100-летию со дня рождения Е.И. Капустина (Москва, 7 декабря).

В отчетный период продолжали работу научные семинары Института экономики РАН: «Теоретическая экономика» (рук. – д.ф.н. А.Я. Рубинштейн, международный семинар ИЭ РАН и Новой экономической ассоциации); «Теория и моделирование воспроизводственных процессов в экономике» (рук. – академик РАН В.И. Маевский, д.с.н. С.Г. Кирдина-Чэндлер), «Институциональная теория и ее приложения» (рук. – д.э.н. О.С. Сухарев). В 2021 г. начал работу научный семинар «Цифровые финансы» (рук. – член-корреспондент РАН М.Ю. Головнин).

Экспертная деятельность

В 2021 г. Институт экономики сотрудничал в области экспертной деятельности с органами исполнительной и законодательной власти, министерствами и ведомствами: Советом Федерации ФС РФ, Государственной Думой ФС РФ, Советом безопасности РФ, Министерством науки и высшего образования РФ и др. В частности, проводилась экспертиза Годового отчета Банка России, Прогноза социально-экономического развития Российской Федерации, федерального бюджета, Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики, проекта Основ государственной политики в сфере стратегического планирования Российской Федерации.

Продолжал работу Экспертный совет ИЭ РАН по проблемам корпоративного управления компаниями с государственным участием. На заседаниях Совета обсуждались следующие вопросы: влияние института корпоративного управления на результаты экономической деятельности компаний, корпоративное управление в компаниях различной формы собственности, современные механизмы повышения акционерной стоимости.

Издательская деятельность

В 2021 г. Институтом экономики издано более 15 научных трудов (монографий, брошюр, сборников научных трудов, докладов). В серии «Научные доклады Института экономики РАН» изданы доклады:

- О.И. Ананьин «Генезис экономической науки: историко-научный контекст»;
- С.А. Братченко «Качество государственного управления: теоретический, методологический и институциональный аспекты»;
- А.В. Виленский, И.Н. Домнина, Л.И. Маевская «Малый бизнес в регионах России: до и после пандемии»;
- Коллективный доклад «Интеграционные процессы в Восточной Азии: тенденции, задачи, перспективы (на примере Китая, Республики Корея и Вьетнама)» / Под ред. И.А. Коргун;
- Коллективный доклад «Сфера труда в условиях пандемии»/ Рук. авт. колл. И.В. Соболева;
- П.А. Ореховский «Контроль над ценами в СССР: роль дискурса “стоимости”»;
- Ю.Г. Павленко «Политэкономия социального государства в контексте государственного патернализма»;
- Коллективный доклад «Постсоветские страны в процессах международной регионализации в 2010–2020 гг.: ожидания, итоги, новые тенденции»/ Под ред. Л.Б. Вардомского;
- А.Я. Рубинштейн, Н.А. Бураков «Эволюция патерналистского государства: общественный выбор и наукометрия».

Продолжалось издание научных журналов «Вестник Института экономики Российской академии наук», «Вопросы теоретической экономики», «Мир перемен».

Международное сотрудничество

В 2021 г. Институт экономики продолжал работу на основе двусторонних долгосрочных соглашений о международном научном сотрудничестве с партнерами зарубежных стран (Белоруссия, Вьетнам, Индия, Казахстан, Китай, Республика Корея, Куба, Польша, Узбекистан, Таджикистан, Грузия).

Ученые ИЭ РАН участвовали в международных симпозиумах, форумах, конгрессах, конференциях, семинарах, организованных научными центрами и организациями зарубежных стран.

Дата поступления рукописи: 03.02.2022 г.

ABOUT THE AUTHOR

Zelenoborskaya Larisa Viktorovna – Cand. Sci. (Econ.), Academic Secretary of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES IN 2021

В.Н. БОБКОВ

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник,
заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни
Института социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
директор Научного центра экономики труда РЭУ им. Г.В. Плеханова

М.А. ВЕРШИНИНА

научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни
Института социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

**ТРУД И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ ПОЗИЦИИ**

Е.И. КАПУСТИНА

(к 100-летию со дня рождения ученого)

В статье рассмотрены взгляды российских ученых-экономистов, сотрудников Института экономики РАН, на накопившиеся проблемы капиталистических трансформаций в России, представленные в сборнике «Труд и качество жизни населения России (к 100-летию со дня рождения Е.И. Капустина)»/ Отв. ред. И.В. Соболева. М.: ИЭ РАН, 2021. Публикация сборника приурочена к юбилею Е.И. Капустина, выдающегося советского и российского ученого-экономиста, чл.-корр. РАН, доктора экономических наук, профессора, директора ИЭ РАН (1971–1986 гг.). Проблемы современного капиталистического общества в России проанализированы в сборнике в контексте гражданской и научной позиции Е.И. Капустина по следующим направлениям: человеческий потенциал и качество жизни населения, социально-трудовые отношения и рынок труда в условиях пандемии COVID-19. В статье также рассмотрены проблемы бедности в постсоветской России. Сделаны выводы о необходимости продолжения поиска мер по выходу из сложного экономического и социального положения нашей страны, исходя из политэкономической концепции социального императива, предопределяющего постановку в центр научных исследований социальных требований трудящихся.

Ключевые слова: *Е.И. Капустин, социально-экономическое неравенство, качество жизни, уровень жизни, образ жизни, бедность, человеческий потенциал, социально-трудовые отношения, занятость.*

JEL: A11, D63, J01, I32, N00.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_175_191.

Итоги капиталистических реформ в России, начавшихся после распада СССР в 1991 г., продолжают и сегодня широко обсуждаться в многочисленных публикациях¹. Ожидания основной массы населения в повышении благосостояния не получили реального воплощения в жизнь. Радикальная реформация трудовых отношений, играющих ключевую роль в обеспечении достойных качества, уровня и образа жизни в российском обществе, не создала для этого необходимые экономические и социальные основы. Капиталистическая направленность трансформации социально-трудовых отношений, повлекшая за собой широкое распространение масштабов неустойчивой (прекаризованной) занятости, негативно отражается на доходах семей работников, ухудшает условия для развития человеческого потенциала, порождает высокий уровень бедности и социально-экономического неравенства, приводит к снижению уровня и качества жизни, разительным отличиям в образе жизни и к социальному расколу общества.

Неблагоприятные условия жизни демотивируют семьи рожать вторых и более детей, определяют перманентный демографический кризис, сдерживают рост продолжительности жизни. Сложные внутренние и внешние условия развития нашей страны требуют изменения курса проводимых реформ.

Е.И. Капустин – ученый, неординарный человек, патриот своей страны

Заметным событием в ряду современных критических оценок капиталистических трансформаций в России стала публикация сборника «Труд и качество жизни населения России (к 100-летию

¹ Сорокин Д.Е. Преобразование экономической системы России // Проблемы современной экономики. 2014. № 3. С. 46–49; Гонтмахер Е. Поколенческий сдвиг и уроки 30-летия постсоветской эпохи // Экспертная группа «Европейский диалог». <http://www.eedialog.org/ru/2020/07/31/pokolencheskij-sdvig-i-uroki-30-letija-postsovetskoj-epohi> (дата обращения: 14.10.2021); Явлинский Г.А. 30 лет после коммунизма. Контуры новой эпохи // Г. Явлинский. URL: <https://www.yavlinsky.ru/article/30-let-posle-kommunizma> (дата обращения: 11.10.2021); Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Депопуляция в России, ее этапы и их особенности // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 2. С. 4–17. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-01> (дата обращения: 11.10.2021); Вишневецкий А.Г. Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А.Б. Синельникову // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 93–104. doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6820; Субетто А.И., Лукоянов В.В. Эпоха великого эволюционного перелома как эпоха ноосферного преобразования мира // Ноосфера. Общество. Человек. 2020. № 3. URL: <http://noosivil.esrae.ru/267-2130> (дата обращения: 18.11.2021); Бобков В.Н. Удручающие социальные результаты двадцатилетней капиталистической трансформации России // Российский экономический журнал. 2012. № 2. С. 10–28.

со дня рождения Е.И. Капустина)»², изданного ИЭ РАН в 2021 г. и посвященного выдающемуся ученому и организатору науки, члену-корреспонденту РАН, бывшему директору Института экономики АН СССР (1971–1986 гг.). Отдавая дань памяти Е.И. Капустину и отмечая его заслуги и научные достижения, авторы сборника с разных сторон анализируют актуальные проблемы социально-трудовой сферы, наиболее характерные для постсоветского периода. Особое внимание уделяется исследованию человеческого потенциала, уровня и качества жизни населения, социально-экономического неравенства и трудовых отношений в современном обществе. В ряде статей их авторы непосредственно отсылают читателя к научному наследию Е.И. Капустина, в первую очередь к его фундаментальному труду «Уровень, качество и образ жизни населения России»³, который, по сути, является итогом многолетней плодотворной научной деятельности Евгения Ивановича и вобрал в себя его идеи, касающиеся первых результатов радикальных рыночных реформ и перспектив развития российского социума, а также роли человека как субъекта экономической активности, прежде всего в сфере труда и занятости. Некоторые статьи, напрямую не связанные с темами работ Е.И. Капустина, тем не менее, написаны авторами в развитие его научных интересов. Судя по материалам сборника, авторы продолжают традиции школы трудовиков Института экономики АН СССР, видным представителем которой был Е.И. Капустин.

Данный сборник составлен таким образом, чтобы дать развернутое представление о научных разработках тематики, бывшей предметом исследований Е.И. Капустина, но в контексте современности, а также познакомить читателей с биографией выдающегося ученого, не менее значительной, чем его научные достижения. В сборнике содержатся воспоминания о Е.И. Капустине, о его достойном жизненном пути ученого и гражданина, фронтовика, бывшего на передовых рубежах вместе со своей страной в дни побед и лихолетий. Особый интерес вызывает очерк сына Евгения Ивановича – В.Е. Капустина, который представил яркий образ своего отца, отметив ключевые вехи его биографии: учеба на экономическом факультете Московского института философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ), кавалерийское и танковое училища, героический путь дорогами войны с тяжелыми ранениями и наградами, возвращение к мирной жизни – получение диплома МГУ имени М.В. Ломоносова

² Труд и качество жизни населения России (к 100-летию со дня рождения Е.И. Капустина) / Отв. ред. И.В. Соболева. М.: ИЭ РАН, 2021.

³ Капустин Е.И. Уровень, качество и образ жизни населения России. Ин-т экономики РАН, М.: Наука. 2006.

и, в дальнейшем, – ученых степеней, научно-исследовательская и научно-организационная работа в Комитете по труду СССР и в НИИ труда (с 1965 г. по 1971 г. в качестве директора), руководство Институтом экономики АН СССР. Воспоминания В.Е. Капустина, М.И. Воейкова, Г.Л. Подвойского придают особую теплоту образу Е.И. Капустина, показывают его не только как замечательного ученого, неординарного человека, патриота своей страны, заинтересованного в общем деле, но и как внимательного и неравнодушного человека в повседневной частной жизни, как истинного интеллигента.

Авторами особо отмечается роль Е.И. Капустина в формировании и укреплении позиций ИЭ АН СССР как ведущей организации по исследованию вопросов экономики труда: в Институте «Последовательно создаются целевые центры и сектора для углубленного изучения, разработки методик анализа и обобщения опыта исследований всего комплекса вопросов труда. Возникает и получает заслуженное признание целая школа трудовиков на базе Института, силами которых готовится внушительный ряд качественных докладов и монографий, посвященных проблемам заработной платы, трудовых ресурсов, эффективности и отраслевой специфики труда»⁴. Помимо руководства научными коллективами Е.И. Капустин осуществлял собственные разработки различных аспектов сферы труда. Своими новаторскими исследованиями образа жизни населения, качества труда и других, сопряженных с данной тематикой вопросов, он внес значительный вклад в экономическую науку.

Особо следует подчеркнуть, что сборник содержит библиографические материалы, хронологический указатель трудов Е.И. Капустина и список литературы о его жизни и творчестве, составленные впервые Т.А. Бараненковой, что не только дополняет биографический раздел, но показывает академический уровень и глубину подготовки к выходу в свет данного сборника. Рассматривая сборник в целом, следует отметить высокий уровень научного анализа, проведенного в русле лучших академических традиций школы трудовиков, достойный памяти выдающегося ученого.

Рассматривая положения авторов сборника более широко и комплексно, нельзя не отметить, что они базируются и развивают идеи, заложенные в более ранних трудах ученых – специалистов в данной области.

⁴ Труд и качество жизни населения России (к 100-летию со дня рождения Е.И. Капустина) / Отв. ред. И.В. Соболева. М.: ИЭ РАН, 2021. С. 25–26.

Человеческий потенциал и качество жизни населения

На наш взгляд, ключевое значение для понимания состояния российского общества, рассматриваемого с позиций человеческого развития, имеет статья М.И. Воейкова, Г.В. Анисимовой 2015 г., посвященная социально – экономическому неравенству и качеству жизни в России⁵. Во главу угла авторами было выдвинуто положение о том, что социально – экономическое неравенство следует относить к категории «качество жизни», поскольку люди себя чувствуют бедными на фоне богатых и очень богатых. В связи с этим проблему социально-экономического неравенства и низкого качества жизни большинства населения в России авторы сборника обоснованно связывают между собой, при этом отдавая должное тому, что «Е.И. Капустин всегда выступал против, так сказать, уравниловки в оплате труда и всегда подчеркивал, что более квалифицированный и продуктивный труд должен оплачиваться лучше»⁶. В России высокое социально-экономическое неравенство не обусловлено квалификацией работников и производительностью труда. Авторы справедливо в первую очередь отмечают значение фактора собственности и фактора диспропорций в оплате труда, показывают на базе официальной статистики, как неравенство негативно влияет на все показатели социально-экономического развития. Из этого следует их основной вывод, состоящий в том, что «...путь к процветанию общества состоит в преодолении чрезмерного экономического неравенства, к осознанию чего должен прежде всего прийти правящий класс любого общества»⁷.

Ю.Г. Павленко рассматривает проблемы постсоветского образа жизни. Он опирается на положение Е.И. Капустина о радикальном социальном расколе общества в условиях капиталистических трансформаций. Совершенно очевидно, что при этом образ жизни в различных социальных группах будет отличаться разительно, даже без развития многоукладности в экономической системе, которая автором определяется как необходимость современной экономики и как предпосылка многообразия типов хозяйственной деятельности, и соответствующего многообразия образов жизни. Важно то, что Ю.Г. Павленко рассматривает ценностный кризис как составную часть системного кризиса современного капитализма, который наиболее наглядно про-

⁵ Воейков М., Анисимова Г. Тренды экономического роста и неравенства на постсоветском пространстве // Общество и экономика. 2015. № 3. С. 26–46.

⁶ Труд и качество жизни населения России (к 100-летию со дня рождения Е.И. Капустина) / Отв. ред. И.В. Соболева. М.: ИЭ РАН, 2021. С. 49.

⁷ Там же. С. 73.

является за пределами экономики, в т. ч. в сфере культуры и науки⁸. Вследствие того, что политиками признаются, прежде всего, монетарные результаты, данные виды деятельности и соответствующие им сферы воспринимаются как «неэффективные». Финансирование культуры и науки осуществляется по остаточному принципу, а к их работникам утвердилось отношение как к не престижным группам в обществе⁹. Российская общественная наука действительно ощущает свою ненужность власти, что нельзя признать нормальным.

Обращает на себя внимание статья И.В. Соболевой 2006 г. о соотношении категорий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» как в методологических и теоретических исследованиях в целом, так и в практической плоскости. Разбор этих базовых категорий имеет принципиальное значение в капиталистической экономике в связи с широким распространением категории «человеческий капитал», вышедшей за рамки неоклассической доктрины, имеющей более узкое прикладное применение, нежели категория «человеческий потенциал», отражающая комплексный охват процессов человеческого развития, как на микро, так и на макроуровне¹⁰. В подтверждение этого положения В.Н. Бобков и О.В. Вередюк справедливо замечают, что человеческий потенциал в отличие от человеческого капитала не ограничивается реализацией способностей людей в рамках экономического подхода. Различия между этими категориями достаточно велики для того, чтобы объединять их в общий класс явлений – «капитал»¹¹. В данной связи замещение интегральной категории «человеческий потенциал» категорией «человеческий капитал» действительно представляется необоснованным.

М.Н. Фёдорова продолжает традиции Е.И. Капустина в исследовании категорий «уровень жизни», «качество жизни» и «образ жизни», используя комплексный подход¹². Она справедливо полагает, что в постсоветский период вопросы, раскрывающие содержание поня-

⁸ Павленко Ю.Г. Институциональные условия и механизмы формирования новой экономической модели / Политэкономика: социальные приоритеты. Материалы Первого международного политэкономического конгресса. Т. 2. М., 2013. С. 207–215.

⁹ Труд и качество жизни населения России (к 100-летию со дня рождения Е.И. Капустина) / Отв. ред. И.В. Соболева. М.: ИЭ РАН, 2021. С. 82–83.

¹⁰ Соболева И.В. Проблемы воспроизводства человеческого потенциала в трансформационной экономике. М.: ИЭ РАН, 2006.

¹¹ Бобков В.Н., Вередюк О.В. Занятость и рынок труда: контуры дестандартизации. Академическая дискуссия на V Санкт-Петербургском международном форуме труда (Санкт-Петербург, 23 апреля 2021 г.) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 2. С. 271–285. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.2.11.

¹² Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития / Под ред. Р.С. Гринберга, П.С. Савченко. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2021.

тия «образ жизни», оставались, по сути, без достаточного внимания. Это соотносится с устоявшимся, навязанным буржуазными интересантами негативном клише «социалистический образ жизни» и, вытекающим из этого, отрицательным отношением ко всему, связанному с социализмом. Кроме того, автор полагает, что у категории «образ жизни» существуют своего рода конкуренты в экономической теории: например, «экономический человек» и «институциональный человек» как характеристики определенных типичных сторон жизнедеятельности человека в рыночной экономике»¹³.

Социально-трудовые отношения в современных условиях

В контексте научного наследия Е.И. Капустина ученые продолжают исследования целого комплекса проблем, имеющих первостепенное значение для современной российской экономики, в которой роль человеческого фактора, в первую очередь роль человека труда, должна неизбежно возрасти. В данной связи С.А. Долматова в своей статье 2021 г. обоснованно затрагивает тему императива гуманизации социально-трудовых отношений в современной России при давно назревшей необходимости смены парадигмы экономического развития. Особую озабоченность у этого автора сборника вызывает нерешенность отмеченных почти 20 лет назад Е.И. Капустиным таких социальных проблем, как бедность и социальное расслоение, низкий уровень жизни большинства населения, и связанных с ними проблем неподобающего качества и образа жизни, недостойного граждан страны, обладающей значительными материальными ресурсами и человеческим потенциалом, не говоря уже о богатом культурном и историческом наследии¹⁴.

Э.Н. Соболев показывает, что само понятие «социально-трудовые отношения», прочно вошедшее в научный оборот, тем не менее, не имеет точного определения в связи с тем, что рассматривается под разными углами зрения в смежных общественных науках, таких как экономика труда, социология труда, трудовое право. Автор справедливо отмечает, что необходимо рассматривать понятие «трудовые отношения» как многоуровневую интегральную категорию. Им выделяются три вида трудовых отношений – технико-трудовые, социально-трудовые и организационно-трудовые. Это может обеспечить анализ соци-

¹³ Труд и качество жизни населения России (к 100-летию со дня рождения Е.И. Капустина) / Отв. ред. И.В. Соболева. М.: ИЭ РАН, 2021. С. 117.

¹⁴ Долматова С.А. Проблема «работающих бедных» в контексте «коронакризиса» в России // Вопросы политической экономии. 2021. № 1 (25). С. 126–137.

ально-трудовых отношений с учетом других составляющих трудового процесса¹⁵. Вызывает интерес предложенный автором метод оптимальных интервалов для оценки эффективности социально-трудовых отношений, который, как нам представляется, нуждается в дополнительной апробации и дальнейшей разработке.

М.С. Токсанбаева, рассматривая социальные проблемы занятости на малых предприятиях, привлекает внимание к развитию малого бизнеса, усматривая в нем перспективы развития постиндустриальной экономики. Автор аргументирует это положение более широкими возможностями эффективного использования интеллектуального потенциала работников в быстро увеличивающейся доле занятых в деловых и профессиональных услугах. В своем более раннем исследовании автор подчеркивает необходимость адаптации трудовых норм к условиям нестандартной занятости, типичной для небольших корпоративных организаций и, особенно, не корпоративных видов деятельности¹⁶.

Важную роль играет анализ проблем социальной ответственности работодателей (СОР), проведенный Т.В. Чубаровой и Е.Е. Шестаковой. Развитие СОР обосновывается новыми социальными запросами и рисками, давлением демографических проблем, необходимостью обеспечения устойчивого развития и национальной конкурентоспособности¹⁷. Бизнес в такой среде способен, по мнению авторов, стать достаточно самостоятельным каналом реализации социальной политики и компенсировать ограниченные возможности государства по выполнению социальных обязательств. Роль социальной поддержки работников на микроуровне должна возрасти, при условии обеспечения трудового законодательства.

Рынок труда в условиях пандемии

Как полагает Е.С. Кубишин, в связи с расширением процесса цифровизации из-за пандемии коронавируса в России, угрожающий характер приобретает криминальная занятость. В ее работе показано, что хотя интенсивный рост киберпреступности начался еще до пан-

¹⁵ Соболев Э.Н. Социальная политика в сфере труда: критерии эффективности и направления модернизации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 2. С. 32–46.

¹⁶ Токсанбаева М.С., Антонов М.В. Занятость в московском малом бизнесе разного статуса // Народонаселение. 2017. № 2. С. 92–102.

¹⁷ Чубарова Т.В., Шестакова Е.Е. Структурные социальные риски как последствия социальной политики современного государства: методологические аспекты // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 89–101. DOI: 10.24411/2587-7666-2018-00006.

демии COVID-19¹⁸, пандемия значительно ускорила этот процесс, чему способствовало развитие новых цифровых технологий занятости. Автор приводит в сборнике убедительный фактологический материал и предлагает направления сужения сферы преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий, а также говорит о необходимости практической реализации мер, предусмотренных в этой сфере в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

А.П. Седловым ранее уже рассматривались проблемы реиммиграции иностранной рабочей силы в период пандемии COVID-19 и возникших вследствие этого диспропорций на локальных рынках труда¹⁹. В сборнике им также показаны проблемы, обусловленные дефицитом дешевой рабочей силы в наиболее пострадавших от реиммиграции отраслях: в строительстве, в сельском и жилищно-коммунальном хозяйстве при проведении сезонных работ и др. Поставлен вопрос о необходимости применения новых стандартов условий и оплаты труда для привлечения в эти сферы россиян.

Проблема бедности

В контексте научного творчества и гражданской позиции Е.И. Капустина и в развитие положений, рассмотренных авторами сборника, обратим более пристальное внимание на еще одну, как нам представляется, исключительно важную проблему – проблему бедности в постсоветской России, к которой неоднократно обращался Е.И. Капустин в своих исследованиях.

В Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»²⁰ была выдвинута задача снижения в два раза уровня абсолютной монетарной бедности. Проблема снижения бедности формулировалась как самостоятельная национальная цель: «...снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации»

¹⁸ Кубишин Е.С. Неформальная занятость в России: причины, влияние на экономику и общество, перспективы легализации в пост-коронакризисный период // Экономика: вчера, сегодня, завтра (электронный журнал). 2020. Vol. 10. Is. 10A. С. 67–81. DOI: 10.34670/AR/21/34/47/008. <https://www.publishing-vak.ru/file/archive-economy-2020-10/7-kubishin.pdf> (дата обращения: 18.11.2021).

¹⁹ Седлов А.П. Миграция населения и пандемия COVID-19: исторические маркеры и императивы в международных сравнениях // Общество и экономика. 2020. № 11. С. 21–30. DOI: 10.31857/S020736760012597-5.

²⁰ Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204. <http://kremlin.ru/catalog/keywords/87/events/57425> (дата обращения: 18.11.2021).

(п. 1г). Однако обращает на себя внимание то, что среди 12 национальных проектов (программ), предусмотренных этим Указом для разработки, не было поручения о разработке соответствующего национального проекта (программы). Хотя, на наш взгляд, программно-целевой подход к ее решению был бы наиболее продуктивным.

В Указе Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития России до 2030 года»²¹ статус проблемы снижения бедности был понижен. Она была включена в национальную цель «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей», для достижения которой предусматривалось «снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года» (п. 2а).

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации²² проблематике бедности отведено еще более скромное место. В разделе II о положении России в современном мире констатируется, что «...принимаются комплексные меры, направленные на... снижение уровня бедности...» (п. 14); в разделе IV об обеспечении национальной безопасности, в той части, которая посвящена сбережению народа России и развитию человеческого потенциала, среди других целей, в перечислении, обозначена цель «...сокращение бедности...» (п. 32). К путям достижения этой цели, сформулированным в данном разделе этого документа, можно отнести следующую задачу: «...увеличение реальных доходов населения, сокращение числа малообеспеченных граждан...» (п. 33.1). Правительство Российской Федерации практическое решение поставленной президентом задачи снижения в два раза уровня бедности увязало с необходимостью введения новой индикаторной базы для ее измерения. В 2020 г. было внесено изменение в ФЗ от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»²³. Этим решением прожиточный минимум с 2021 года стал исчисляться в процентах от медианного дохода, вместо потребительской корзины, которая была положена в основу его определения с 1998 г. по 2020 г. По сути, правительство отказалось от измерения

²¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ 21.07.2020 г. № 474. <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 18.11.2021).

²² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-02072021-n-400/strategiia-natsionalnoi-bezopasnosti-rossiiskoi-federatsii> (дата обращения: 18.11.2021).

²³ ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», №134-ФЗ от 24 октября 1997г. <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=bLxfbuSa4ZJm2lZh2&cacheid=73AA44D6CBAD574456ACE98C1AAFB099&mode=splus&base=LAW&n=372860&rnd=F7335E5ED9AF6D872D7A258B52C3EAD0#NQ0gbuSmYlrsUv11> (дата обращения: 18.11.2021).

абсолютной монетарной бедности и перешло к выявлению относительной монетарной бедности. Соотношение величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации и величины медианного среднедушевого дохода за предыдущий год с 2021 г. установлено в размере 44,2%.

Замена одного индикатора для выявления уровня и динамики бедности (ПМ, рассчитанного по потребительской корзине) другим (ПМ, рассчитанного в % от медианного дохода), на наш взгляд, была ошибочной. Это оторвало выявление бедности от потребления низкодходных слоев населения, сделало ее расчет непрозрачным и могло привести не к снижению, а даже к росту уровня относительной монетарной бедности. Последнее противоречило задаче снижения бедности в два раза. Видимо, осознание этого привело к принятию еще одного Решения Правительства РФ «Об утверждении правил определения границ бедности в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, используемых в оценках показателя «уровень бедности» в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, и о внесении изменений в федеральный план статистических работ» от 26 ноября 2021 г. № 2049²⁴. Этим решением были введены т. н. Правила определения границ бедности. Базовые границы бедности в целом по Российской Федерации и в ее субъектах теперь определяются на уровне величин прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации и в ее субъектах, установленных за IV квартал 2020 г. Значения границ бедности на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации на соответствующий отчетный квартал или год, начиная с I квартала 2021 г., определяются путем умножения значений базовых границ бедности на индекс потребительских цен за отчетный квартал или год к IV кварталу 2020 г., полученный цепным методом, в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации.

Принятое Правительством РФ Решение № 2049 привнесло путаницу в определение уровня бедности. Вместо того чтобы определять его по прожиточному минимуму, который исчисляется в доле от медианного

²⁴ «Об утверждении правил определения границ бедности в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, используемых в оценках показателя «уровень бедности» в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, и о внесении изменений в федеральный план статистических работ» от 26 ноября 2021 г. № 2049. <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=bLxfbuSa4ZJm2lZh2&cacheid=DE5E3D8392A1888EF0DBF4E35898EE58&mcode=splus&base=LAW&n=401369&rnd=F7335E5ED9AF6D872D7A258B52C3EAD0#Ui7mbuSGK7sPqvtc1> (дата обращения: 18.11.2021).

дохода, уровень бедности теперь исчисляется от ПМ 2020 г., определенного по потребительской корзине, которая уже не определяется начиная с 2021 г. Введение индексации границ бедности по индексу потребительских цен, определенному в целом по Российской Федерации, а также использование для определения границ и динамики бедности размеров ПМ, определенных по потребительской корзине 2020 г., занижает реальный уровень бедности. Дело в том, что потребительская корзина 2014 г., по которой определялся ПМ в 2020 г., уже не соответствовала уровню минимальных потребностей населения и должна была быть пересмотрена, а индекс потребительских цен по потребительской корзине всегда выше, чем определенный в целом по Российской Федерации.

Средняя покупательная способность душевых денежных доходов в 2017–2020 гг. практически не росла (3,2 ПМ), а уровень абсолютной монетарной бедности составлял: в 2017 г. – 12,9%, в 2018 г. – 12,6%, в 2019 г. – 12,3%, а в 2020 г. – 12,1%, что недостаточно для снижения ее в два раза, т. е. до 6,5% в 2030 г. (на это указывают В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина в своих статьях)²⁵.

Таким образом, противоречивые нормативные акты по решению проблемы бедности в стране, а также ее недостаточная фактическая динамика ее снижения позволяют усомниться в том, что в настоящее время приняты комплексные меры, направленные на уменьшение бедности, соответствующие требованиям Указа Президента «О национальных целях развития России до 2030 года». Ключевыми проблемами, решение которых повлияет на снижение уровня бедности, на наш взгляд, являются:

1. Широкое распространение неустойчивой (прекаризованной – от англ. *precarious*) занятости (НЗ). Исследования показывают, что НЗ проявляется в отсутствии официального оформления занятости, в неофициальных доходах от занятости, в отклоняющемся от стандартного (чрезмерном или недостаточном) рабочем времени, низких доходах от занятости и др. НЗ не только определяет низкое качество занятости, но также не обеспечивает устойчивого (благополучного) положения в домохозяйствах по уровню душевых денежных доходов, приводит к снижению уровня жизни домохозяйств занятых, к увеличению масштабов бедности. По нашим оценкам, в России 42,7% экономически активного населения (2018 г.) характеризуют низкие уровень и качество жизни, обусловленные неблагоприятным положе-

²⁵ Бобков В.Н., Гулюгина А.А. 25 лет Мониторинга доходов и уровня жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 3. С. 9–23. DOI: 10.19181/lspg.2020.16.3.1.; Мониторинг доходов и уровня жизни населения России. – 2020 г.: [монография] / В.Н. Бобков [и др.] / Отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: «Фабрика Офсетной Печати», 2021. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-361-4.2021. С. 78.

ния в сфере занятости, сопровождаемого последствиями НЗ, а также неблагоприятным материально-имущественной обеспеченности, связанной с бедностью по денежным доходам, жилищной бедностью и/или отсутствием (недостаточностью) финансового резерва²⁶. Необходимо признать на официальном уровне (в официальных документах) наличие проблемы неустойчивой занятости, которая приняла широкие масштабы в России, и разработать комплексные меры по снижению ее масштабов и повышению качества трудовых отношений как в организациях, так и в экономике физических лиц.

2. Низкие социальные стандарты, определяющие минимальные государственные гарантии, прежде всего прожиточный минимум (ПМ) и минимальный размер оплаты труда (МРОТ). Пересмотр методики расчета ПМ и МРОТ, начиная с 2021 г., не привел к их ощутимому повышению (ПМ в 2021 г. составил 11 653 руб., приращение к уровню 2020 г. (11 312 руб.) – 3 %²⁷, МРОТ в 2021 г. составил 12 792 руб., приращение к уровню 2020 г. (12 130 руб.) – 5,5%²⁸. В исследованиях обосновано, что для воспроизводства доходов, необходимых для удовлетворения минимальных потребностей граждан, размер душевого ПМ в целом по России должен составлять не менее 38 958 руб. в месяц²⁹

²⁶ Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Низкие уровень и качество жизни экономически активного населения: критерии идентификации и оценка распространенности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 168–181. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.10.

²⁷ Уровень жизни. Прожиточный минимум. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 31.01.2022).

²⁸ Уровень жизни. Основные социальные гарантии, установленные законодательством Российской Федерации // Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 31.01.2022).

²⁹ При проведении расчетов были использованы: ранее проведенные и опубликованные расчеты для основных социально-демографических групп населения в 2018 г.; данные статистики о темпах роста потребительских цен по разным группам товаров (продовольственные и непродовольственные товары, услуги) в 2021 г. к 2018 г.; правила расчета обязательных платежей и сборов для трудоспособного населения, действовавшие для определения величины ПМ в 2013–2020 гг.; фактические данные о численности и возрастном составе населения в 2021 г.; данные Налогового кодекса РФ о стандартных налоговых вычетах на ребенка и налоговой ставке в 2021 г. *Источники:* Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Гулюгина А.А. Потребительская корзина как основа государственных гарантий минимальных денежных доходов российских граждан (часть вторая) // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 4. С. 4–18; Индексы потребительских цен на товары и услуги // Росстат. <https://rosstat.gov.ru/price>; Постановление Правительства РФ от 29 января 2013 г. № 56 «Об утверждении Правил исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации» (в настоящее время утратило силу); Распределение населения по возрастным группам // Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>; Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.11.2021) (с изм. и доп.), ст. 218, 224.

(2021 г.), что в 3,3 раза выше установленной величины ПМ. Обеспечить воспроизводство минимальных доходов в семье может МРОТ в расчете на среднестатистическую полную российскую семью (двое работников и один ребенок) в размере³⁰ не менее 53 762 руб. в месяц. Конечно, единовременное повышение ПМ и МРОТ до этих стандартов привело бы к большим перекосам в воспроизводственных пропорциях экономики. К ним надо переходить постепенно. Но необходимо понимать, сколь глубоко отставание фактически установленных гарантий минимальных доходов от научно обоснованных, и проводить государственную политику доходов, направленную на его преодоление. Ориентиром для такой политики могла бы стать социально приемлемая потребительская корзина, положенная в основу социально приемлемого потребительского бюджета (об этом уже неоднократно писал один из авторов данной статьи)³¹.

3. Недостаточная социальная поддержка уязвимых категорий населения (малоимущие семьи с детьми, с детьми-инвалидами и пр.). По нашему мнению, было бы целесообразным изучение возможности проведения в России экспериментов по тестированию инструментария безусловного базового дохода (ББД). Реальность такой политики была продемонстрирована российским правительством в условиях социально-экономических последствий COVID-19: выплаты в течение нескольких месяцев всем семьям с детьми по 10 000 руб. и др. В 2017–2018 гг. в Вологодской области был проведен пилотный проект по установлению для малоимущих семей с детьми гарантированного минимального дохода (ГМД), представляющего собой переходную форму ББД. Эксперимент показал, что дополнительная выплата, доводящая душевой доход малоимущей семьи с детьми до ГМД, позволила семьям из целевой группы проекта повысить их экономический ресурс, решить проблемы с обеспечением необходимых базовых потребностей (улучшение питания, решение проблемы с долгами и пр.) и преодолеть глубокую бедность. Эта форма социальной поддержки могла бы стать новым

³⁰ Рассчитано с учетом экономии на потреблении при совместном проживании.

³¹ Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В., Сафронова А.М. Социально приемлемая потребительская корзина // Уровень жизни населения регионов России. 2019. Т. 15. № 2. С. 8–26. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10060; Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. Минимальная потребительская корзина: какой ей быть в нынешней России? // Российский экономический журнал. 2020. № 1. С. 54–73. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-1-54-73; Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Гулюгина А.А. Потребительская корзина как основа государственных гарантий минимальных денежных доходов российских граждан (часть вторая) // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 4. С. 4–18. DOI: 10.19181/population.2020.23.4.1.

эффективным инструментом социальной политики для этой категории домохозяйств³².

Часть проблем малоимущих домохозяйств могла бы быть решена с введением продовольственных карточек. Однако вводить эту новую форму социальной поддержки уязвимых категорий населения необходимо с учетом результатов пилотных проектов и мнений населения. Исследования показывают неоднозначное отношение россиян из разных социальных групп к идее введения продовольственных карточек. Опрос, проведенный ВЦИОМ в 2017 г. для выявления отношения россиян к предложению о введении продовольственных карт для малоимущих, показал, что 78% опрошенных поддержали данное предложение (чаще в поддержку высказывались молодежь и сельские жители); также были выявлены связанные с этим страхи и опасения (более 50-60% опрошенных) – короткий перечень магазинов, в которых можно будет использовать карты; максимально ограниченное число получателей карт; низкое качество отпускаемых по картам товаров и др.³³. Опрос потенциальных целевых категорий получателей ББД, проведенный в 2021 г. в рамках проекта, реализуемого исследователями ИСЭПН ФНИСЦ РАН и РЭУ им. Г.В. Плеханова, направленного на изучение ББД как регулятора повышения уровня и качества жизни, показал, что мнения опрошенных разделились по вопросу о целесообразности предоставления ББД в форме «карточек» для осуществления целевых расходов. Так, среди респондентов, представляющих категорию малоимущих семей с детьми, 45% высказались «за», остальные 55% – «против»³⁴.

Заключение

Подводя итоги рассмотрения проблем современного общества в России, проанализированных в контексте гражданской и научной позиции Е.И. Капустина, необходимо отметить следующее.

1. Результаты научного творчества Е.И. Капустина не утратили своей актуальности. Его фундаментальная работа «Уровень, качество и образ жизни населения» (М.: Наука, 2006), в которой анализируются

³² Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. Методологические подходы к усилению адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми // *Уровень жизни населения регионов России*. 2019. Т. 15. № 1. С. 9–19. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10049.

³³ Продовольственные карточки: за и против // ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prodovolstvennye-kartochki-za-i-protiv> (дата обращения 31.01.2022).

³⁴ Безусловный базовый доход // РЭУ им. Г.В. Плеханова. <https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchnyjj-centr-ehkonomiki-truda/Pages/universal-basic-income.aspx> (дата обращения 31.01.2022).

социальные закономерности в социалистической и капиталистической России, является, по сути, его научным завещанием, а высказанные в ней предложения сохраняют практическую значимость.

2. Окружающая нас действительность в экономике и социальной сфере идет вразрез с представлениями советских и прогрессивных современных российских ученых-экономистов о перспективах развития России. Экономические реформы, проводимые в стране после 1991 г., привели к катастрофическому снижению уровня жизни большей части российского населения, к экономически необоснованному и социально несправедливому распределению доходов, к высокой бедности и высокому социально-экономическому неравенству. Господство интересов финансовой олигархии, действия российского государства в интересах крупных частных и государственных корпораций и аффилированных с ними чиновников противоречат общественным интересам, социальной направленности развития страны.

3. Необходимо продолжение глубоких научных разработок для поиска выхода из сложного экономического и социального положения России на основе политэкономической концепции социального императива, предопределяющего постановку в центр научных исследований социальных требований трудящихся. Комплексный подход к рассмотрению уровня, качества и образа жизни применительно к современному периоду развития российского общества дает возможность взаимосвязанно рассматривать социально-экономические условия воспроизводства человеческого потенциала и выбора человеком и обществом направлений его реализации.

4. Государственно-патриотические научные взгляды российских ученых на развитие страны с позиций интересов трудящихся, обеспечения социальной справедливости являются основой их достойной гражданской позиции и способности предложить пути экономического и духовного возрождения и процветания России. Эти взгляды нуждаются в широкой поддержке и реализации в государственной экономической и социальной политике, особенно в современных условиях.

Дата поступления рукописи: 07.02.2022 г.

ABOUT THE AUTHORS

Bobkov Vyacheslav Nikolaevich – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honored Scientist, Chief Researcher, Head of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Social and Economic Problems of Population of the Federal Scientific Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Director of the Scientific Center for Labor Economics of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia
bobkovvn@mail.ru

Vershinina Maria Alexandrovna – Researcher at the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Social and Economic Problems of Population of the Federal Scientific Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vershinina@isesp-ras.ru

LABOR AND QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE SCIENTIFIC ATTITUDE OF E.I. KAPUSTIN (TO THE 100-th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE SCIENTIST)

The article reviews the views of Russian scientists (associated with the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences) on the accumulated problems of capitalist transformations in Russia. They are collected in the «Labor and Quality of Life of the Population of Russia. To the 100-th Anniversary of the Birth of the Scientist» / Ed.: I.V. Soboleva. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2021. The publication coincides with the 100th anniversary of E.I. Kapustin, outstanding Soviet and Russian economist, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics in 1971–1986. Issues of current capitalist society in Russia were analyzed in the collection in the light of civil and scientific attitude of E.I. Kapustin. They concern human potential and quality of life of the population, social and labor relations and the labor market in the context of the COVID-19 pandemic. The article also examines the issues of poverty in post-Soviet Russia. It is concluded that it is necessary to continue the search to solve the difficult economic and social situation of our country on the basis of the political economy concept of the social imperative, which places the labour social demands to the center of scientific research.

Keywords: *E.I. Kapustin, social and economic inequality, the quality of life, standard of living, lifestyle, poverty, human potential, social and labor relations, employment.*

JEL: A11, D63, J01, I32, N00.

А.Г. КУЛИКОВ

академик Международной академии информатизации,
доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации

БЕЗУСЛОВНЫЙ «БАЗОВЫЙ» ДОХОД В РОССИИ: ШАНС ИЛИ ЛОВУШКА?

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_192_205.

Идея безусловного базового дохода (ББД) – фиксированного дохода, гарантированного государством каждому гражданину независимо от его возраста и занятости, зародилась давно. Но за последние годы, особенно с началом пандемии COVID-19, переводом работников на удаленный режим работы и сокращением рабочего времени из-за карантинных ограничений, а также с ростом роботизации, проблемы занятости и доходов населения вновь актуализировались.

По оценкам Международной организации труда, в 2019 г. 267 млн молодых людей в мире нигде не учились и не работали. Потери рынка труда к июлю 2020 г. составили почти 500 млн рабочих мест, а потери трудового дохода в мировом масштабе только за первые 9 месяцев 2020 г. составили 3,5 трлн долл. И этот показатель продолжает расти, а значит растет и социальная напряженность в обществе.

В 1986 г. в университетском городке Лувен-Ла-Нев под Брюсселем была сформирована некоммерческая организация «Европейская сеть базового дохода» (BIEN), объединявшая ученых и активистов – сторонников соответствующей идеи. В 2004 г. сеть становится международной, ежегодно проводятся конгрессы организации, более чем в трех десятках стран работают национальные некоммерческие организации. В 2020 г. видные идеологи концепции ББД, философы-политэкономы из бельгийского Католического университета Лувена Филипп Ван Парейс и Янник Вандерборхт опубликовали своего рода энциклопедию подходов и аргументов в сфере обсуждения базового дохода (Ф. Ван Парейс, Я. Вандерборхт. Базовый доход. Радикальный

проект для свободного общества и здоровой экономики / Пер. с англ. А. Гусева; под науч. ред. С. Моисеева. НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020).

В рецензии на эту книгу первый заместитель главного редактора журнала «Эксперт» А. Ивантер пишет: «И вот теперь идеологи ББД решаются на нетривиальное упражнение – делают попытку «изгнать» труд из триединой системы факторов производства. Во всяком случае, человеческий труд, предвещая скорое наступление «исчезновения труда» – львиную часть доступных на Земле работ будут выполнять роботы и (или) автоматы. Реализация этой антиутопии будет означать закат человеческой цивилизации» (Эксперт. 2020 № 31–34. С. 73).

Как предполагают сторонники введения безусловного «базового» дохода, эта мера позволит снизить остроту таких проблем, как безработица, имущественное неравенство, бедность, нищета, преступность, доступность качественного образования и здравоохранения.

Точечные эксперименты с подобными мерами проводятся в разных странах с 1960-х годов, но пока их результаты неоднозначны и неубедительны. В России обозначились две основные версии реализации идей ББД: первая – путем перераспределения доходов через государственный бюджет, вторая – посредством распределения собственности на часть национального богатства, наделения каждого гражданина какой-то долей этого богатства, позволяющей жить доходами от этой доли (см.: С. Беляев. Пожизненный достаток или рента за гражданство // Московский комсомолец. 21.05.21).

Поскольку более «продвинутой» оказалась первая версия, остановимся сегодня на ней. Инициатива разработки этой версии ББД в России принадлежит партии «Справедливая Россия». Еще в 2003 г. депутат Государственной думы В. Гартунг внес на рассмотрение два законопроекта: в первом излагался механизм сбора природной ренты, во втором – распределение этой ренты по личным счетам россиян. Однако думское большинство провалило их.

На сегодняшний день через механизм цены отсечения при экспорте часть природной ренты все-таки собирается в «государственной кубышке» – в Фонде национального благосостояния. Но гражданам эти деньги не достаются, а расходуются в основном на структурные проекты, на финансирование антикризисных мероприятий и др.

В сентябре 2021 г. депутаты «Справедливой России» писали: « для того, чтобы идея базового дохода была реализована в наиболее выгодном для простых россиян варианте, важно, чтобы в Государственной думе большинство принадлежало депутатам, которые поддерживают базовый доход. Сформировать такой состав парламента под силу только самим гражданам – на выборах» («Справедливая Россия» № 5 (244/3). Июнь 2021. С. 4). Как известно, и эта задумка «справедроссов» снова провалилась.

В развернувшейся заочной дискуссии российских экономистов выявились как сторонники, так и противники ББД. Так, доктор экономических наук, депутат Государственной Думы РФ VIII созыва, заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по экономической политике М. Делягин писал: «В федеральном бюджете без движения лежат 17,9 миллионов (опечатка – конечно же, триллионов – А.К.) рублей. Если же ввести безусловный доход, то уже через год в виде налоговых поступлений вернется больше трех четвертей из этих денег» («Мир новостей». № 30 (1439), 21.07.21).

7 сентября 2020 г. с инициативой, касающейся официально зарегистрированных безработных, выступил председатель Комитета по экономической политике Совета Федерации А. Кутепов. В сентябре 2020 г. идею введения гарантированного базового дохода поддержал Д. Медведев, для чего он призвал провести максимально тщательный анализ, «прежде всего с экономической, финансовой и организационной точек зрения» (МК, 18.09.20. С. 1, 3).

В предисловии к статье руководителя Центра социологических исследований РАНХиГС В. Вахштайна «Как изменится работа», опубликованной в журнале «Эксперт», декларируется: «Удаленка не несет свободу, поколение Z не бездельники, а безусловный базовый доход повышает мотивацию к труду...а праздность и работа превращаются в остаточные категории...» (Эксперт. № 29, 12–18 июля 2021. С. 44).

Некоторые сомнения по поводу введения ББД высказывает доктор экономических наук Е. Гонтмахер: «Сомнения возникают не только с финансовой точки зрения: пандемический кризис может затянуться, а безусловный базовый доход надо вводить на этапе экономического подъема, в условиях всеобщего оптимизма и роста доходов. А так ББД хорош многим. Например, снижается администрирование и вместе с тем повышается эффективность социальных выплат. Адресность – это палка о двух концах. Расходы государства на выявление категории бедных могут порой превышать объем помощи этим людям» (МК, 10.02.20).

Более определенно отрицательное отношение к идее ББД высказали И. Николаев, Н. Кричевский, Н. Масленников, В. Фадеев, А. Ивантер.

И. Николаев, доктор экономических наук, директор Института стратегического анализа компании ООО «Финансовые и бухгалтерские консультанты», сказал: «Для меня финансовый аспект здесь не главный. Мы еще не находимся на должном уровне не только экономического, но и в широком смысле человеческого развития. Не доросли еще. Допустим, россияне будут знать, что базовый безусловный доход им обеспечен. На очень многих это окажет дестимулирующий эффект. К чему работать, если государство кладет тебе в карман вполне приличную сумму? Зачем пытаться найти себя в какой-то про-

фессии, реализовать свои умения, если можно просто получать деньги и благополучно проедать их?

Что касается инфляционных рисков, то они есть. Насколько вырастут цены, сказать трудно, поскольку все будет зависеть от объема дополнительной денежной массы» (МК, 08.09.20).

Н. Кричевский, доктор экономических наук, профессор, считает: «введение безусловного базового дохода – это потворство иждивенчеству. Этого нельзя делать ни в коем случае, хотя бы потому, что человек – существо социальное... Он рожден не только для того, чтобы есть и спать, но еще и для того, чтобы трудиться на благо себя, своей семьи, своей страны. Если будет базовый доход, многие просто перестанут работать – каждый месяц они будут просто так получать из бюджета по 10 тыс. рублей» (Мир Новостей. № 30 (1439), 21.07.21).

Н. Масленников, руководитель направления «Финансы и экономика» Института современного развития, отметил, что «Связанный с ББД мировой опыт крайне неоднозначен. <...> На мой взгляд, адресная поддержка – более перспективный вариант» (МК, 08.09.20).

Обосновывая свою концепцию введения безусловного базового дохода, члены партии «Справедливая Россия» пишут: «Эксперименты по установлению базового дохода проводятся везде в мире – от Индии до Финляндии, от Кении до Канады. И везде отмечаются позитивные результаты. Все большее число стран собирается использовать этот инструмент. Россия тоже должна использовать этот опыт» (Справедливая Россия. № 5/244/3. Июнь 2021. С. 4).

А вот где «везде» отмечаются позитивные результаты и какие страны собираются использовать этот инструмент, неизвестно. Пока из опубликованных материалов следует обратное. Наиболее разрекламированными были эксперименты в Швейцарии, Финляндии, Испании. Что получилось? В Швейцарии каждому гражданину – участнику эксперимента полагалось по 2,5 тыс. швейцарских франков (2650 долл.) в месяц. Но эта идея, слишком сырая и не обкатанная каким-либо практическим опытом, пришлась не по нраву швейцарцам. В 2016 г. на референдуме инициатива о введении безусловного базового дохода была однозначно отвергнута более чем 75% жителей.

Финский эксперимент начался в 2017 г., хотя первые проекты появились еще в 2015 г. Первоначально планировалось раздавать по 800 долл. в месяц всем участникам без учета доходов или наличия работы. Однако такое предложение Национального агентства по специальному страхованию (Kela) оказалось неприемлемым из-за бюджетных ограничений. Пришлось умерить аппетиты. Kela получило разрешение на денежные выплаты только для небольшой группы граждан – 2 тыс. человек. Все получатели экспериментальной помощи выбирались случайным образом, но с несколькими условиями: во-первых, эти

люди должны были быть безработными; во-вторых, малоимущими, в-третьих, входить в возрастную категорию 25–58 лет (Оказывается, не совсем «безусловный» доход-то – А.К.).

Проверялась ключевая идея концепции: безусловный доход должен стимулировать трудоспособных, но малообеспеченных граждан найти работу. От классического пособия по безработице программа отличалась тем, что деньги выплачивались вне зависимости от того, нашел человек впоследствии работу или нет. Затем сумма выплат была уменьшена до \$650 в месяц. Подводя итоги первого (2017) года работы, Kela анализировало эффект получения дополнительного пособия (ББД) по трем показателям: трудоустройство, доходы и качество жизни испытуемых, а точнее, такая его составляющая, как бюрократизированность. Для наглядности их показатели сравнивали с контрольной группой безработных финнов, не получавших базовый доход.

Первый и главный итог эксперимента – выплата безусловного дохода вместо пособия по безработице не очень стимулирует людей искать работу. В 2017 г. участники программы в среднем отработали 49,64 дней против 49,25 дней в контрольной группе. Разница в полдня – на уровне статистической погрешности.

Получение гарантированных государством денег не повлияло и на самозанятость: доля людей, самостоятельно зарабатывающих деньги, составила 43,7% в экспериментальной группе, а в контрольной – 42,85%. При этом среднестатистический финский безработный от неофициальной подработки получал на 21 евро в год больше, чем участник эксперимента.

Одним из важных аргументов в пользу введения безусловного дохода было сокращение бюрократических процедур. Здесь был отмечен определенный прогресс. На забюрократизированность процесса получения ББД пожаловались 59% опрошенных участников эксперимента, а из числа участников контрольной группы – 68%. Таким образом, результаты эксперимента оказались неоднозначными: определенное улучшение положения испытуемых в плане борьбы с бюрократизацией – это хорошо. Но ключевой аргумент сторонников безусловного базового дохода, который всегда состоял в том, что получающие гарантированные деньги граждане будут стремиться искать работу и работать эффективнее, не был подтвержден. И это ставит под сомнение саму идею.

Введение ББД, подобное финскому, планировалось в канадской провинции Онтарио, но на практике так и не было осуществлено.

Рассматривая итоги экспериментов в западных странах, мы должны иметь в виду, что главная их цель – определить влияние ББД на занятость в связи с развитием роботизации, высвобождением работников

и угрозой роста безработицы. И распространяются они только на трудоспособное население. У нас же в России, где таких экспериментов пока не проводилось, главной целью введения безусловного дохода предполагается преодоление углубляющегося социального расслоения, повышение уровня жизни населения и ликвидация позорной нищеты.

В законопроектах, разработанных и представленных партией «Справедливая Россия», планируется начать с выплат семьям с детьми и детям до 18 лет, находящимся в детском доме, а затем охватить все остальные группы населения. Для этого, по самым скромным подсчетам, необходимо 17,5 трлн руб. ежегодно (10 000 руб. × 146 млн человек × 12 месяцев) – сумма, почти равная всему федеральному бюджету России на 2021 г. Где же взять такие огромные деньги?

«Такие деньги, – пишут «справедроссы», – в стране есть, и депутаты «Справедливой России» уже внесли законопроекты, которые помогут финансово обеспечить базовый доход» (Справедливая Россия. № 5 (244/3). С. 4), – это: природная рента (9 трлн руб.), монопольная рента (6–8 трлн руб.) и коррупционная рента (4–6 трлн руб.) (там же). Но насколько надежны эти три источника? В ноябре 2021 г. страховой запас ФНБ повышен – до 10 трлн руб.

Что касается госзакупок и ликвидации коррупционной ренты, то на них можно рассчитывать, если за это «хорошо побороться». А с другой стороны, разве нельзя бороться с коррупцией без введения ББД? Природная рента, во-первых, всецело зависит от капризов мировых цен на сырьевые товары и не может быть стабильным источником ББД, а, во-вторых, значительная ее часть уже абсорбируется государством в Фонде национального благосостояния. Наконец, самым неопределенным и необоснованным источником ББД, представленным партией «Справедливая Россия», является монопольная рента. Вот что пишут об этом сами «справедроссы»: «Если взять и раздать россиянам 17,5 трлн руб., большинство граждан побегут в магазины и купят еды, одежды и хозяйственных товаров. Большая часть товаров и услуг первой необходимости создается внутри страны. То есть в результате мы увидим, что в экономику дополнительно поступит порядка 15 трлн руб. Это около 14% ВВП. Таким образом, введение базового дохода обеспечит не менее 10% роста экономики в год. За десять лет при среднегодовом росте в 10% ВВП вырастет примерно в 2,6 раза, на 180 трлн руб. Так что через десять лет только от суммы прироста страна сможет направлять на выплату базового дохода не менее 10 трлн в год» (Справедливая Россия. № 5 (244/3). С. 4).

Раздать-то можно, но где взять?

В самом деле, о какой монополии и монопольной ренте идет речь? Почему вдруг решили, что 15 трлн руб. непременно «побегут» в мага-

зины, и что будет с экономикой, если эти триллионы обрушатся на наши прилавки? Где уверенность в том, что в течение 10 лет наша экономика будет ежегодно прирастать на 10%, т. е. темпами, которых она не знает уже более полувека, а за последние десять лет росла в среднем чуть больше, чем на один процент в год? (см. табл.).

Таблица

Динамика ВВП России (в % к предыдущему году)

2012 г.	+4,0	2017 г.	+1,8
2013 г.	+1,8	2018 г.	+2,5
2014 г.	+0,7	2019 г.	+1,3
2015 г.	-2,0	2020 г.	-2,7
2016 г.	+0,2	2021 г.	+4,7

Источник: составлено автором на основании данных Росстата: Электронные таблицы – «Показатели национальных счетов России в 2011-2019 гг.» 2020. С. 250, табл. 2.7.1.; Социально-экономическое положение России – 2022. <https://rosstat.gov.ru/folder/124102>; https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm.

Из данных таблицы получается, что средний годовой рост ВВП за десять лет составил 1,23%.

Само название предмета дискуссии не выдерживает никакой критики. То, что с бедностью и нищетой необходимо бороться серьезно и безотлагательно, известно давно, но только не бесплатной раздачей денег работающим. Называть плату за безделье базовым доходом – экономически неграмотно и даже безнравственно. Базовым доходом всегда была и еще очень долго будет плата за труд.

«Справедливая Россия предлагает ввести обязательные ежемесячные выплаты каждому гражданину. Это СПРАВЕДЛИВЫЙ БАЗОВЫЙ ДОХОД. Он поможет раз и навсегда победить нищету и бедность в нашей стране» (Справедливая Россия. № 5(244/3). С. 1). Смее утверждать, что не поможет. И предсказанный путь окажется не шансом, а ловушкой для России и окончательным развалом и без того большой российской экономики.

В чем же неприемлемость введения безусловного, да еще к тому же и «базового» дохода в России?

Во-первых, разрушающий эффект иждивенчества. Незаработанные деньги развращают людей. Зачем напрягаться, работать, если можно получать деньги, не работая?

Хочется напомнить, особенно представителям молодого поколения, известное положение Ф. Энгельса: «Труд – источник всякого богатства, утверждают политикоэкономы. Он действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он

превращает в богатство. Но он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» (Ф. Энгельс. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. М.: Госполитиздат, 1951. С. 3).

Идея «справедроссов» была доведена до абсурда председателем Комитета по экономической политике Совета Федерации А. Кутеповым. Седьмого сентября 2020 г., как уже отмечалось ранее, он выступил с предложением платить потерявшим работу гражданам по 35 тыс. руб. в месяц. Он заявил, что выплаты на несовершеннолетних детей в семьях безработных «не позволили им компенсировать утраченные доходы и поддерживать достойный уровень жизни». По его словам, программу можно начать уже в текущем (2020. – А.К.) году и продолжать до 2025-го. А первоначальные расходы компенсировать из Фонда национального благосостояния.

Кутепов напомнил, что, по версии Минтруда, к концу 2020 г. в России ожидается до 5,5–6 млн официально зарегистрированных безработных. Чтобы удовлетворить их минимальные потребности с учетом семейной нагрузки, «им необходимо выплачивать пособие в размере не менее трех прожиточных минимумов трудоспособного населения» (около 35 тыс. руб.). Это потребует годовых расходов в сумме 2,183 трлн руб.». (Г. Степанов. Безработных сделают доходягами // МК, 08.09.20). При этом А. Кутепов считает, что дополнительными источниками финансирования программы могут стать средства, «ожидаемые от мультипликативного эффекта первоначальных целевых затрат, который возникает при стимулировании потребительского спроса».

Россияне, как выяснил портал superjob.ru, тоже не прочь получать пособие (желательно не менее 20 тыс. руб.): идею одобрили 70% респондентов в возрасте от 25 до 34 лет.

А что будет через месяц–другой, если попробовать выплачивать каждому зарегистрированному безработному по 35 тыс. руб.? Вероятно, стать такими безработными захотят все, кто зарабатывает меньше 35 тыс. руб., а число безработных подскочит с 5–6 до 35–40 млн человек. Так что ББД – это бомба для российской экономики.

Во-вторых, поклонники безусловного базового дохода считают, что с помощью бюджетных манипуляций можно решить все социально-экономические проблемы страны. Они не увязывают государственные финансы с развитием промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта, науки, образования, здравоохранения и культуры.

В-третьих, введение безусловного дохода усугубило бы колониально-сырьевую односторонность российской экономики, поскольку основным источником ББД является сырьевая рента, которую мы шестьдесят лет

обещаем направлять на развитие новых прорывных отраслей производства. Видимо, эгоистические интересы монополистов-сырьевиков сильнее интересов страны и популистских обещаний правительства.

В-четвертых, нельзя всех граждан Российской Федерации, то есть все 146 млн человек «стричь под одну гребенку» и всем выдавать по 10 тыс. руб. в месяц. Кто-то без этой помощи едва сводит концы с концами, а кому-то она совсем не нужна.

В-пятых, какую цену мы должны заплатить за внедрение ББД, т. е. что делать с существующей системой социальных льгот?

По моему мнению, вместо безадресного ББД гораздо эффективнее не только сохранить, но и поднять на новый уровень действующие адресные льготы: всеобщее бесплатное среднее, а в течение лет пяти и бесплатное высшее образование, бесплатное питание школьников, двух-трехкратное повышение детских пособий и пенсий, бесплатное здравоохранение.

В-шестых, и, на мой взгляд, самое главное – это отрицательное влияние введения ББД на решение главной экономической проблемы современной России – на повышение производительности труда. Мы еще помним слова В.И. Ленина, высказанные им сто лет назад: «Производительность труда – это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» (В.И. Ленин. Великий почин. ПСС. Т. 39. С. 21).

После восстановления народного хозяйства, разрушенного сначала Первой мировой войной и Гражданской войной, а затем и Второй мировой войной, Советский Союз показал невиданные в мире темпы экономического роста и производительности труда. За четверть XX в. (1929–1955 гг.) экономика СССР выросла в 14 раз. Наша экономика стала первой в Европе и второй в мире. Среднегодовой рост, за вычетом четырех военных лет, составил 13,8%. Средняя продолжительность жизни увеличилась на 26 лет. А это комплексный показатель эффективности социально-экономических усилий государства. Реальная зарплата за 25 лет выросла четырехкратно, а вклады граждан в сберкассах – в пять раз (Русское чудо 1929–1955 годов // «Завтра». Июль, 2021 г. № 29 (1439)).

Конечно, недостатки в оплате труда были и в советской экономике. Но государство регулировало эти процессы, стремясь следовать принципу «от каждого по способностям – каждому по труду». «Когда речь идет о распределении продовольствия, думать, что нужно распределять только справедливо, нельзя, а нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства» (В.И. Ленин. ПСС. Т. 35. С. 201).

За тридцать лет перестройки в России разрушили не только тысячи предприятий, но и существовавшую систему оплаты труда. Даже в государственных бюджетных учреждениях отменили тариф-

ные сетки. Беда не только в том, что в стране преобладает очень низкий уровень оплаты труда, но и в том, что она, как правило, не увязана с результативностью работы.

В развитых капиталистических странах существует целый ряд государственных и негосударственных организаций, занимающихся разработкой и внедрением таких систем оплаты труда, которые максимально повышают его производительность, например, министерство экономики, труда и социального развития в ФРГ, Федеральный союз германской промышленности, Федеральное объединение союзов германских работодателей и др. При них работают научно-исследовательские институты по организации и оплате труда. Широкое распространение получили такие системы оплаты труда, при которых общий заработок работника состоит из двух частей: твердого оклада, или основной заработной платы, и дополнительной заработной платы в виде премий и т. н. социальных выплат. Как правило, на твердый оклад приходится немногим более половины заработка, а остальная, изменяемая часть не закреплена в коллективных договорах, поэтому работник стремится работать интенсивно и качественно, чтобы получить более высокую оплату труда.

Дополнительная заработная плата включает: 1) единовременные денежные пособия (новогодние подарки, пособия на свадьбу, рождение и совершеннолетие ребенка, на похороны членов семьи, подарки к юбилейным датам работника и т. д.); 2) систематические денежные выплаты (производственные пенсии, дополнительная оплата отпусков, дотации на покупку квартиры и т. п.); 3) взносы в так называемый социальный производственный фонд, расходы на организацию детских садов, яслей, домов отдыха, амбулаторий, спортплощадок, заводских буфетов, столовых и т. д. В последние десятилетия расширяется система побочных выплат от «участия в прибылях». Крупнейшие фирмы США, Германии, Великобритании, Франции и других стран распространяют акции среди работников своих предприятий (т. н. акций персонала) с большой скидкой с курсовой цены, либо выдают их бесплатно в качестве вознаграждения за долголетнюю и безупречную службу. В США свыше трети всех компаний используют те или иные формы участия в прибылях.

Кроме того, в развитых странах имеется более современное производственное оборудование, а поэтому и производительность труда у них в 5–7 раз выше, чем у нас, и уровень жизни выше нашего. В России же получается заколдованный круг: низкая оплата труда – низкая производительность, низкая производительность – низкая оплата труда.

Отставание России от развитых стран по производительности труда стало угрожающим. Поэтому в декабре 2018 г. в числе 13 нацпроектов был принят Национальный проект «Производительность труда и под-

держка занятости». В феврале 2020 г. куратором проекта назначен первый вице-премьер А. Белоусов. Руководителем стал министр экономического развития М. Решетников. Проводится большая работа по технико-технологическому обновлению производственного аппарата и повышению квалификации работников разных уровней.

Бюджет реализации нацпроекта до 2024 г. составит 52,1 млрд руб., из которых 45,7 будут составлять субсидии из федерального бюджета, 0,8 – из региональных, 5,6 млрд руб. – из внебюджетных источников (Паспорт проекта).

Цель национального проекта – достижение прироста производительности труда на средних и крупных государственных предприятиях и в компаниях с государственным участием несырьевых отраслей экономики не менее 5% в год. Основные направления реализации Национального проекта: технико-технологическое обновление производственного аппарата и обеспечение соответствующими кадрами новых рабочих мест. Организационная структура реализации национального проекта основана на взаимодействии Минэкономразвития России с субъектами РФ, которые берут на себя обязательства по реализации региональных программ. Субъекты РФ проводят комплексный анализ приоритетных отраслей, экспортного потенциала, потенциала создания новых рабочих мест, спроса и предложения рынка труда, отбирают пилотные предприятия, образцы для реализации проекта. Предприятиям оказывается адресная поддержка по созданию программ по повышению производительности труда.

Федеральный центр компетенций в сфере производительности труда (ФЦК) является носителем компетенций и лучших практик по повышению производительности труда на федеральном уровне. В ходе реализации национального проекта он обобщает знания, анализирует и содействует их тиражированию, проводит обучение сотрудников предприятий методам повышения производительности труда с использованием инструментов бережливого производства по всей производственной цепочке создания стоимости, содействует в организации региональных центров компетенций (РЦК) для тиражирования накопленного опыта в субъектах Российской Федерации.

Для повышения производительности труда реализуется комплекс мер:

1. *Стимулирование предприятий к повышению производительности труда.* Для привлечения предприятий в национальный проект разрабатывается набор мер стимулирования, включая финансовые (доступ к государственным мерам поддержки, предоставление льготных займов и налоговых преференций), а также набор нефинансовых мер. Такие меры разрабатываются как на федеральном, так и на региональном уровнях.

2. *Снижение административно-регуляторных барьеров для повышения производительности труда.* В процессе реализации региональных программ, а также поступающих запросов от предприятий формируется список административных барьеров, проводится работа, направленная на актуализацию требований законодательства в связи с изменением технологий, включая сферу промышленной безопасности, совершенствование трудового законодательства, в том числе в целях уточнения квалификационных требований к работникам с учетом новых технологий, и ряд других.

3. *Обучение управленческого звена предприятий – участников национального проекта, служб занятости населения (ЗН) и других организаций.* Программы обучения разрабатываются с учетом потребности в навыках управления в условиях проведения масштабных организационных преобразований и создания новой культуры производства на предприятиях.

4. *Международное взаимодействие.* Определен набор приоритетных стран для взаимодействия по вопросам производительности: Япония, Германия, Франция и ряд других. Подписан меморандум по сотрудничеству в области производительности между министерствами Российской Федерации и Японии, начата реализация совместного плана действий, включая стажировки, диагностику на пилотных предприятиях, тренинги и обмен опытом.

5. *Методологическое сопровождение.* Разработка методологии расчета показателей производительности, методических рекомендаций по созданию региональных программ и другая методологическая работа в области повышения производительности труда.

6. *Обеспечение реализации национального проекта за счет увеличения числа компаний-партнеров, а также новых форматов взаимодействия бизнеса и создания новых институтов.* С целью максимального охвата предприятий и передачи им компетенций в сфере производительности труда Минэкономразвития России совместно с ФЦК проводят работу по привлечению к работе с предприятиями – участниками нацпроекта компаний-партнеров, обладающих компетенциями в области построения производственных систем.

7. *Создание системы мер поддержки экспорта на предприятиях.*

В отдельный блок выделена работа по повышению эффективности функционирования рынка труда. Мероприятия по повышению производительности труда на предприятиях, требующих изменений в квалификации и численности персонала, сопровождаются организационной работой по переобучению работников – участников региональных программ, а при необходимости – по их трудоустройству на другие предприятия. В субъектах Российской Федерации в целях комплексного решения проблем, связанных с занятостью населения, таких как сниже-

ние дисбаланса спроса и предложения рабочей силы, создание новых рабочих мест, активизация взаимодействия работодателей, служб занятости населения (СЗН), образовательных учреждений и других участников рынка труда, проводится работа по повышению эффективности рынка труда, в том числе мероприятиями развития СЗН.

Необходимо не только повышать квалификацию кадров, но и обеспечить меры по остановке «утечки мозгов» за границу. Как заявил академик Н.К. Долгушкин, бывший главным ученым секретарем Президиума РАН (2017 – 2021 гг.), количество высококвалифицированных специалистов с высшим образованием, уезжающих из страны, с 2012 г. выросло в 5 раз, с 14 тыс. до 68,7 тыс. Значительную часть из них составляют математики, физики, биологи. По расчетам Минобрнауки, на каждом уезжающем за границу специалисте мы теряем от 300 до 400 тыс. долл., а в целом по стране ежегодно – десятки миллиардов долларов. Массштабы утечки интеллекта не только наносят ощутимый ущерб экономике, но и представляют реальную угрозу национальной безопасности.

Согласно опросам социологов, до 20% студентов желали бы уехать на работу за рубеж. Сразу после развала Советского Союза мы по количеству исследователей были на первом месте в мире. У нас было 922 тыс. ученых. Сейчас их осталось только 348 тыс., а если считать «полставочников», то 400 тыс.

Россия – единственная из стран с развитой наукой, где число исследователей на протяжении нескольких десятилетий неуклонно сокращается. Все остальные страны только увеличивают их численность. В 2017 г. по количеству ученых мы были на 4-м месте в мире, а сегодня на 6-м. На первом месте находится Китай, в котором за эти годы количество исследователей увеличилось на 174 тыс. и теперь составляет 1,866 млн человек. В США их 1,434 млн, в Японии – 678 тыс. Нас опережают Корея и Германия. Еще хуже относительный показатель. По нему мы занимаем 34-е место в мире. У нас на 10 тыс. занятых в экономике приходится 56 исследователей, в Израиле – 174, Корее – 153, Франции – 117, Германии – 109, Великобритании – 101, Японии – 99, в США – 92.

«Главной кадровой проблемой, – говорит академик Н.К. Долгушкин, – мы считаем не столько отток ученых за рубеж, сколько резко сократившийся приток молодежи. Если в начале 2000-х годов на исследовательские должности в институтах шли 2% выпускников вузов, то в последние годы – не более 0,7%. По различным оценкам, от 30 до 50% молодых людей уходят из науки в первые же годы работы: они выбирают более доходные сферы экономики. Если такие темпы сохранятся, скоро просто некому будет работать» (Аргументы и факты. 2021. № 17. С. 10).

Вместо нормальной оплаты труда наши сторонники ББД – «добродетели» предлагают выплату от 10 тыс. руб. до трех МРОТ каждому жителю нашей страны. Надеюсь, что этой глупости не суждено сбыться.

Дата поступления рукописи: 26.01.2022 г.

ABOUT THE AUTHOR

Kulikov Alexandr Georgievich – Academician of the International Academy of Informatization, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honored Scientist, Honorary worker of higher vocational education of the Russian Federation, Moscow, Russia
aleksandr.kulikov.34@mail.ru

UNCONDITIONAL “BASIC” INCOME IN RUSSIA: A CHANCE OR A TRAP?

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 25.04.2022.
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 1559-22

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2022

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru